

МЕЩЁРА КРАЙ

Выпуск 3

АЛЬМАНАХ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
МЕЩЁРСКОГО КРАЯ

Москва

Русская деревня
АИРО-XXI

2013

ББК 84Р6

М 56

ИЗДАНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ЗАПАДНОЙ МЕЩЁРЫ
«ГУСЛИЦКИЙ ПЕРЕКРЁСТОК»

Главный редактор С.С. Михайлов

Мещёра-край: Альманах по истории и культуре Мещёрского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мещёры «Гуслиц. перекрёсток». М.: Рус. деревня; АИРО-XXI, 2013. Вып. 3. 320 с.: ил. ISBN 978-5-91022-199-8. (АИРО – Рус. провинция, вып. 5)

Очередной выпуск альманаха по истории и традиционной культуре Мещёры – малоизученного края на стыке Московской, Рязанской и Владимирской областей. В альманахе опубликованы материалы, относящиеся к этнографии, языкознанию, генеалогии, повседневной и устной истории, а также воспоминания о замечательных людях и событиях. Пять статей, посвящённых мещёрскому староверию, традиционно выделены в специальный раздел.

ISBN 978-5-91022-199-8

© С.С. Михайлов, составление
и редактирование, 2013

© А. Мерянин, обложка, 2013

© ПК «Русская деревня», 2013

© АИРО-XXI, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МЕЩЁРЫ

С.С. Михайлов. Из позднейшего периода истории народа мещеры (XIX–XX вв.).....	4
А.Н. Фролов. О следах древнего финно-угорского языка в говоре жителей деревни Кладьково Воскресенского района Московской области.	34
Д.Д. Финкельберг. Об Израиле Давыдовиче Финкельберге	53
Е. Степенская. Человек с большой буквы – Израиль Давыдович Финкельберг	55
С.В. Просина. Приданое в Муромском районе Владимирской области в первой половине XX в. (по материалам экспедиций ГРЦРФ).....	64
Д.В. Громов. Мальчишеская повседневность города Меленки: конец 1940-х – начало 1950-х годов	72
А.В. Ильичева. «Конобеевский байки», или Памяти Людмилы Ивановны Коняевой из села Конобеево.....	105
С.Э. Динер. Таракановское городище	134
А. Малышев (Мерянин). Целебный источник святой Февроньи.....	135

МЕЩЁРСКИЙ ЮРТ

Г. Баутдинов. Из Мишарской глубинки: Нежметдиновы и Ахтямовы-Фаттахетдиновы	138
---	-----

СТАРОВОЕРИЕ МЕЩЁРЫ

С.С. Михайлов. Старообрядческий храм во имя Святителя Николы Чудотворца в селении Устьянове	164
А.И. Шатохин. Старообрядческий епископ Владимирский и Иваново-Вознесенский Каллист.....	205
В.А. Соколов. Масловы и другие старообрядческие фамилии деревни Кузьево	210
В.А. Соколов. Старообрядцы деревни Корнево	253
В.А. Трусов. Иконописцы Курковы, они же Панковы	292

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МЕЩЁРЫ

С.С. Михайлов

*главный редактор альманаха «МЕЩЁРА-край»,
председатель независимой ассоциации исследователей
Западной Мещёры «Гуслицкий перекресток»*

ИЗ ПОЗДНЕЙШЕГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ НАРОДА МЕЩЕРЫ (XIX–XX вв.)

Обычно историю таких древних народов, как меря, мурома, мещера и др., историки заканчивают теми столетиями, когда эти этнические сообщества последний раз упоминаются в летописных источниках. То, что авторы летописей фиксировали народы, которые, на их взгляд, играли какую-то военную или политическую роль, а тихая спокойная группа, не привлекавшая к себе никакого внимания, могла существовать после последнего упоминания еще не одно столетие, обычно как-то стараются игнорировать. Если народ, пусть даже еще и довольно многочисленный, жил себе спокойно по глухomanям, не являл собой никакой организованной силы, не поднимал восстания, никаким образом себя не проявлял, то особой причины о нем упоминать летописец не видел. Возможно, авторы исторических документов даже и не были в курсе того, что где-то в тех или иных волостях и уездах жили представители мери, муромы и других этносов.

Мещера является наименее изученным из всех финно-угорских народов, которые проживали на территории Центральной России и вошли в состав великорусского этноса. Она позже других финских народов, участвовавших в сложении русской нации, упоминается летописцами. Мещера также позже других исчезнувших народов потеряла свой этнический облик.

В нашем повествовании мы хотели бы рассказать о судьбе остатков финской мещеры, которые просуществовали довольно долго, вплоть до XX столетия, на территории как самой Мещёры, так и расположенной относительно далеко от нее, в Пензенской губернии.

Мы не знаем, когда потеряла свой этнический облик мещера, проживавшая на территории Владимирского края. Судя по всему, это произошло относительно рано, поскольку в середине XIX века

авторы, писавшие об этнической истории Владимирской губернии, «помнили» лишь о мере и муроме. К примеру, в 1852 году авторы «Военно-статистического обозрения Российской Империи» писали: *«В пределах Владимирской губернии жили в древности, в диком состоянии, два народа: Мурома и Меря (Чудь). Первый занимал пространство от границ Тамбовской губернии по берегам Оки, до впадения ее в р. Волгу. Соседями ее были: с юга Мещера и Мордва, с востока Мордва и Черемиса, с севера и северо-запада Меря (Чудь), отделенная от первого течением р. Клязьмы. Как известно, в IX веке, оба эти народа были покорены Славяно-Руссами и, живя с тех пор, в продолжении слишком 1000 лет, под их властью, должны были, мало по малу, слиться с ними и потерять навсегда свой отдельный, национальный характер. А потому трудно в теперешних жителях губернии, составляющих, с Москвою, как бы центр Русского народонаселения и связанных издавна одною религиею, подметить какие-нибудь следы обрядов и привычек поколений, давно исчезнувших, давно обрусевших. Время не могло совершенно изменить одного – наружного вида, и действительно тип Финского племени и народа Мурома, сходного с ним, сохранился еще в некоторых местах. Так, жители уездов: Муромского, Меленковского, Гороховского, Судогодского и южной части Покровского резко отличаются, по наружному виду, от жителей уезда Владимирского и прилежащих к нему частей Суздальского, Александровского, Юрьевского и верхней части Покровского: первые малорослы, уродливы и носят на себе известный отпечаток Финского племени; вторые отличаются высоким ростом, хорошею наружностью, правильною черт лица, представляя вполне тип Славяно-Русса. Первые, сверх того, вообще ленивы, невежественны, тогда как вторые, сметливы ловки, деятельны, известны по всей России своею красотою и смышленностью. Первые потомки народов: Мурома и Меря, смешавшегося с Русским поколением; вторые потомки Славяно-Руссов, переселившихся из Новгородской земли и мало слившихся с Финским поколением...»¹.*

¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Спб., 1852. Т. 4, ч. 2. Владимирская губерния. С. 141–142.

Как мы видим из процитированного отрывка, авторы описания знают мещеру как одного из южных соседей муромы, проживающего на территории более поздних Рязанской и Тамбовской губернии. Владимирский же край, включая и его уезды, территория которых была расположена южнее р. Клязьмы, которая также и традиционно ассоциируется как «Владимирская Мещёра», с мещерой в поздний период никак не связывали. Причиной этому, скорее всего, было то, что память о ней «оттянула» на себя рязанская мещера, которая сохранялась еще весьма долго и под именем «Мещёры» была более известна именно рязанская часть края. Также можно предположить, что на Владимирской Мещёре до прихода славян финское население было этнически далеко не монолитным. К тому же, рядом с такими древними центрами, располагающимися на границе Мещёрского края, как Муром и Владимир, проживало как раз не мещерское население. Мы не знаем, где проходила граница, однозначно условная, между мещерой и муромой, мещерой и мерей. В пограничье все три древних народа жили черезполосно и анклавы одного этноса могли глубоко вдаваться в массив проживания другого. Группы мери явно жили и южнее Клязьмы, считающейся условной северной границей Мещёрского края, вдаваясь а этническую территорию мещеры. Можно предположить, что массив (или массивы) мерянского населения таким образом вдавались в Мещёру весьма значительно. Следы прежней этнической неоднородности отчасти сохранялись еще и в XX столетии. Например, проживающий в г. Гусь-Хрустальный историк Владимир Александрович Дубровин, являющийся прекрасным знатоком своего края, рассказывал мне, что внешний тип коренных жителей южной и северной частей нынешнего Гусевского района сильно разнился. На севере района преобладал светлоглазый и светловолосый облик, по словам Дубровина более похожий на финский. В южной же части района жители были темноволосы, с типом лица, который нес определенный след монголоидности. Дубровин считает, что это последствия монголо-татарского нашествия. Южные уголки края к тому же, в исторический период входили в состав Рязанского княжества, тогда как север – в состав Владимирского. На наш же взгляд, татаро-монголы вряд ли проникли в подобную мещерскую глубинку, а внешний облик жителей края сохранил следы соседства на территории современного административного района

двух этнических групп (меря и мещера – ?), либо двух групп одного народа (мещеры), имевших разную этническую историю. Здесь были бы крайне необходимы серьезные антропологические, лингвистические изыскания, которые пролили бы свет на данную загадку. Тем не менее, подтверждением того, что мещера обитала в древности и даже в более поздний период на территории Владимирского края, а также и того, что именно Клязьма отчасти являлась северной границей ее этнической территории, наличие двух селений с названием «*Мещёры*» и «*Мещера*» в бывшем Владимирском уезде, в Стопинской и Подольской волостях, одно из которых находится на левом клязьминском берегу. Левобережье – это в прошлом мерянская территория и предки жителей упомянутых деревень составляли видимо небольшие мещерские анклав, которые проживали среди основного массива соседнего народа. Эти селения сохранились до сих пор, но уже под одним и тем же именем – «*Мещера*». Интересно, но одна из вышеупомянутых деревень расположена на правом, мещерском берегу Клязьмы, чуть юго-западнее современного Владимира. Это может быть хорошей иллюстрацией того, что на Владимирской Мещёре, помимо собственно мещеры, проживали компактно представители другого этноса, следует полагать – мери, вкраплением в массив которого и был упомянутый небольшой мещерский анклав. Хотя, возникновение деревни и появление ее названия может восходить уже к тому времени, когда здесь жило русское население и посреди его населенных пунктов «затесался» один из последних мещерских островков².

Также важно, что деревня под именем «*Мещерка*» существовала и в более северном Юрьевском уезде, в Петровской волости³. Сейчас в тех же краях, вблизи г. Юрьева-Польского, есть небольшая речка *Мещерка*, приток р. Колокши⁴. Это свидетельствует о проживании здесь в прошлом небольшого мещерского анклава, который, однако, мог быть и относительно позднего происхождения: сюда могли на каком-то этапе перебраться выходцы из собственно Мещёры.

² Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1905. С. 45, 49; Атлас Владимирской области. М.: Арбалет, 2003. С. 34 (Б-3), 55 (Б-3), 56 (А-3).

³ Список населенных мест Владимирской губернии... С. 274.

⁴ Атлас Владимирской области... С. 15 (А-3).

Касательно мери, хотелось бы также заметить, что это явно был не один народ и, тем более, «племя». Она занимала огромную территорию, разные края которой соприкасались с землями близкородственных соседей – веси, мари (черемисы), муромы и той же мещеры. Явно под тем, что мы знаем как «меря», следует подразумевать целую группу народов. О том, что меря в культурном отношении была неоднородна говорит и археологический материал. Общность, разбросанная на довольно большом пространстве, просто не могла со временем не развиться в какие-то локальные группы, со своими языковыми особенностями, самоназванием и т.п. Да и то, что какие-то части мери жили чересполосно с мещерой, муромой и другими финскими народами, взаимодействуя с ними культурно, вступая в межэтнические браки и др., не могло не привести к тому, что меря, жившая в Мещёрском крае, во многом уже могла походить на своих мещерских соседей и отличаться от других мерянских групп, пусть даже и относительно близко проживающих.

Также, опираясь на топонимы, можно кое-что поведать и о восточных рубежах этнической территории мещеры. У самого места впадения р. Клязьмы в Оку, посреди русла последней, расположен довольно большой остров, называемый *Мещерский*⁵. Данное название могло возникнуть благодаря древнему народу и местам его проживания. В Муромском уезде, в Новосельской волости, существовало село *Мещеры*⁶. Еще в начале 2000-х гг., возле железнодорожной линии между Владимиром и Нижним Новгородом, южнее г. Гороховца, обозначался нежилой населенный пункт *Мещерки*⁷. Восточнее, уже на территории Нижегородской области, возле города Горбатов, существует озеро *Мещерская заводь*⁸. Здесь, на территории Нижегородского княжества, существовала целая волость «*Мещерка*» или «*Мещерск*», упоминаемая к западу от Березополя, на правой стороне Оки⁹. Еще один важный мещерский топоним

⁵ Там же. С. 47 (А-4).

⁶ Список населенных мест Владимирской губернии... С. 151.

⁷ Атлас Владимирской области... С. 65 (Б-1).

⁸ Там же. С. 67 (Б-1).

⁹ Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 94.

расположен в самом центре Нижнего Новгорода, возле знаменитой Стрелки Оки и Волги. Это – озеро *Мещерское*, которое хорошо известно и всем нижегородцам, и всем, кто бывал в Нижнем или просто смотрел на его план-схему. В упомянутых местах возможно ранее проживали небольшие анклавы мещеры, которые были вкраплены в массив соседнего народа, здесь – предположительно муромы и мари (черемисы).

Водоёмы могут сохранять свои имена, возможно со временем несколько видоизмененные, с довольно раннего времени. Касательно же населенных пунктов, то они, а следовательно и их названия, явно появились не ранее XVI–XVII вв. С учетом того, что сельские населенные пункты в течение времени часто могли менять свои имена, можно предположить, что ранее селений с такими названиями было значительно больше. Они располагались в тех местах, где древняя мещера соседствовала со своими соседями. Географические названия, происходящие от имен народов возникали исключительно в местах этнической чересполосицы, где возникала потребность в определении национального состава населения конкретного населенного пункта, дабы отличать его от соседних селений. То же касалось и небольших рек, берега которых были заселены небольшими анклавами другого, отличного от основного большинства, этноса. Данные вышеприведенные нами этнонимы прямо указывают нам на то, что помимо известных авторам описания 1850-х гг. мери и муромы, во Владимирском крае проживала и мещера, причем ее поселения в не такой уж и давний период истории (приблизительно XV–XVII века) доходили до середины территории, которая позже считалась Владимирской губернией. А в той части края, которая составляла Владимирскую Мещёру, мещера сохранялась значительно дольше, но исчезла она здесь намного раньше, нежели в соседней Рязанской Мещёре.

Интересна и характеристика, которая дается в «Военно-статистическом обозрении...» потомкам финно-угорских народов: уродливы, ленивы и т.п. Славянские же потомки наоборот, красивы, смышлены и славятся по всей России. Простим авторам, которые воспитаны тогдашней исторической традицией их откровенно расистские выпады – иного в те времена о «не своих» писать было не принято. Здесь важен следующий момент. Жители мещерских уездов Владимирской губернии, находившиеся в определенной географической изоляции,

были мало смешаны с пришлым населением, отсюда и данный «чистый» финский облик. Жители же окрестностей Владимира, Суздаля и других мест северной части Владимирской губернии, где население начало смешиваться уже на довольно раннем этапе, имели в своих жилах примеси крови разных этнических групп. Это и та же меря и мурома, и славяне-кривичи, славяне-вятичи, выходцы из Новгородской земли (в числе которых прибывали и представители прибалтийско-финского мира) и переселенцы с юга Руси и многие другие. Понятно, что где присутствует подобная мешанина кровей в жилах, то и порода красивее, и поколения смышленнее и т.п. И наличие «славяно-русской» крови здесь вовсе не основной показатель. Население Владимирского, Суздальского и других упомянутых уездов имело прежде всего и финскую (мерянскую, муромскую и, отчасти, мещерскую) основу, на которую впоследствии и наслоиилось все остальное.

Касательно запада Мещёры, территорий, которые ныне находятся в составе Московской области, сказать, где в дославянское время проходила точная граница проживания мещеры невозможно. Запад Мещёрского края был наиболее многонациональным. Из финских народов здесь также проживала та же меря. О ее пребывании свидетельствуют и название реки Нерская (в прошлом – Мерская, Мерьская), прежней деревни Нареево (ранее – Мереево), деревни Меря (ныне – село Казанское, Павлово-Посадского р-на). Возможно, здесь также присутствовала и мурома, об этнических границах которой мы знаем очень мало. На ее проживание здесь намекают некоторые топонимы в современном Шатурском районе: озеро Муромское, и древнее Муромское сельцо (село Дмитровский погост). Западнее местоположения большинства этих «мерянских» и «муромских» топонимов до сих пор сохраняется деревня Мещеры, располагающаяся вблизи платформы «Шевлягино», Казанской ж.д. На реке Северка, в Коломенском уезде, существовало село Мещерино (другой вариант – Мещериново), которое под именем Мещерки упоминается еще в духовной грамоте кн. Дмитрия Донского. Это была коломенская волость «Мещерка»¹⁰. Этот топоним также свидетельствует о том, что ранее

¹⁰ Мещерино // Семенов Тян-Шанский П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Спб., 1866. Т. III. С. 230–231; Любавский М.К. Указ. соч. С. 10.

здесь проживал небольшой мещерский анклав, который составлял население указанной волости и, наверняка, стал причиной ее создания.

Запад Мещёры в дославянское время имел также и весьма значительное балтское население. Следы его пребывания до сих пор сохраняются в Рязанской Мещёре, где в Клепиковском р-оне до настоящего времени сохранились остатки группы *куршаков* (*курши*), представляющие собой прежнюю балтскую этническую группу, ставшую уже несколько столетий назад этнографической группой местного русского населения. Память о проживании древних балтов еще в XX столетии сохранялась и западнее местности, где проживали куршаки. В Шатурском районе жителей нескольких местностей, прежде всего «Коробова» (окрестностей Дмитровского погоста) и «Ялмоти» дразнили *«литвой»*. А.А. Шахматов отмечает, что жители некоторых местностей Судогодского уезда уверяли, что «истинно-русские» именно они, а в более южных соседних регионах, прежде всего в Ялмати, живет «литва»¹¹. Скорее всего, это противопоставление восходит к тем временам, когда эта часть Мещёрского края была населена представителями балтского мира, а в районе нынешней Судогды уже был массив финно-угорского населения. Древние народы ассимилировались и стали русскими, но память об этом еще в начале XX века была жива. В сознании потомков финской мещеры, уже бывших русскими, произошла своеобразная подмена и они стали «истинно-русскими», тогда как ялматцы остались «литвой».

В соседнем Егорьевском районе (прежде и большая часть Шатурского р-на, включая и упомянутые местности, входила в состав Егорьевского уезда Рязанской губернии) мещера была представлена относительно большими группами. Об этом свидетельствуют и изученные археологами могильники возле деревень Жабки и Парыкино, а также большое селище возле села Мещерка, которое недавно было раскопано «черными копателями». Именно мещере обязана своим появлением и сохраняющаяся дославянская топонимика Егорьевского края.

Касательно мещерской топонимики, хотелось бы также привести того же Кузнецова, который приводит, помимо названий в упомянутых губерниях, на территории которых в древности мещера обитала,

¹¹ Шахматов А.А. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. Спб., 1914. С. 2.

также и названия типа «Мещеры», «Мещерино» и т.п. в Тульской, Тверской и Ярославской губерниях. Он также приводил топонимы из Симбирской, Казанской губерний, но они могли появиться благодаря татарам-мишарям¹². Ниже мы приведем прецедент с названием города Мещовск, Калужской области (ранее – губернии), который ранее имел название Мещерск. Таким образом тульские названия, в Черском, Тульском и Каширском уездах, могли быть связаны с местами древнего проживания мещеры. Но тверские и ярославские топонимы возникли, скорее всего, благодаря позднейшим группам выходцев из Мещёрского края. Они могли появиться благодаря переселениям крестьян помещиками и т.п. Здесь каждый конкретный топоним нуждается в самостоятельном исследовании.

Поскольку к началу XX столетия на территории Владимирской и Московской губерний о мещере как таковой уже даже и не помнили, то далее у нас речь пойдет о тех регионах, где к тому времени об этом народе сохранялась не только память, но и даже довольно отчетливые «остатки» самого народа. Это – Рязанская, Саратовская, Тамбовская и Пензенская губернии, а группы мещеры, которые здесь сохранялись, мы условно назовем **окской (рязанской), пензенской, саратовской и тамбовской**.

Мещера окская, или рязанская. Эта группа мещеры продолжала проживать в тех местах, где исторически обитали ее предки, т.е. собственно в Мещёрском крае, вблизи р. Оки. О ней, вернее о ее позднейшей истории, мы знаем только по незначительным упоминаниям в публикациях XIX – начала XX вв. Термин «окская» мы почерпнули из статьи «Мещеряки» Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона начала XX в.: *«Окская мещера, находясь под постоянным русским влиянием, постепенно обрусела, хотя до сих пор еще сохранила свое имя...»*¹³ Данный термин, на наш взгляд, наряду с термином «рязанская», довольно хорошо подходит для определения этой группы, в сравнении ее с другими ветвями данного народа.

¹² Кузнецов С.К. Русская историческая география: Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте в 1907–1908 гг. М., 1910. Вып. 1. Меря, мещера, мурома, весь. С. 100.

¹³ Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М. Т. 26. С. 443.

В «Материалах для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба», касательно древнего финского населения Рязанской губернии, сказано следующее: *«Мурома, Мещеря и Мордва, из всех финских племен, бесспорно важнейшие для истории Рязанского княжества. Мурوما, занимавшая нижнее течение Оки, исчезла, оставив след своего бытия в названии города Муром; Мещеря же и Мордва живут и доселе, едва проявляя природный тип свой среди господствующего населения...»*¹⁴. Отсюда мы видим, что для авторов середины XIX века, что важно, таких осведомленных, как офицеры Генерального Штаба, мещера или *мещеря*, проживавшая на территории Рязанского края, была группой реально существовавшей, а не исчезнувшей. К сожалению, в материале нет никаких подробностей, что эта мещера собой представляла. Была ли она «совершенно обрусевшей», или же у нее сохранялись остатки каких-то национальных особенностей. Важен и следующий момент. Мещера авторами цитируемого повествования названа *мещеря*, что на наш взгляд более похоже на самоназвание данной финской группы, а не на этноним, который искусственно дали составители описания Рязанской губернии. Помимо вышеприведенных авторов, термин *мещеря* упоминают и другие. В своем описании села Парахина, Касимовского уезда, священник И. Рябцев сообщает: *«...Названия эти Мордовские и Мещерские, доказывающие, что первыми жителями в Парахинской местности были Мордва и Мещеря (выделение мое – С.М.). Начало обрусения этого края следует отнести к временам Вятичей, их колонизации на северо-восток»*¹⁵. Как мы видим из вышеприведенного отрывка, в селе Парахино и его окрестностях этнически выраженной мещеры уже, видимо, очень давно не было, однако, она была известна наряду с мордвой, причем под своим специфическим вариантом названия. То есть, для жителей Парахинской местности этноним *«мещеря»* не был чем-то неизвестным. Далее этноним *мещеря* мы встретим и при описаниях пензенской мещеры.

¹⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Спб., 1860. Т. 19. Рязанская губерния. С. 1–2.

¹⁵ Рябцев И.Г., священник. Историко-статистическое описание села Парахина (Касимовского уезда Рязанской губернии). М., 1898. С. 5.

Как отмечали многие авторы, мещера была народом весьма загадочным и малоизученным. Если бы в XIX – начале XX вв. в Мещёрском крае были бы проведены серьезные этнографические и фольклорные исследования, которые не обошли бы стороной и обрусевшие остатки древнего населения, то в нашем распоряжении было бы сейчас намного больше важной информации. Но мещера не привлекала к себе никакого внимания, официально являлась честными носителями господствующего православия, почему и не представляла интереса для тех, кто обычно оставлял описания. Мы приведем некоторые упоминания об окской части мещеры, которая сохранялась в XIX столетии и позже в Рязанской губернии, собственно в Мещёре или «Мещёрской стороне». В издании 1870-х гг. «Народы России: живописный альбом» мы читаем: *«Так, в Рязанской губернии, жители северной части Спасского уезда, по течению р. Пры, называют себя мещеряками, хотя уже ничем не отличаются от русских, ни в языке, ни в нравах, ни в обычаях»*¹⁶ В небольшой книжке Н.А. Александрова «Мордва, мещеряки и тептяри», касательно окской мещеры мы читаем: *«...а в Рязанской (губернии – С.М.), в Спасском уезде утратили все, и только называют себя мещеряками»*¹⁷ П.П. Семенов Тян-Шанский в «Географическо-статистическом словаре Российской Империи», в главе «Мещеряки», о рязанской ветви мещеры писал следующее: *«...Пензенские Мещеряки находятся на последней степени обрусения и скоро исчезнут также бесследно, как исчезли их соплеменники другой части русской Мещерской области, в которой однако же можно встретить еще и ныне следы обрусения Мещеры. Так и в Рязанской г-ии жители сев. части Спасского у., по течению р. Пры, называют себя еще Мещеряками, хотя уже ничем не отличаются от русских ни в языке, ни к нравах, ни в обычаях. В Касимовском у-де пограничные с Владимирскою г-иею называются еще Мещерою (донесения Рязанского отряда уравнения денежных сборов 24 авг. 1848. № 146)»*¹⁸.

¹⁶ Народы России: Живописный альбом. Спб., 1879. Вып.3–4. С. 40.

¹⁷ Александров Н.А. Мордва, мещеряки и тептяри. М., 1900. С. 22.

¹⁸ Семенов Тян-Шанский П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Спб., 1866. Т. III. С. 231.

Г.С. Маслова в 1929 году, опираясь на собственные исследования писала, что в приокских селах Рязанской губернии прозвище «мещера» и «мещеряки» относилось к деревням, которые располагались севернее. *«В городе Спасске Мещерой называют деревни, лежащие в 12-15 верстах от Спасска к северу – деревни Федотьево, Новики, Веретье, Городное, Кидусово, Уржа, Деулино, Бельское. Что же касается до крестьян, то они это прозвище относят к Спас-Клепиковскому району...»*¹⁹

С.К. Кузнецов пишет: *«Что касается мещеры на р. Оке, в северных пределах Рязанской губернии, в так называемом Мещерском крае, то в этой местности мещера совершенно обрусела, и только в облике местного населения, да в остатках жертвенных рощей, в сохранившемся у местного населения донине почитания озер и одиноко стоящих деревьев и камней можно усматривать его финское происхождение»*²⁰.

То, что представители этой группы мещеры «уже ничем не отличались» от окрестного русского населения в нравах и обычаях здесь вовсе не говорит о том, что она все это к описываемому моменту потеряла и восприняла обычаи русские. Язык – это да, он был усвоен от русских. Но касательно традиций и многих элементов культуры, то в Мещёре они явно восходили к древней мещере, а не к поздним славянским колонистам. Просто те, кто в период когда окская мещера еще сохраняла свое самоназвание и остатки самознания, значились русскими, на деле были преимущественно той же мещерой, но значительно раньше утратившей свою идентичность.

Наконец, нам хотелось бы привести и цитату из книги Б.А. Куфтина «Материальная культура русской Мещёры», вышедшей в 1926 году: *«сохраняется и довольно широко распространено у правобережного населения Оки прозвище «Мещера» или «Мещеря», даваемое жителям мещерских лесов и болот, которые сами своих южных соседей называют «Ягутки». Особенно часто прозвище «мещеры» применяют в Спасском уезде к обитателям р. Пры,*

¹⁹ Маслова Г.С. Этнологические материалы по изучению озер Мещерской низменности // Культура и быт Центрально-Промышленной области: (Этнологические материалы и исследования). М., 1929. С. 123.

²⁰ Кузнецов С.К. Русская историческая география... С.98.

которые и сами не отказываются вполне от этого имени. Напротив, на севере со стороны Владимирской губернии прозвище *мещера* совсем неизвестно и там, в пограничных районах, жителей Мещерского края называют обыкновенно *Литвой*...»²¹ Но, называет «*литвой*» всех жителей Рязанской Мещёры, ссылаясь на жителей Владимирского края, только один Куфтин. По другим источникам, как мы уже говорили, «*литвой*» именовали лишь жителей некоторых микрорегионов Западной Мещёры, в нынешних Шатурском и Клепиковском районах. Также в данном отрывке следует обратить внимание и на то, что помимо уже неоднократно упомянутых жителей части Спасского уезда, прозвищем *мещера* также удостоивали и других обитателей лесного и болотного края. А это весьма хорошо показывает на то, что до рассматриваемого периода и у них также явно существовало мещерское самосознание, впоследствии утраченное.

Как мы видим из вышеприведенных отрывков, остатки мещеры в исконных местах ее проживания сохранялись на юго-востоке Мещёры, в Спасском и Касимовском уездах. Почему она к тому времени уже исчезла в других, не менее глухих уголках обширного края, сказать сложно. Возможно, здесь существовал в прошлом более компактный и многолюдный массив мещерского населения. Возможно, в другие местности ранее прибывали группы русских переселенцев, которые способствовали более быстрой ассимиляции древнего населения. Например, окрестности нынешнего г. Гусь-Хрустальный с XVIII столетия испытывали наплыв работного люда на мальцовские заводы, что превратило эту местность в «плавильный котел». Где-то было сильное влияние таких крупных центров, как Рязань, Муром, Владимир и др. Где-то группы мещеры могли существовать еще очень долго, но они жили вне поля зрения тех, кто оставил нам всевозможные описания.

Касательно существования в землях Рязанской Мещёры мещерского языка, то, возможно, его остатки можно было бы зафиксировать еще в начале XIX в. В XVIII столетии он бытовал однозначно и явно имел достаточное число носителей там, где в рассматриваемое нами время сохранялось мещерское самосознание. К сожалению, по данному вопросу не может пролить свет ни один источник.

²¹ Куфтин Б.А. Материальная культура Русской Мещёры. Ч. 1. М., 1926. С. 10–11.

По нашим сведениям остатки этой группы мещеры просуществовали вплоть до конца XX столетия. Хотелось бы рассказать о таком случае. В середине 2000-х годов я вел обычную однодневную загородную экскурсию. По своему обыкновению, при посещении краев и местностей, где ранее проживало древнее финно-угорское население, я обязательно рассказывал о его истории. Во время поездки, в ходе подачи путевой информации, прозвучало и упоминание о мещере. Во время одной из остановок, когда было достаточно времени для беседы, ко мне подошел человек средних лет, один из экскурсантов. Он был русский, родился в Мордовии, а в 1980-х гг. несколько лет прожил в г. Касимов. В этот период он неоднократно, по роду своей деятельности, встречал жителей некоторых сел Касимовского района, исключительно пожилого возраста, в паспортах которых, в графе «национальность», вместо «русский» было написано «мещера». Причем это не были ни татары-мишари, ни касимовские татары. По всему остальному, помимо записи в паспорте, эти люди были типичными русскими для этого уголка Рязанского края и от окрестного населения ничем не отличались. По словам этих людей, в их селах было по двадцать – двадцать пять-тридцать человек, у которых в паспортах была аналогичная запись. Все они также были представителями старшего поколения. Представители более молодых поколений их семейств писались уже русскими. О каких-либо остатках мещерского самосознания у них ничего сказать нельзя. К сожалению, мой собеседник не смог сказать, из каких населенных пунктов происходили встреченные им люди. Интересно, но и антрополог А.И. Алексеева в 1950-х гг. в автореферате своей кандидатской диссертации, обнаруженном нами в Российской Государственной Библиотеке, пишет: *«В настоящее время рязанская мещера живет отдельными деревнями и селами, главным образом в Кадомском и Сасовском районах»*²² Но это территория прежней Тамбовской губернии, о которой мы скажем ниже.

Судьба данной группы мещеры еще ждет более подробного исследования, которое возможно поможет выяснить еще кое-какие интересные факты.

²² Алексеева Т.И. Антропологический состав мещеры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. С. 1.

Мещера пензенская. Данная группа мещеры смогла просуществовать намного дольше, сохраняя свои какие-то специфические особенности. От исследователей, занимающихся традиционной культурой Пензенского края, мне удалось узнать, что эта ветвь мещерского народа сохраняется до настоящего времени, продолжая сохранять и свои отличительные особенности.

Данная группа мещеры появилась в результате переселения части мещеры с Оки, из собственно Мещёрского края. Возможно, что ее обособление от основного мещерского массива произошло еще во времена Касимовского ханства. Предки данной общности могли попасть сюда вместе с пензенскими татарами, которые по происхождению и культурным особенностям близки мишарям. Авторы XIX в. считали пензенскую мещеру древнейшими жителями края, наряду с мордвой. Мы не знаем, какие этнические границы были у древней мещеры. Возможно, ее территория простиралась далеко за пределы того, что мы считаем Мещёрским краем. К примеру, город Мещовск, Калужской области, известный с 1238 года, в древности, наряду с названиями «Мезецк», «Мезческ», «Мезечевск», также упоминался и под именем «*Мещерск*» и «*городец Мещера*». Однако некоторые считали, что в последнем случае мог подразумеваться и Касимов (прежний *Городец Мещерский*). Однако последний находится довольно далеко и сомнительно, что он мог попасть в «компанию» калужских городков. П.П. Семенов Тян-Шанский в своем «Географическо-статистическом словаре Российской Империи» упоминает, что Мещовск в просторечии назывался *Мещёрск*²³. Вполне возможно, что к началу Русского Средневековья здесь проживала одна из групп мещеры, являвшая собой либо переселенцев какого-либо периода, либо анклав, оставшийся от древней, более значительной этнической территории.

С тем, что пензенская мещера являет собой группу более северного происхождения, пришедшую из Мещёрского края, были согласны многие авторы, включая и цитировавшегося нами Семенова Тян-Шанского. Однако, у некоторых исследователей, которые упоми-

²³ Мещовск // Семенов Тян-Шанский П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи... С. 232–233; Летопись Калужская. Калуга, 1991. С. 23, 91; Мещовск. Тула, 1991. С. 4; Мещовск // Города России: Энциклопедия. М., 1994. С.256–257.

нали о мещере во второй половине XIX века, мы встречаем и некоторые другие версии. У М.С. Киевского, в его «Кратком историческом, географическом и статистическом очерке Пензенской губернии, напечатанном в «Памятной книжке Пензенской губернии на 1864 год», читаем: «...Мещерю нужно причислить к числу древних обитателей здешнего края, оставшихся в небольшом количестве. Между Мещерею, живущею в Пензенской губернии, о поселении их здесь, сохранилось следующее предание: первоначально жили они по берегам Волги и теснимые татарами, должны были укрываться в лесах и наконец совсем удалиться от татар. Желая поселиться в здешнем крае, они просили о том царицу, но какую – неизвестно; переселение это было им дозволено; но и здесь татары не оставляли их в покое, так что они нередко удалялись и отсюда в другие лесные места. Подобная кочевая жизнь скоро им наскучила; они снова просили царицу о дозволении поселиться на прежде избранных участках и, поселившись в большем противу прежнего числе, в свою очередь стали теснить татар, которые также удалились от Мещери, распродав им свои земли. У Мещери до сего времени сохраняются крепки на земли, сделанные предкам их с татарами...» Как мы здесь видим, Киевский также использует этноним «мещеря», который мы уже встречали в случае с окской мещерой в Рязанской губернии, и который явно является древним самоназванием народа²⁴.

Далее нам хотелось бы привести отрывок из статьи священника К. Масловского «Быт, обряды и поверья мещеряков Пензенской губернии Керенского уезда»: «В Пензенской губернии, Керенского уезда, в селениях Большой и Малой Ижморя, Ушинке, Вяземке, Большой и Малой Бурдасы живут, так называемые Мещеряки, потомки Мещеры, некогда составлявшей Рязанскую область и вошедшей в состав нашего Государства в половине XIV столетия, при Дмитрии Иоанновиче Донском. В места настоящего своего жительства они вышли из своей родины – Рязанской губернии Касимовского уезда назад тому два с половиною или три столетия в

²⁴ Киевский М.С. Краткий исторический, географический и статистический очерк Пензенской губернии // Памятная книжка Пензенской губернии на 1864 год. Пенза, 1864. С. 5, 15, 17, 18.

числе нескольких сотен человек и поселились на реке Выше, на урочище, называемом – Городище. Здесь они жили несколько лет и в продолжении времени размножась, выходили из этого урочища и занимали, вблизи находящиеся, любые вольные места и таким образом образовали упомянутые селения, в которых теперь около 12 тысяч душ обоего пола.

Живя в небольшом числе среди Славянского племени в продолжение нескольких столетий, Мещеряки в целости почти до настоящего времени сохранили свой племенной характер, свой язык, свою одежду, обычаи и прочее...»²⁵ Как мы видим, здесь дается еще один вариант версии о поселении мещеры в Пензенском крае. Несколько странным кажется здесь то, что столь многолюдная группа (12 тысяч человек по данным Масловского) могла за два с половиной – три века развиться из всего нескольких сотен человек! Даже при благоприятной демографической ситуации такое вряд ли возможно, а ведь за это время была и детская смертность, и набеги ногайских татар с Кубани, и эпидемии и прочее. Возможно, что Масловский привел в качестве версии сохранявшееся в его время предание о переселении одной из волн выходцев с Мещёры, а таких волн могло быть как минимум несколько. Не исключено, что до прибытия переселенцев здесь уже жила мещера, которая была частью древнего населения края. Далее мы увидим, что некоторые авторы (Кузьмин и вышеприведенный нами Киевский) считали пензенскую мещеру, наряду с мордвой, как раз именно древними жителями края.

В общем же, если говорить о преданиях мещеры, то в XIX столетии, когда историческая память еще сохранялась весьма крепко, помимо зафиксированного Киевским, однозначно сохранялись и другие сюжеты. Но, и пензенская, и окская, и другие ветви этого народа, о которых мы скажем чуть ниже, особо не интересовали ни миссионеров, ни чиновников, ни кого еще, кто по долгу службы собирал сведения о группах населения, которые чем-то могли быть опасны с точки зрения светских или духовных властей. Мещера почти сплошь, за исключением части жителей села Кириллово, Спасского уезда

²⁵ Масловский К. священник. Быт, обряды и поверья мещеряков Пензенской губернии Керенского уезда // Вестник Императорского Русского географического общества. Спб., 1859. № 11. С. 111.

Тамбовской губернии, была православной, быстро русела и интереса к ней не было. Все равно окончательное ее растворение в «великорусской» народности было уже совсем близко. Вот, если бы речь шла о мусульманах, «раскольниках» или ком еще, то сведения для успешной миссионерской или какой еще работы собирались бы очень внимательно. В начале XX века группы мещеры начинают изучаться на предмет говоров (Зеленин, Гвоздев) или элементов материальной культуры (Куфтин), но эти исследования все равно оставляли за бортом очень многое из того, что в это время еще можно было зафиксировать.

Что же касается версии Киевского, опирающегося на некое мещерское предание, то нам кажется, что в исторической памяти народа со временем могла произойти некая подмена и одна крупная река – Ока – на берегах которой ранее жили предки пензенской мещеры, постепенно стала Волгой, которая, судя по всему, пензенским мещерякам была более знакома. Однако, возможно, что в древности какая-то группа мещеры жила и на Волге и уже оттуда пришла в пензенские края (вспомним то же озеро Мещерское в центре Нижнего Новгорода). Возможно, что в этногенезе пензенской мещеры, помимо представителей собственно мещерского этноса, принимала участие и еще какая-то, не мещерская группа с Волги, от которой и осталось в исторической памяти народа это предание. Предания о взаимоотношениях с татарами явно отражают память о каких-то реальных событиях. Здесь может быть и то, что мещера пришла в Пензенский край под давлением татарского населения Касимовского ханства, а также и то, что переселение стало следствием нападений на касимовские пределы казанских татар. Подробностей предание не сообщает.

Но, не зря мы вспомнили о казалось бы далеком от пензенских краев Мещовске. Возможно, что древняя этническая территория мещеры доходила и до Волги, о чем мы сказали чуть выше. Не исключено также, что на земли ставшие впоследствии Пензенской губернией, мещера переселялась с территории Рязанской Мещёры еще и потому, что здесь уже обитали группы этого народа, которые являлись частью древнего населения данного края, о чем говорят некоторые авторы.

Невзирая на то, что пензенская мещера была зафиксирована цитируемыми нами авторами как уже обрусевшая группа, ни для

кого из них, разве что только для Куфтина, не возникает вопроса в том, что это «племя» финского происхождения. Куфтин же является большей частью специалистом по истории и культуре совершенно иных областей – Крыма и Колхиды, по которым у него прежде вышло немало публикаций. То, что он вдруг занялся Мещёрским краем, нам кажется весьма странным. В его процитированной нами книге есть прекрасные описания народного костюма мещерских женщин, но касательно его попытки вкратце «разобраться» с происхождением мещеры, более поверхностного вымысла, нежели стремления выявить истину. Куфтину принадлежит определение «Русской Мещеры», которое до него практически не встречается и, по большому счету, которое неверно.

Александров пишет: *«Более, чем мордва, слились с русскими – мещеряки»*²⁶. Киевский, описывая живущие в Пензенской губернии народы, сообщает нам: *«К финскому племени принадлежат Мордва и Мещеря...»*²⁷. Семенов Тянь-Шанский в своем словаре начинает материал о мещеряках следующим предложением: *«Мещеряки или мещера, турко-финское или лучше сказать отчасти отатарившееся, отчасти обрусевшее финское племя... обитавшее в прежние времена в так называемой Мещерской области...»*²⁸.

Во многих случаях, авторы писали сведения об рассматриваемой нами мещере финского происхождения, помещая их в одни очерки или главы с другим этносом – татарами-мишарями, часть которых, проживавшая в Уфинской и Пермской губерниях, также писалась «мещеряками». Для дореволюционных исследователей, большинство из которых полагало, что мишари – это принявшая ислам и отатарившаяся мещера, два разных народа были частью одного целого. Цитата из Семенова Тянь-Шанского это весьма хорошо иллюстрирует. Также наглядными примерами могут быть и статьи о «мещеряках» в других дореволюционных энциклопедических словарях: «Брокгауз и Ефрон», «Гранат» и др. Единственное, в некоторых случаях единым целым, с поправкой на обрусение и отюречивание, считаются потомки финской мещеры и татары-мещеряки из Башкирии. Мишари

²⁶ Александров Н.А. Мордва, мещеряки и тептяри... С. 22.

²⁷ Киевский М.С. Указ. соч. С. 16.

²⁸ Семенов Тянь-Шанский П.П. Указ. соч. С. 231.

оказываются где-то в стороне²⁹. Уже в XIX и начале XX в. многие авторы, прежде всего те, кто стремился выяснить истину путем кропотливого исследования, а не шел по простому пути объяснения возникновения татар-мишарей «отуречиванием» финской мещеры, приводили весьма веские доводы о том, что обе группы являются совершенно разными народами, с разным происхождением³⁰. Кстати, само название «мишари» происходит от названия края «Мещёра». Предки мишарей явно принадлежали к разным восточным этносам и единым целым они стали именно в Мещёрском крае, отсюда и название. Однако здесь вовсе нельзя отрицать некоторое участие финской мещеры в этногенезе мишарей, в период проживания их предков в Мещерском юрте (Касимовском ханстве). Было бы очень странным, если бы представители народов, проживавших на одной территории, не вступали в межнациональные браки и т.п. К моменту поселения на востоке Мещёрского края татарского населения, мещера в основном была еще языческой. Понятно, что под влиянием татар часть ее принимала ислам. Эта часть мещеры впоследствии и растворилась среди татар-мишарей. Но таковых было явно немного. Остальные, став православными, постепенно стали растворяться среди русских. Роль мещеры-финнов в формировании самобытной татаро-мишарской группы и степень ее участия – тема отдельного, весьма интересного исследования.

Своеобразную точку в данном споре, на наш взгляд поставили в 1950-х гг. антропологи, которые провели исследования и мишарей, и «русской» мещеры. В 1959 году Т.И. Алексеева и Б.А. Васильев опубликовали в «Кратких сообщениях Института этнографии интересный материал под названием «К вопросу о генетическом родстве русской мещеры и татар-мишарей». Его авторы заканчивают следующим

²⁹ Большая энциклопедия. Спб., 1903. Т. 13. С. 128; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1890. Т. 37. С. 231; Энциклопедический словарь А. и И. Гранат. М., 1913. Т. 28.

³⁰ См., например: Ахмаров Г. О языке и народности мишарей // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1903. Т. XIX. Вып. 2. С. 117, 118, 120, 123–126, 146–152; Малов Е.А. Сведения о мишарях: Этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1884. Т. IV. С. 39, 40, 88.

выводом: «Антропологический материал, таким образом, свидетельствует против точки зрения, утверждающей единство происхождения мишарей и так называемой русской мещеры, и дает указания на возможность генетической связи русской мещеры с локальными группами мордвы-эрзи»³¹. Не будем также забывать, что и топонимический дославянский материал Мещерского края показывает на близость исчезнувшего языка мещеры (равно как и соседней муромы) именно к эрзянскому языку.

Пензенская мещера была довольно многочисленной. В различных изданиях и исследованиях, где рассказывается о племенном составе населения Пензенской губернии середины XIX – начала XX вв. регулярно сообщается ее численность, хотя и явно относительная. Интересно, но невзирая на то, что пензенская мещера в это время фактически уже была лишь этнографической группой местного русского населения, ее постоянно выделяют наряду с пензенскими татарами и мордвой.

М.С. Киевский в уже процитированной нами работе из «Памятной книжки Пензенской губернии...» определяет численность мещеры в 15 111 человек³².

В «Материалах по географии и статистике России, собранных офицерами Генерального штаба», вышедших в 1866 году, по сведениям на 1852 год, была опубликована следующая статистика пензенской мещеры. Интересно, что здесь она, вопреки тому, что уже потеряла большую часть своего этнического облика, выделена наряду с татарами, мордвой и другими «инородцами». «Мещеряки» определены численностью в 11 315 человек, которые проживали в четырех казенных селениях Керенского уезда: Большие и Малые Ижморы, Ушинка и Вяземка). Эти сведения авторы «Материалов...» почерпнули из исследования Кеппена. В то же самое время, по сведениям Палаты государственных имуществ, мещеряки также проживали, помимо четырех вышеуказанных селений Керенского уезда, еще в двух Нижнеломовского уезда и в восьми Наровчатского, всего

³¹ Алексеева Т.И., Васильев Б.И. К вопросу о генетическом родстве русской мещеры и татар мишарей // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1959. Вып. XXXI. С. 11.

³² Киевский М.С. Указ. соч. С. 18.

их было 17 104 души³³. Но, по сведениям, которые были получены от местных священников, в Керенском и Чембарском уездах были еще и владельческие имения, которые были населены мещеряками и, как их именовали священники, «*полумещеряками*». Почему был употреблен последний, весьма странный термин, непонятно. Возможно, здесь речь идет об уже сливающихся с русским населением мещеряках. Всего частновладельческих селений с «мещерякским» населением в Керенском уезде было 4, а с «полумещерякским» – 10, итого 14. Также одно частновладельческое «мещерякское» селение было в Чембарском уезде³⁴. Всего, по состоянию на 1857 год, мещеряков и полумещеряков в Пензенской губернии было 33 230 человек, которые были распределены по уездам следующим образом: Керенский – 25712 чел., Нижнеомовский – 3 652 чел., Наровчатский – 3 006 чел., и Чембарский – 860 чел.³⁵.

В издании «Народы России: живописный альбом», 1872 года, говорится, что пензенских *мещеряков* до 30 тысяч человек³⁶. Семенов Тян-Шанский считает, что пензенских «мещеряков» более 29 тысяч и размещались они в 18 селениях Керенского уезда, ближайших к границе с Тамбовской губернией: Ушинка, Б. и М. Ижмора, Вяземка, Буртас, Кандеевка, Никольское и др., а также в 17 селениях Чембарского уезда: Алексеевка, Высокое, Знаменское, Обвал, Тенга и др.³⁷.

Автор учебного пособия по «родоведению» (так тогда именовалось краеведение) Пензенской губернии И. Кузьмин писал, что мещера проживала только в пяти селениях Керенского уезда Большая и Малая Ижмора, Ушинка, Вяземка...) и имела численность всего 17 тысяч человек. Он также добавлял: «*Это обрусевшее финское племя в настоящее время почти ничем не отличается от русских*».

³³ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Спб., 1867. Т. 17. Пензенская губерния. Ч. 1. С. 323.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 324–325.

³⁶ Народы России: Живописный альбом. Спб., 1872. Вып. 4. С. 311.

³⁷ Семенов Тян-Шанский П.П. Указ.соч. С 231.

Мещеру, наряду с мордвою, он считал одними из древнейших жителей края³⁸.

К 1920-м гг. своеобразным центром пензенской мещеры Керенского уезда можно было назвать большое село Ушинка, где проживало до 8,5 тысяч жителей³⁹.

Касательно того, что пензенская мещера в рассматриваемое время еще сохраняла, то практически все авторы называют ее в весьма значительной степени обрусевшей. Тем не менее, она сохраняла какие-то свои обычаи, отличные от обычаев окрестного русского населения. Прежде всего это касалось свадебных и погребальных обычаев, суеверий и др.⁴⁰ Самосознание же народа, судя по следующей цитате, у мещеры было еще весьма сильным: «...мещеряки всегда стараются брать невесту из своего села или же в соседнем же мещерякском; брать же жену в дальнем селе или не мещерякском, считается бесчестьем...»⁴¹. Данный момент говорит весьма о многом. Он отчетливо говорит о сохранении некоего противопоставления себя русским и другим группам и стремление с ними не смешиваться.

По религии, как мы уже говорили, пензенские мещеряки были православными, о наличии в их среде представителей каких-либо других исповеданий не сообщается.

Почти все авторы сообщают о том, что уже в середине XIX столетия у пензенской мещеры, хотя и сохранялся свой особый говор, но прежнего финского языка уже давно не было. Однако, уже известный нам М.С. Киевский, в 1860-х гг., пишет, что «...Язык Мещеры походит на Мордовский, с небольшою разницею...»⁴²(!) Это сообщение вступает в прямое противоречие тому, что писали офицеры Генерального Штаба, другие исследователи, которых вряд ли можно

³⁸ Кузьмин И. Пензенская губерния: Учебное пособие по родиноведению. 2-е изд. Пенза, 1902. С. 13, 44–45, 57.

³⁹ Гвоздев А.И. Описание говора с. Ушинки Спасского (б. Керенского) уезда Пензенской губернии // Труды Комиссии по диалектологии русского языка. Л., 1927. Вып. 9. С. 79.

⁴⁰ Александров Н.А. Мордва, мещеряки и тептяри... С. 22–26; Народы России: Живописный альбом... С. 313.

⁴¹ Народы России: Живописный альбом...

⁴² Киевский М.С. Указ. соч. С. 18.

упрекнуть в чисто кабинетном сборе сведений и не знании реальной ситуации. Скорее всего, данные момент в повествовании Киевского следует объяснить следующим. Этот автор мог использовать при составлении своего очерка какие-то материалы, оставшиеся от исследователей куда более ранней эпохи, когда пензенская мещера, или по крайней мере ее старшее поколение, сохраняли свой, похожий на мордовский, язык. Здесь мы вспомним повествование о мещере на территории Рязанского края, которую также всегда ставили рядом с мордвой. Но к 1860-м гг. языка мещеры уже однозначно не было. Киевский также не сообщает, на язык какой именно мордвы походил мещерский, на мокшанский или эрзянский? Но, судя по сохранившейся топонимике в самом Мещёрском крае, это мог быть язык именно эрзянского типа.

Кроме Киевского, о существовании в середине XIX столетия языка пензенской мещеры упоминает и священник К. Масловский. Однако, из его повествования, которое мы процитировали выше, непонятно, идет ли речь именно о языке, похожем на мордовский, или же под языком он понимает русский говор, который был в это время у мещеры⁴³.

О более поздней судьбе пензенской мещеры мы скажем вам чуть ниже.

Пензенская мещера была не единственной, проживавшей компактно вне своего исходного ареала, Мещёрского края. Семенов Тян-Шанский в своем «Географическо-статистическом словаре Российской Империи» сообщает и о группе **саратовской мещеры**, которая жила в Сердобском уезде Саратовской губернии, в числе 3000 душ обоего пола, в селениях: Старое и Новое Мещерское, а также в Балашовском уезде: Чириковка, Князевка, Мокровка. Он также считает их «старинными» переселенцами с территории Рязанской Мещеры и принадлежащих «к типу русской или обрусевшей Мещеры». К 1860-м гг. они уже ничем не отличались от русских⁴⁴.

Авторы «Военно-статистического обозрения Российской Империи», в начале 1850-х гг. писали о саратовской мещере следующее: *«Мещеряки, выходцы из Муромского уезда. Они живут только в*

⁴³ Масловский К., священник. Указ. соч. С. 111.

⁴⁴ Семенов Тян-Шанский П.П. Указ. соч. С. 231.

двух небольших селениях Сердобского уезда, из которых одно называется Старым Мещерским, а другое Новым; исповедуют христианскую религию, но чрезвычайно суеверны, с разными нелепыми предрассудками и обычаями, которые так странно смешиваются в их понятиях с обрядами и догматами нашей религии, что трудно решить: более ли они христиане, или язычники, или магометане, как их единоплеменцы, живущие в Оренбургской губернии. Мещеряки приняли некоторые обычаи и самый образ жизни от Татар; по одежде они более схожи с Чувашиами. Есть что-то общее в быте всех этих оседлых иноверцев Саратовской губернии, но быт этот однообразнее и грязнее быта Русских. Правда между ними нет нищих, но и не видать особенно зажиточных; они большею частью хлебопашцы и отнюдь уже не торговцы и не промышленники; не многие занимаются пчеловодством и скотоводством»⁴⁵. Из данного отрывка мы видим, что для его авторов существовало только два мещерских (мещерякских) селения в Саратовском крае. Жившая в них мещера происходила с территории Муромского уезда, но, скорее всего, под ней следует понимать не поздний Муромский уезд Владимирской губернии, а более значительное пространство, бывшее Муромским уездом до 1770-х гг. Сюда попадала и часть Мещерского края. Предки мещеры сел Старого и Нового Мещерского могли попасть на рассматриваемую территорию вместе с татарами или чувашами, откуда у них и появились упомянутые элементы материальной и духовной культуры. Судя по отрывку, саратовская мещера, по крайней мере упомянутых обоих населенных пунктов, к 1850-м гг. еще сохраняла пласт дохристианских обычаев и суеверий, вплетенных в народное христианство, также и испытывавших влияние ислама.

Д.К. Зеленин писал в начале 1910-х гг.: «...Колонии обрусевшей мещеры встречаются также в Саратовской губернии (с. Крайшевка Аткарского у.), куда они переселились из Пензенской губернии в XVIII в...»⁴⁶. Как видим, разные авторы имели разные сведения

⁴⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Спб., 1852. Т. 5, ч. 4. Саратовская губерния. С. 79.

⁴⁶ Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением занёбных согласных. Спб., 1913. С. 345.

о местах проживания саратовской мещеры и ее происхождении. Здесь возможно предположить, принимая во внимание отрывок из «Военно-статистического обозрения...», что предки жителей разных мещерских селений Саратовской губернии попадали в край в разное время и разными путями: кто-то через Пензенскую губернию, кто-то напрямую из Мещерского края.

Кроме того, некоторые источники, в частности С.К. Кузнецов, упоминают о существовании в XIX веке **тамбовской мещеры**, которая в 1860-х гг., по его данным (далее мы покажем, что мещера жила и в другой части губернии), «определенно указывалась» лишь в четырех селениях Спасского уезда, Тамбовской губернии: Кирилловка, Выша, Сядемка, Красная Дуброва, в которых насчитывалось до 7000 жителей⁴⁷. Интересно, но в середине XIX в., авторы «Военно-статистического обозрения Российской Империи» об этой ветви мещеры ничего не знали. Для них «мещеряки» остались где-то в прошлом края: *«Мордвины, Черемисы и Мещеряки занимали некоторые части Тамбовской губернии еще во времена варяжского и удельного периодов русской истории; они подразделялись на многие племена, носившие разные названия. Со времени нашествия Татар, на пространстве нынешней Тамбовской губернии утрачивается имя Мещеры...»*⁴⁸. Скорее всего, авторы вышеприведенного описания под «мещеряками» здесь подразумевают только древнее населения севера поздней губернии, где мещера, наряду с мордвой, являлась древнейшим населением.

Авторам «Военно-статистического обозрения...» также противоречат и сведения А.Е. Андриевского, издавшего в 1911 году «Историко-статистическое описание Тамбовской епархии», в котором, при подаче характеристики приходов, указывал и этническую принадлежность их населения. У него, в Спасском уезде, мещера упоминается в следующих приходах:

1-й Спасский Виндеевский округ.

Село Филково. В приходе 308 дворов с 815 жителями мужского пола и 844 женского, «великороссы и мещера... земледельцы и отхожий

⁴⁷ Кузнецов С.К. Русская историческая география... С. 104–105.

⁴⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Спб., 1851. Т. 13, ч. 1. Тамбовская губерния. С. 47.

промысел – плотничество». Сколько конкретно дворов и жителей каждой из этих групп Андриевский не указывает. Данный приход – единственный, где мещера проживала не одна, а с русским населением⁴⁹.

2-й Спасский Кирилловский округ.

Село Гоголев Бор (Удев). В приходе было 178 дворов с 625 лицами мужского пола и 631 женского, «мещера, земледельцы и корчевщики леса»⁵⁰.

Село Красная Дуброва (Красное). В приходе было 389 дворов с 1417 лицами мужского пола и 1401 женского, «мещера, земледельцы и лесопромышленники»⁵¹.

Село Кириллово. В последнем упомянуты приходы трех храмов:

Казанская церковь. В приходе было 504 двора с 1616 жителями мужского пола и 1613 женского. Важно, но в приходе были и «раскольники»-беглопоповцы, общей численностью 26 дворов с 66 лицами мужского пола и 93 женского. У этих старообрядцев была и своя моленная «...мещера, земледельцы и лесной промысел...»

Покровская церковь. В ее приходе было 408 дворов с 1175 жителями мужского пола и 1303 женского. Здесь также жили старообрядцы-беглопоповцы, числом 13 дворов, 40 м.п., 53 ж.п.

И наконец, в с. Кириллове, видимо из части «воссоединившихся» старообрядцев, образовался приход Казанской единоверческой церкви, в котором было 39 дворов с 108 жителями м. п. и 105 ж.

Во всех трех кирилловских приходах значится только «мещера, земледельцы», а случаях двух православных приходов еще и занимающихся лесным промыслом. В селе Кириллове мы также встречаем чуть ли не уникальный прецедент, когда мещера исповедовала, помимо официального православия и старообрядчество⁵².

Село Успенско-Богородицкое (Сядемка). В приходе было 455 дворов с 1530 жителями мужского пола и 1597 женского, «мещера, земледельцы и лесопромышленники»⁵³.

⁴⁹ Андриевский А.Е. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 614.

⁵⁰ Там же. С. 618.

⁵¹ Там же. С. 621.

⁵² Там же. С. 621–623.

⁵³ Там же. С. 629.

Интересно, но в селах Спасского уезда, помимо мещеры и «великороссов» проживало большое число мордвы-мокши, которая в ряде случаев составляла все население конкретного прихода, в ряде же случаев жила рядом с русскими.

В той же книге Андриевского, помимо Спасского уезда, мещера показана и в другой части Тамбовской губернии, на территории, которая ныне является востоком Рязанской области. Если спасская тамбовская мещера явно является потомками переселенцев, то эта группа явно проживает на тех землях, где она жила испокон веков. Эта ветвь рассматриваемого народа, на наш взгляд, должна быть отнесена к рязанской окской группе мещеры. Покажем приходы и селения, где Андриевский об этой мещере знал.

Шацкий уезд.

3-й Шацкий Конобеевский округ.

Село Калиновец (приход открыт в 1710 году). В приходе 90 дворов с 491 жителей мужского пола и 521 женского, «бывшая мещера». В приходе, помимо самого села, деревня Большой Студенец (20 дворов, 97 лиц мужского пола и 104 женского)⁵⁴.

4-й Шацкий Пертовский округ.

Село Инина слобода. В приходе 170 дворов с 621 жителями мужского пола и 636 женского, «мещера»⁵⁵.

Елатомский уезд.

1-й Елатомский Больше-Кусморский округ.

Село Ватроницы. В приходе 217 дворов с 624 лицами мужского пола и 615 женского, «мещера». В приходе, помимо самого села, были деревни: Марсево (120 дворов, 380 мужского пола и 403 женского) и Сизаново (22 двора, 78 мужского пола и 59 женского)⁵⁶.

Село Ласино. В приходе 190 дворов с 783 жителями мужского пола и 845 женского, «мещера». В приходе, помимо села, была деревня Еспенка (60 дворов, 275 лиц мужского пола и 291 женского)⁵⁷.

Село Подгорное Любовниково. В приходе 128 дворов с 386 лицами мужского пола и 414 женского, «мещера». Помимо села в приход

⁵⁴ Андриевский А.Е. Историко-статистическое описание... С. 672.

⁵⁵ Там же. С. 690.

⁵⁶ Там же. С. 754.

⁵⁷ Там же. С. 757.

входили деревни: Полянка (31 двор, 94 лиц мужского пола и 113 женского), Сумышки (21 двор, 63 лица мужского пола и 60 женского), Русско-Высокая (19 дворов, 55 лиц мужского пола и 55 женского)⁵⁸.

4-й Елатомский Сасовский округ.

Село Чубарово. В приходе 284 двора с 886 жителями мужского пола и 1059 женского), «мещера». Помимо села в приходе были деревни: Подостровное (75 дворов, 235 лиц мужского пола и 250 женского), Тонкачево (56 дворов, 180 лиц мужского пола и 210 женского), Чубаровский Ункарь (25 дворов, 75 лиц мужского пола и 99 женского), Ивановка (18 дворов, 56 лиц мужского пола и 99 женского)⁵⁹.

Выше мы процитировали антрополога Алексееву, которая в 1950-х гг. находила мещерские села и деревни в Кадомском и Сасовском районах Рязанской области, которые ранее входили в состав губернии Тамбовской и которые были частями указанных Шацкого и Елатомского уездов. Интересно, но процитированные нами авторы прошлого, за исключением Андриевского, об этом мещерском уголке ничего не упоминают. В 1960-х гг. Черменский, касательно тамбовской мещеры, помимо указанных сел Спасского уезда, отмечает и сс. Калиновец и Инина Слобода Шацкого уезда, сс. Вотроницы, Ласино, Подгорное Любовниково, Ласицы, Чубарово Елатомского уезда, которые мы уже встречали у Андриевского⁶⁰.

Эти две группы мещеры, саратовская и тамбовская, как мы видим из приведенной их численности, были относительно многочисленны, исчислялись тысячами. Вероятно, что и после 1900-х гг. их окончательная ассимиляция окрестным «великорусским» большинством произошла не очень-то и быстро. Представители этих групп сохраняли свое самосознание и самоназвание, и, что очень важно, жили компактно и отдельными селами. А все это легко может «затянуть» процесс окончательного растворения в русской среде еще очень надолго.

Выше, когда мы заканчивали повествование о пензенской мещере, то обещали сообщить о ее последующей судьбе. Здесь она пересекается с судьбой прежних саратовской и тамбовской групп.

⁵⁸ Андриевский А.Е. Историко-статистическое описание... С. 759.

⁵⁹ Там же. С. 794.

⁶⁰ Черменский П.Н. Материалы по исторической географии Мещеры // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 48.

После советских переделок административных границ все эти группы оказались в составе одной Пензенской области. Пензенская мещера в 1950-х гг. населяла ряд сел и деревень Заметчинского и Башмаковского районов. В ближайшем соседстве к ним находилась группа мещерских сел, которые до революции входили в Кирилловскую и Сядемскую волости Спасского уезда Тамбовской губернии, ставшие в советское время Салтыковским районом Пензенской области. Мещерские села Мещерское и Никольское, прежнего Сердобского уезда Саратовской губернии, оказались в Сердобском (первое) и в Колышлейском (второе) районах Пензенской области⁶¹. О мещерском населении других упоминаемых саратовских селений мы не располагаем информацией.

И в советских период, и в настоящее время, мещера Пензенской области изучается рядом специалистов, прежде всего из Пензы. Эти исследования дают важный материал по диалектологии мещеры, костюму и другим элементам материальной и духовной культуры народа, но все это – тема отдельного разговора.

Поздняя история народа мещера, вернее его уже совершенно обрусевших остатков, равно как и этническая история мещеры в целом, во многом продолжает оставаться «белым пятном». К сожалению, отсутствие материала уже никогда не позволит нам это «белое пятно» полностью ликвидировать. Однако, и те источники, которые есть в нашем распоряжении, все же дают нам некоторую картину.

⁶¹ Алексеева Т.И. Антропологический состав мещеры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. С. 1–2.

О СЛЕДАХ ДРЕВНЕГО ФИННО-УГОРСКОГО ЯЗЫКА В ГОВОРЕ ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ КЛАДЬКОВО ВОСКРЕСЕНСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Русское старожильческое население сердца России – Волго-Окского междуречья в своей первоначальной основе сформировалось в результате взаимодействия восточнославянских племен – вятичей, кривичей и новгородских словен с финно-уграми – мерей, муромой и мещерой. Археологически этот процесс подробно рассмотрен в книге Е.И. Горюновой «Этническая история Волго-Окского междуречья»¹. В первую очередь славянскими переселенцами осваивались земли, более благоприятные для пашенного земледелия – плодородное владими́ро-суздальское ополье, долины крупных рек и южные склоны возвышенностей. Немногочисленные финно-угорские обитатели указанных мест растворились в славянах почти бесследно, оставив, правда, хорошо заметный след в топонимике. Соответственно среди русского населения старых земледельческих районов преобладают люди со славянской внешностью – сероглазые и русоволосые. Но так было далеко не везде. Мещёрский край в данном отношении представляет особый интерес. Эти малопривлекательные для земледельцев территории заселялись славянскими переселенцами очень медленно и неохотно, и в результате процесс ассимиляции местных финно-угров шёл здесь гораздо дольше. Можно даже сказать, что тип дославянского насельника – темноволосого и кареглазого законсервировался в ряде местностей Мещёры. Мещёру, особенно ее центральную часть, вообще следует называть заповедником племен. До недавних пор здесь существовали такие обособленные территориальные группы, как мещеряки, куршаки, тумаки, боляки, ялмоть, мамай². Жители села Пустоши Судогодского уезда (ныне в районе станции Черусти,

¹ Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1962.

² Шахматов А. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XVII, кн. 4. Спб., 1913. С. 174.

Шатурский район) еще в начале XX века говорили, что последние «искренне русские» (читай славяне) в этих краях именно они судогодцы, а дальше к югу живет одна «литва»³. Данное слово, кстати, далеко не всегда означало в указанном регионе этнических балтов и их потомков. Для Судогодского и Муромского уездов сохранились прямые свидетельства, что в ряде случаев «литва» и «мордва» выступали как синонимы⁴. По свидетельству этнографа Б.А. Куфтина в 1920-е годы обитателей Мещёрской низменности их северные соседи – владимирцы звали именно «литвой», а жители окрестностей Рязани тех же людей именовали «мещерой», причем для некоторых из них (живших по берегам реки Пра в Спасском уезде) слово мещера сохранялось как самоназвание⁵. Довольно интересная картина наблюдалась и по Егорьевскому уезду.

Еще в XIX веке писатель С.Т. Славутинский четко различал среди коренных жителей Егорьевского уезда два совершенно разных человеческих типа. Первый тип был описан Славутинским на примере обитателей сельца Михеева (ныне деревня Михеево на северо-восточной окраине Коломенского района). Этих людей писатель знал очень хорошо – ведь в барской усадьбе сельца Михеева он вырос. С помещицкой семьей у местных крестьян постепенно сложились доброжелательные и можно даже сказать дружеские отношения. Михеевцы оказались с виду и по человеческим качествам самыми настоящими славянами – высокими, с русыми волосами и серыми глазами, очень веселыми, деятельными и бойкими; в их умелых руках спорилось любое дело. *«Речь Михеевцев – чистый говор московский; физиономии – совершенно открытые, с голубыми или серыми глазами; со взглядом нисколько не суровым и мрачным, напротив того очень веселым; стрижка русских волос, – пожалуй и это возьму в расчет, – ни малейшее не походила на такую, какую я*

³ Шахматов А. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Известия Отделения русского языка и словестности Императорской Академии наук. Т. XVIII, кн. 4. Спб., 1913. С. 174.

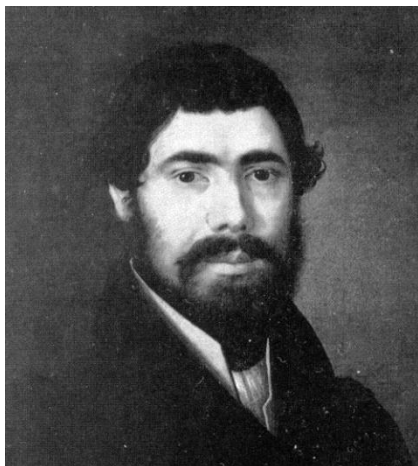
⁴ Добрынкин Н.Г. Следы пребывания доисторического человека в пределах Муромского уезда. Владимир, 1896. С. 22.

⁵ Куфтин Б.А. Материальная культура русской мещеры. Ч. 1. Женская одежда: рубаха, понева, сарафан // Труды Государственного музея Центрально-Промышленной области. М., 1926. Вып. 3. С. 11.

видел у коренных Егорьевцев»⁶. Но, по словам С.Т. Славутинского, большая часть коренных жителей центральной части Егорьевского уезда, выглядела совсем по-другому. Это были люди высокого роста, с темными и даже черными волосами и карими глазами. В противоположность общительным михеевцам егорьевцы слыли людьми молчаливыми, угрюмыми и обладали мрачной славой заправских разбойников. Добавим еще от себя – и славой колдунов. Некоторые егорьевцы придерживались старой веры, в то время как среди михеевцев старообрядцев не было вовсе. *«В описанных мною деревушках проживает народ видный, высокорослый, коренастый и здоровенный; недаром долговечные люди, дождавшиеся не только внуков но и правнуков взрослых, – старики, которым перевалило далеко за сто лет, – бывали здесь, в мое время, вовсе не редкость. Наружность этого народа поистине примечательна. Овал лица довольно продолговатый, но вместе с тем это – лица широкие, с крупными и весьма правильными чертами; словом, здешние люди, как говорится, личмянные. Выражение же лиц всегда очень серьезное, даже суровое и мрачное; такое вообще впечатление производят Егорьевцы на постороннего наблюдателя особенно своими карими, глубоко впалыми глазами, своим упорно-пристальным, тяжелым взглядом. Да и стрижка темно-русых, часто совсем черных волос как-то усиливает суровость физиономии Егорьевцев: самые маковки у них гладко выстрижены, а волосы надо лбом низко, вплоть почти до бровей спущены и ровно прострижены от одного виска до другого»*⁷. Наглядной иллюстрацией для описанного типа коренных егорьевцев могут служить сохранившиеся портреты представителей первого поколения купеческой династии Хлудовых. Хлудовы происходили из крестьян экономической деревни Акатово, что в 6 верстах от Егорьевска. На хлудовских портретах первой половины XIX века мы действительно видим «личмянных» (полнолицых) черноволосых и кареглазых молодцов (см. иллюстрации), судя по всему, именно таких людей и имел в виду С.Т. Славутинский.

⁶ Славутинский С.Т. Родные места: Из отрывочных воспоминаний // Русский вестник, 1880. Май. С. 207.

⁷ Там же. С. 203.

Портрет неизвестного из семьи Хлудовых. 1832 г.

Иван Иванович Хлудов. 1833 г.

Сам писатель предполагал, что темноглазые егорьевцы происходят от сосланных в эти глухие места новгородцев. Речь идет о массовых переселениях при Иване III. Автор заметки полагает, что Славутинский в данном случае ошибается, потомкам новгородцев (и шире – всех славян), видимо, были как раз сероглазые и голубоглазые михеевцы и им подобные дединовцы, ловчане и любечане, а темноглазые и темноволосые егорьевцы ведут свое происхождение от здешних финно-угорских племен – мери, муромы и мещёры⁸. По наблюдениям автора, в недавнем прошлом люди «егорьевского»

⁸ Помимо сведений о заселении новгородцами села Дединова, существует предание о том, что потомками новгородцев были тумакы. Как писал о них А.К. Мансуров: «Высокое, русое, стройное и красивое население Тумской части Касимовского уезда резко отличается от черноволосого приземистого, более слабого населения хотя бы Куршенского края». Тут надо вспомнить, что по описанию Славутинского «егорьевцы» были темноволосые и кареглазые, но довольно рослые. Либо они принадлежали к другому финно-угорскому племени, нежели обитатели центральной Мещёры; либо очень много здесь зависело от условий проживания. Как мы знаем, обитатели болотистого Полесья – полещуки в старину тоже отличались от таких же белорусов, живущих на сухих местах. Они были ниже ростом, вялые, у мужчин плохо росла борода. Жизнь на болоте является неблагоприятным фактором.

типа наиболее часто встречались именно в глухих деревнях коренной Мещёры (в ряде селений составляя даже подавляющее большинство старожильского населения), а уже по её окраинам – в гораздо более благоприятных для земледелия долинах рек Клязьмы, Оки и Москвы-реки хорошо заметно преобладание людей со славянской (михеевской) внешностью. Довольно много среди коренных жителей указанного региона людей смешанного типа – со светлыми волосами и карими глазами, либо наоборот – с черными волосами и светлыми глазами.

О весьма существенной разнице между двумя типами русского старожильского населения Владимирской губернии писал во второй половине XIX века другой известный писатель – В.А. Слепцов (1836–1878), путешествовавший в конце 1850-х годов по северной окраине Мещерской низменности. Почти не вдаваясь в особенности внешнего облика, Слепцов довольно высоко оценивает экономическую активность преимущественно славянского по своему происхождению населения долины реки Клязьмы и её северных притоков и с сожалением и недоумением говорит о закосневших в своих медвежьих углах обитателях Мещёры. Дословно он пишет следующее: *«Клязьма – одна из замечательных рек в своём роде: ничтожная по величине и судоходству – она имеет огромное экономическое значение для тех местностей по которым протекает. Клязьма прорезывает Владимирскую губернию во всю длину ее с юго-запада на северо-восток и орошает самые разнообразные почвы. От самой границы Московской губернии, начиная с песчаного грунта Покровского уезда, течет она по средним землям Владимирского уезда, по мергелистому суглинку Ковровского, Вязниковского и Гороховецкого уездов и, наконец, почти на границе Нижегородской губернии захватывает наносную почву под самым Гороховцом. Но не смотря на это видимое разнообразие почв и происходящее от того различие в занятиях жителей тех местностей, по которым протекает Клязьма, нельзя не заметить той характеристической особенности, которая лежит на берегах ее, нельзя не заметить исключительности, так называемой приклязьминской полосы. Полоса эта тянется длиною лентою с одного конца губернии до другого, верст по 15-ти в обе стороны (на землях песчаных и по 30 на плодородных), обнимая берега важнейших притоков Клязьмы, – Луха,*

Тезы, Уводи, Нерли, Колокши, Судогды, Пекши. (Сведения эти заимствованы мною у местного статистика и этнографа Владимирской губ[ернии] г[осподина] Дубенского, с которым имел случай лично познакомиться во Владимире.) Вся приклязьминская полоса отличается красивым, здоровым и деятельным населением, хорошо обработанною почвою, не смотря на ее разнохарактерность, и чрезвычайным развитием фабричной, ремесленной и промысловой жизни. Исторические изыскания показывают, что береговое население Клязьмы – чисто славянское, пришедшее с севера (по всей вероятности новгородское), вытеснившее туземных жителей финского происхождения и заселившее берега реки, как более соответствовавшие духу предприимчивости и торговли, которым всегда отличались новгородские выходцы. Дубенский предполагает со своей стороны, что славяне, поселившиеся здесь, могли быть также поволжские, – ярославские и костромские, тоже замечательные своей предприимчивостью в сравнении с окружающими их туземцами. Но как бы то ни было, какого бы происхождения ни были славянские переселенцы, оживившие берега Клязьмы, – дело в том, что деятельность приклязьминского населения отличается от соседних местностей и кладет резкую печать на берегового жителя. Приклязьминский крестьянин – красивой наружности, высок ростом, предприимчив, общителен и уж непременно хозяин. Как бы мелко ни было его производство, но оно всегда основано на капитале, возрастание которого здесь необыкновенно быстро; личный труд большею частью переходит в труд антрепренера и хорошо вознаграждается; между тем как тут же, рядом малорослые и некрасивые остатки финских племен мордвы и муромы ведут вялый, неподвижный образ жизни, ограничиваясь грубыми и тяжелыми работами, – бурлацкой, пилкой и рубкой дров, трепанием льна и проч., то есть такими занятиями, которые исключают деятельность промышленную и торговую; труд является здесь упорным и неблагодарным и сама форма его делает из человека только работника, век свой трудящагося из-за куска хлеба.

Замечательно, что такое резкое различие в характере труда, образе жизни и развития приклязьминских и соседних с ней местностей происходит вовсе не от влияния почвы и зависимости от нее человека, как обыкновенно думают в подобных случаях экономи-

сты. В этом отношении Владимирская губерния представляет любопытное исключение. Доказательством служит то, что здесь промышленность получила большее развитие как раз нарочно на плодородной почве, между тем как на песчаных и болотистых местностях, на берегу Оки в Гороховском уезде и по обеим сторонам ее в Меленковском, в лесных заклызьминских селениях Судогодского и Ковровского уездов, не смотря на чрезвычайно бедную песчано-каменистую почву, непроизводительность которой должна бы пробудить в народе промышленную деятельность, население занято единственно земледелием, пилкой и рубкой дров, гонкою смолы, извозами, точно тоже и около Юрьева и Киржача, на границе Тверской губернии и в лесной половине Переславского уезда, где жители занимаются пастушеством, невыгодным ткачеством на других, и рубкою дров»⁹.

Как видим, по наблюдениям писателя В.А. Слепцова, потомки славянских переселенцев весьма активно занимались самыми разными видами экономической деятельности, проживая даже на сравнительно плодородных почвах. Их же соседи финно-угорского происхождения («остатки финских племен мордвы и муромы»), которым на их скудных мещёрских песках и болотах, сам Бог велел искать новые занятия и промыслы, тем не менее, продолжали с упорством достойным лучшего применения, заниматься невыгодной, но привычной для них тяжелой работой. Как важную деталь отметим занятия, которым отдавали предпочтение потомки обрусевших финно-угров: собственно земледелие, пилка и рубка дров, пастушество, извозы, невыгодное ткачество на других, гонка смолы, бурлачество (коноводство).

К западу от Егорьевска расположен Воскресенский район, разделяемый Москвой-рекой на две неравные части. Восточная левобережная его часть относится географически к Мещёрской низменности, а западная правобережная – входит в состав Северского (по реке Северке) ополья. Соответственно первая часть звалась у старых людей Заречье, а вторая – Польшина. Население самого города Воскресенска сформировалось в годы Советской власти и пред-

⁹ Слепцов В.А. Владимирка и Клязьма // Слепцов В.А. Полное собрание сочинений. Спб., 1903. С. 475–476.

ставляет собой своеобразный сплав русских, татар, мордвы, украинцев и других народов. Старожильческое же население сел и деревень Воскресенского района (естественно русское) также представлено двумя хорошо различимыми типами, которые мы по примеру Славутинского, условно называем «михеевцами» и «егорьевцами». Разница только в том, что в отличие от Егорьевского края, в Воскресенском «михеевцы» преобладают. Темноглазых и темноволосых «егорьевцев» можно встретить по всему району, но больше всего их наблюдалось в ряде деревень восточной части Воскресенского района, прилегающей к Егорьевским пределам. Одной из таких деревень была ныне не существующая деревня Кладьково. Эта большая старообрядческая деревня просуществовала до 1980 года, когда ее снесли из-за расширения карьеров по добыче фосфоритной руды. В старину Кладьково входила в состав коломенской волости Усть-Мерска, позднее Усмерский стан и Усмерская волость. На территории этой волости какое-то время сохраняли самобытность представители финно-угорского племени меря и даже сам стан иногда звался в документах Мерьским. Существование «мерьских» станов зафиксировано и в других уездах бывшей племенной территории мери – в Костромском и Кашинском уездах. Иногда по общему названию финно-угров – чудь, меряньские станы звали Чудскими и Чуцкими. Чудский конец (особый район города) известен по позднейшим данным в столице Мерянской земли, городе Ростове (ныне Ростов Великий Ярославской области). Ареал расселения мери включал в себя современные Костромскую, Ярославскую, большую часть Ивановской и Владимирской, а также восточные районы Тверской и Московских областей. Таким образом, будущая Усть-Мерская волость являлась далекой южной окраиной расселения мери. Как утверждают этнографы на периферии зоны расселения народа или племени зачастую гораздо дольше сохраняются некоторые особенности быта, трудовые приемы, обычаи и традиции, уже утраченные в центре. Деревня Кладьково в этом отношении была, пожалуй, уникальной. Здесь по имеющимся данным, еще в начале 1940-х годов здравствовали пожилые люди, знавшие «старый язык». Этот язык по всей вероятности был мерянский. Хотя нельзя исключить, что мы имеем дело не с остатками самого мерянского языка, а с особым профессиональным аргом кладьковских пастухов, который

сформировался на его основе. Не случайно в воспоминаниях кладьковского уроженца Н.А. Ленкова основным носителем непонятной лексики выступает именно потомственный пастух Федор Сидорович Сычев. О следах древнего финно-угорского языка (предположительно мерянского) в говоре жителей деревни Кладьково Воскресенского района хотелось бы рассказать подробнее.

По воспоминаниям здешнего уроженца Николая Александровича Ленкова, 1926 года рождения, население этой большой (в 300 с лишним домов) старообрядческой деревни примерно делилось по полам. Черноглазые и темноволосые кладьковские «егорьевцы» соседствовали с русыми и светлоглазыми «михеевцами».

Кладьково. На фото девочки «егорьевской» и «михеевской» внешности.

По данным второй половины XIX века основными занятиями кладьковцев были все, перечисленные выше писателем Слепцовым, за исключением гонки смолы и рубки и колки дров. Кладьковцы занимались земледелием, что на здешних скудных почвах давало низкие урожаи, ткали на дому для здешних купцов Тютневых (по происхождению, и это важная деталь, Тютневы были выходцы из Тульской

губернии), а также занимались отхожими промыслами – извозом и пастушней (нанимались в пастухи в дальних и ближних окрестных селах и деревнях), а в более раннее время ходили коноводами – со своими лошадьми тянули барки с различными грузами для первопрестольной вверх по течению Москвы-реки. Кладьковские пастухи считались признанными мастерами своего дела, по воспоминаниям стариков, мужчины из Кладькова «ходили в пастушню» сразу в три губернии – Московскую, Рязанскую и Владимирскую. Деревня была преимущественно бедняцкой, что заставляет нас снова вспомнить описание В.А. Слепцова. Таким образом, имеющиеся косвенные данные уже допускают возможность, что старожильческое население Кладькова сформировалось с весомым участием (или даже на основе) древних финно-угорских племён.

Интересные особенности говора жителей Кладькова Н.А. Ленков неоднократно описывал в своих краеведческих публикациях¹⁰.

¹⁰ Родился он, как уже писано выше, в 1926 г. в деревне Кладьково. Подобно многим своим сверстникам, Николай Александрович прошёл большой и нелёгкий жизненный путь. До призыва в армию в 1943 г. работал подпаском и трактористом Новлянской МТС. Принимал участие в войне с Японией. После демобилизации окончил с отличием вечернюю школу, институт (Московский институт инженеров водного хозяйства) и долгое время трудился главным инженером Воскресенского горкомхоза. Историей края интересовался с юных лет (подавал в своё время документы на исторический факультет МГУ, был принят, но забрал документы и стал учиться в МИИВХ), однако более плотно краеведением занялся только с выходом на пенсию. В своих изысканиях Н.А. Ленков пошел нехоженым путём и приступил к изучению названий селений, рек и урочищ Воскресенского района и окрестностей. За несколько лет он побывал практически во всех селениях нашего района и пообщался со старожилами. В результате им было собрано несколько сотен микропонимов – названий рек, оврагов, озёр, болот, лесов, лугов, полей, канав, будок железнодорожных обходчиков и так далее. В местных газетах одна за другой стали печататься топонимические заметки Н.А. Ленкова, имевшие большой успех у читателей. Постепенно Николай Александрович стал известен в Воскресенском районе как неутомимый собиратель названий местных урочищ и как изобретатель довольно экстравагантной топонимической методики, которая, якобы, позволяет легко и просто объяснить абсолютно любое географическое название. Автор этих строк не разделяет точку зрения Н.А. Ленкова на происхождение Подмосковных и иных топонимов. Его топонимические версии в большинстве своём не имеют

В старину кладьковцы немилосердно цокали, иными словами вместо «ч» произносили «ц». К послевоенным годам эта особенность сохранялась только у немногочисленных пожилых женщин. Одну из них так и звали – Поля-цавокалка.

Цокание в Мещёре и вообще в областях Нечерноземья России является хорошо заметным индикатором обрусевшего финно-угорского населения. Подобным же образом говорят и современные финно-угры – мордва и марийцы, русские слова чай, спички, точило, чуть-чуть, они произносят «цяй», «спицки», «тоцила», «цуц-цуц». В старину цокание в селениях восточной части Бронницкого уезда встречалось исключительно часто. Об этом со всей определенностью говорит языковед Н.М. Каринский¹¹. О цокании как о заурядном явлении в деревнях соседнего Коломенского уезда в 1851 году писал корреспондент Московских губернских ведомостей В.Н. Волков: *«К отличительным признакам туземного языка относится перемена буквы Ч на Ц. Так, вместо чего говорят цего. – Впрочем, это отличие постепенно уничтожается и каждый крестьянин, который часто бывает в уездном городе, в Москве, или живёт на фабриках, применяется к обыкновенному общему произношению, осмеивая своих земляков»*¹².

С другой стороны, тот же Н.М. Каринский упоминает, что в некоторых деревнях сравнительно плодородной Польщины (заселенной в раннее время преимущественно славянскими переселенцами – А.Ф.), еще встречалась в начале XX века такая особенность говора, как

отношения к действительному происхождению топонимов. Очень жаль, что этот достойный человек пошёл неверным путём. Но по собственному опыту я убедился, что исходные сведения Николая Александровича – о наличии и расположении на местности урочищ, об особенностях быта и говора местных жителей, заслуживают доверия. Ленков часто ошибается в топонимической интерпретации известных ему и другим старожилам фактов (поэтому к его публикациям следует подходить с известной осторожностью), но сами эти факты практически всегда соответствуют действительности и могут, по моему мнению, служить источником достоверной краеведческой информации.

¹¹ Каринский Н.М. О говорах восточной половины Бронницкого уезда. Спб., 1903. С. 12–19. Карта.

¹² Волков В.Н. Описание Коломенского уезда Московской губернии // Московские губернские ведомости, 1851. Март–апр.

чокание, когда вместо слов царь, овца, церковь, отец, произносились «чарь», «овча», «черква», «атеч»¹³. Чокали в Семеновском, Безпятаове, Митькове, Троицком, Денисьеве и Булгакове.

Насколько можно судить, эти две особенности говора – цокание и чокание, могут свидетельствовать о различном этническом происхождении предков местных жителей. В Юго-Восточном Подмоскovie цокали, обычно, потомки обрусевших финно-угров и подпавшие под их влияние пришлые, а потомки славянских переселенцев говорили по-русски правильно или чокали. Об интересных внешних особенностях носителей цокающих и чокающих говоров на примере западных уездов Владимирской губернии писал филолог А.И. Смирнов в 1890-е годы: *«Сколько помнится, в прежнее время цоканцы и чоканцы значительно различались по характерам. Первые представляются людьми угрюмыми, необщительными, резкими; вторые – мягкими в обращении, радушным, веселыми. Крестьяне, говорившие согласно с литературным употреблением ц и ч, обыкновенно, больше подтрунивали над цокавцами, чем над чокавцами; чокание считалось более приличным говором, чем цокание, и от чоканья скорее совершается переход в литературной речи»*¹⁴. В этом кратком описании в цокающих мы сразу узнаем представителей «егорьевского» типа, а чокающие сильно смахивают на «михеевцев».

И в заключение расскажем о второй необычной особенности говора кладьковских жителей – о «старом языке». Как мы знаем, первоначальниками волости Усть-Мерска, в которую входила рассматриваемая деревня, были представители финно-угорского племени меря, родственного нынешним марийцам и мордве. Пришедшие сюда в XI-XII вв. славяне также внесли существенный вклад в формирование старожильского населения. Позднее здешние меряне полностью обрусели, забыли язык и обычаи предков. Многие деревни Усмерской волости – Левычино, Ванилово, Чечевилово, Бессоново сохраняли некоторые слабые следы финно-угорского происхождения своих первопоселенцев. Но древняя и довольно большая старообрядческая деревня Кладьково в этом плане «отличилась» очень сильно. Со времен основания деревни в ней жили представители

¹³ Каринский Н.М. О говорах... С. 17.

¹⁴ Русский филологический вестник. Варшава, 1892. Т. 27. С. 164–165.

одних и тех же крестьянских родов, здесь никогда не было, как во многих других населенных пунктах Подмосковья, смены коренного населения пришлым в результате эпидемий, голодовок и разорений Смутного времени. Даже после Смуты, в ходе которой, немалое количество здешних деревень надолго запустело, в Кладькове оставалось целых 12 крестьянских дворов. Здесь, в глухом медвежьем углу, в стороне от больших дорог и шумных городов дольше других держались старые обычаи и прадедовский уклад жизни. По рассказам пожилых людей во времена царствования царя Петра I (1689–1725 гг.) в окрестностях Кладьково укрывались от преследования царевых слуг приверженцы старой веры, вокруг деревни за болотами стояли несколько старообрядческих скитов, а один скит будто бы располагался на месте позднейшей кладьковской моленной. Место было тихое и укромное. Чужих здесь не привечали, а владевшие деревней богатые помещики Кикины, Киселевы, Червины в Кладькове обычно даже не появлялись, довольствуясь присылаемым оброком. Видимо всеми этими причинами и следует объяснить, факт замедления ассимиляции местных мерян, по сравнению с соседними подобными деревнями. Удивительно, но в Кладьково еще в 1930-х – начале 1940-х годов здравствовали пожилые люди, понимавшие загадочный «старый» язык. Некоторые не только понимали, но при удобном случае кое-что говорили на нём («баяли по старому») в кругу своих односельчан. Этот «старый» язык по всей вероятности был мерянским. Возможно также, что к указанному времени в Кладькове сохранялись уже не следы мерянского наречия, а особый профессиональный жаргон на его основе, своеобразное пастушеское арго, где часть слов уже была заменена русскими соответствиями.

Вот как рассказывал о своем первом знакомстве со «старым» языком Николай Александрович Ленков: «Бывало, сидящий в избе на лавке при хорошем настроении отец поставит тебя, еще не умеющего ходить, на носок верхней ноги и, разводя руки в стороны, начинает раскачивать вверх-вниз со словами «ки на экар ки на кур», а то, встав, подбросит к потолку с теми же словами. Подросшая ребятня летом в соседних кустах играли в кирики-мирики, <....> а взрослые девчата допоздна посреди деревни на излюбленном пятачке

лихо били дробы под аккомпанемент зевак, хлопающих в такт в ладоши и напевая все тот же мотив:

*«Ки на экер ки на кур,
Ки на экер ки на кур...»¹⁵.*

А вот другая его зарисовка о «старом» языке:

«Потомственный пастух Сидорыч (Фёдор Сидорович Сычёв, примерно 1872 года рождения – А.Ф.), у которого летом 1942 года я бегал в подпасах в деревне Чолохово Егорьевского района, как-то в жару во время полуденного отдыха стада у речки Берёзовки, попросил меня сбегать за водой «в с п а с л и с ь м а п р я».

Не поняв толком, куда бежать, воды я набрал из родника в соседнем Обуховском лесу в урочище Сияны Горы, где вода выбивалась из-под земли в виде ключа, родника, более известного в округе как Святой родник Микита Мученик.

Вечером же, пригнав стадо, побежал я за пять вёрст в родное Кладьково, поделился сомнениями с матерью: мол, не понимаю я Сидорыча!

Мать налила в крынку парного молока, и пошли мы с ней к самой старой жительнице Кладькова – к бабке Васёне Маленькой, с прозвищем Каморка, которой было за сто лет, у которой своей коровы не было и которую за глаза называли колдуньей.

Выслушав в пересказе матери мои сомнения, бабка Васёна, кивнув в мою сторону, усмехнулась:

– Глупый. Твой Фёдор Сидорыч ни одного класса не кончал, он и в школу-то никогда не ходил, сызмальства кнут из рук не выпускает, крестиком расписывается. Вот и бает по-старому. Раньше-то так и было – не Святой родник, а Суватай. По-старому и лисьма тоже «родник», а пря – «голова», самое тоё место, где вода из-под земли вытекает»¹⁶. В отличие от загадочного обрядового двустипия «ки на экер ки на кур», окончательная расшифровка которого ещё впереди, слова «лисьма» и «пря» находятся в словаре одного из ближайших языков к мерянскому, а именно в словаре мордвы. Лисьма действительно родник, а пря – голова. В далеком прошлом

¹⁵ Ленков Н. Новая и древняя топонимия окрест Москвы. Воскресенск, 2008. С. 143.

¹⁶ Там же. С. 290–291.

«старый» язык был распространен по Усмерской волости и по всему Юго-Восточному Подмосковию гораздо шире. Мы беремся об этом судить, зная, что помимо Кладькова, двустышие «ки на экер, ки на кур» можно было услышать до войны и в фабричной деревне Лопатино Воскресенского района (гулянье молодежи) и в посёлке торфозаготовителей Керва Шатурского района (игры детворы). И в Лопатине, и в Керве население сформировалось в результате переезда сюда жителей из разных дальних и ближних деревень ради заработка¹⁷. В деревне Бессоново Воскресенского района один из пожилых жителей в разговоре с Н.А. Ленковым вспоминал, что его бабка звала здешний родник «лисьим» названием.

«Виктор Николаевич Конюхов уверенно указывает на межусадбную канаву:

– Здесь бил ключ, а по канаве стекал в речку Бардоновку. Бабушка говорила, что и фамилия наша от названия родника, который она каким-то лисьим именем называла»¹⁸.

В загадочном на первый взгляд «лисьем» названии снова угадывается слово «лисьма» – родник.

А вот еще несколько примеров отдельных слов загадочного старого языка. В деревне Кладьково жил некогда мужик по прозвищу Пига. Рядом с его домом проходила канава с ручейком и в этой связи нам нельзя не вспомнить о ростовской Пиге. Город Ростов Великий в нынешней Ярославской области в Начальной летописи считался столицей Мерянской земли и в финно-угорской топонимике Ростова есть слово Пига. Так в Ростове зовут, вернее, звали когда-то, старый ров с водой.

«Кладьковский говор своеобразен. <...> Еще каких-нибудь шесть-десять лет назад (то есть 1930-е годы – А.Ф.) кладьковские абorigine-

¹⁷ Похожее слово – «кинакур» было зафиксировано этнографами в северной части Белозерского края, в местах проживания давно обрусевшего прибалтийского финно-угорского населения. См.: Морозов И.А. Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь М., 1997. С. 282. Если в Кладькове девушки при пляске приговаривали: «Ки на экер, ки на кур», то в белозерской деревне Москвино (Киснема) они говорили чуть иначе: «Кинакур, кинакур, кинаакур, кинаакур».

¹⁸ Ленков Н. Древняя и новая топонимия окрест Москвы. Воскресенск, 2008. С. 73.

ны на ходу схватывали иронию в бытовавшей в округе языковой дразнилке «тялушка надела на голову вядрушку». Здесь игра слов: по мерьски-эрзяньски «телушка» как раз и звучит в я д р е к ш е»¹⁹.

Таким образом, уничтоженная в 1980 году деревня Кладьково действительно была не совсем обычной деревней. Очень жаль, что многочисленные этнографические и фольклорные экспедиции в своё время миновали ее. Почему-то учёных мужей гораздо больше привлекали дальние края и страны, а у себя под боком в Подмоскowie они просмотрели такой многообещающий объект для исследования. Сейчас, когда заметно повышается интерес к мерянскому языку и к роли мерян в формировании русской нации, научно оформленные данные об особенностях говора кладьковских стариков были бы, наверное, очень кстати.

В качестве приложения приведу крошечный, очень неполный словарь «старого» языка обитателей Кладькова и еще шире – обитателей Усмерской волости и ее окрестностей. Словарик составлен по топонимическим данным, по сведениям самого автора, но больше всего слов дали публикации и сборы Н.А. Ленкова. Слова, услышанные в живой речи Н.А. Ленковым выделены жирным шрифтом, услышанные в живой речи автором – подчеркнуты.

Борш – перевоз, речная переправа. Писатель П. Мельников-Печерский записал в середине XIX в. песню ямщика-пермяка на своем языке со словами: «Вэсь боршкиней батюшко, Ты вожжетан, вожжетан мёнэ» Перевод: «Добрый перевозчик батюшко, Ты перевези, перевези меня». Полагаю, что корень борш со значением перевоз существовал в «старом» языке. Сохранилось в названии села Боршева (ударение на последний слог) рядом с Бронницами. В этих местах действительно располагалась важная переправа через Москва-реку. Село дало имя коломенской волости, которую в документах обычно записывали в славянской огласовке – Брашевская. В Воскресенском районе между селом Константиново и деревней Маришкино через Москву-реку также существовал в XIX веке перевоз. Речушка, впадающая в Москву-реку в месте перевоза (устье – нынешний поселок Дома отдыха) звалась у старожилов Боржевка.

¹⁹ Ленков Н. Кладьково // Наше слово: Районная газета Воскресенск, 1993. Янв.–февр.

Вядрушка – несколько русифицированное слово со значением «телушка». В эрзянском «вядрекше» с тем же значением.

Загадка – несколько русифицированное слово со значением «узкое длинное пространство между двумя зданиями», например между избой и амбаром. В родственном мерянскому венгерском языке szagadek – овраг

Кань – кошка. С тем же значением в языке коми. Известна волость Канев, изначально древнерусский погост, в Коломенской земле. Одного корня с ним глагол канючить – жалобно что-то просить, своими интонациями напоминая мяукающую кошку.

Ки – по мнению Н.А. Ленкова, означает путь, дорога. По мнению автора, означает камень.

Кишляки – шишки. Этим словом обозначали и еловые и сосновые шишки.

Кур – жизнь? Ср. марийское слово «курым» – жизнь, человеческий век.

Левичы – скотный двор, коровник. С тем же значением существует в марийском языке. Сохранилось в названии деревни Левичино Воскресенского района. Ср. многочисленные села с названиями Коровниково, Коровниче в окрестностях Ярославля, Суздаля и Москвы. Известна волость, первоначально древнерусский погост, Левичин в Коломенской земле.

Лезёрка. Значение не известно. Существует как обозначение цепочки прудов (озёр) и речки, протекающей через эту цепочку. В Воскресенском районе как микротопоним зафиксировано несколько раз.

Лисьма – родник.

Лоня – тихий, спокойный. С тем же значением в языке коми. Слово сохранилось в фамилии крестьянского рода Лониных (по-русски Смирновых) из старинного села Карпово Воскресенского района.

Ляпе – ольха. С тем же значением в мордовском языке. Сохранилось в названии поля Любцево (в писцовых книгах 1577-78 г. Лябцев луг) на берегах речки Олешенки под селом Петровским Воскресенского района. Очевидно речка, Олешенка звалась первоначально Ляпча (Ольховая), а по речке Ляпце получил имя Ляпцев (Лябцев) луг на ее берегу.

Малый. Значение неизвестно. В окрестностях села Карпово Воскресенского района расположен овраг Малиновка и в овраге од-

ноименный родник. Старожилы Карпова сообщили, что прежде Малиновка звался по-иному – Маляевка. По словам столетней Васёны Маленькой (д. Кладьково) ручей, на котором жили ее предки, по старому звался Маляй.

Ойя – ручей, речка. С тем же значением в финском языке. Сохранилось в названии двух речек Шувоек (в старину Шувойя) в окрестностях деревни Степаншино Воскресенского района и в северной части Егорьевского района. В Финляндии Суойя – болотная река.

Отра – пескарь. Сохранилось в названии реки Отра. Слово отра со значением пескарь известно в языке манси. О близости угорских языков (венгерского, манси и хантского) с мерянским писал финский учёный XIX века Д. Европеус.

Панькень – фиалковый, сохранилось в названии кладьковского луга Панькино, на котором действительно росло множество фиалок. По другой версии, название луга может происходить от уменьшительного от имени Павел – Панька.

Пи́га – канава.

Пинера – значение неизвестно. Сохранилось у жителей деревни Дворниково Воскресенского района как название оврага и ручья.

Пря – голова. С тем же значением в мордовском языке.

Текте – дикая пчела. С тем же значением в марийском языке. Многочисленные Тектовы обитали в деревне Золотово (в старину деревня Залутва) Воскресенского района.

Тега – гусь. Тега-тега – так в деревнях Воскресенского и Егорьевского района призывают гусей. В мордовском языке гусь – дега.

Фурки – общее название выселков, недавно образованной улицы или слободки в изначально мерянских селениях Воскресенского района. По мнению Н.А. Ленкова происходит от слова старого языка, однокоренного со словом «родник». В родственном для мерян венгерском языке родник *fórras*, «форраш». Глагол *fórr* означает по-венгерски кипеть, клокотать, кипятиться. Выселки Фурки, вернее процесс их появления, образно сравнивались с клокотанием, извержением воды из родника. В изначально славянских селениях выселки звали другим словом – «бутырки». Свои Фурки имеются в восьми деревнях и сёлах Воскресенского района – в Глинькове, Городищах, Константинове, Сабурове, Ачкасове, Федотове (по-старому Нармадево),

Чемодурове и в Новосёлове. В Зарайском районе слободка Фурки выявлена в селе Моногарово.

Чечева – блоха. Слово чичав в мордовском языке означает блоха. Сохранилось в названии деревни Чечевилово (в старину – Чечевинская).

Шавандра. Значение не известно. Сохранилось как название поля (на берегу одноименной речки?) севернее села Петровского Воскресенского района.

Шишпак – соловей. Маленьким детям, которые свистят дома (внутри помещения свистеть категорически нельзя) взрослые говорили: «Ну, ты, шишпак, хватит свистеть». В марийском языке соловей – шишпык. Остается добавить, что только у нас сейчас соловей «поёт», у наших же прадедов соловей «свистел». Отсюда понятно, что шишпак именно свистит.

Экар, экер – значение неизвестно.

Д.Д. Финкельберг
г. Электросталь Московской области

ОБ ИЗРАИЛЕ ДАВИДОВИЧЕ ФИКЕЛЬБЕРГЕ

В истории каждого города есть люди, жизнь и деятельность которых играла весьма важную роль. Прежде всего, это – врачи, учителя, общественные деятели. Причем это были не простые заурядные представители своих профессий, а те, кого без преувеличения следует называть Людьми с Большой Буквы. Это были и лучшие специалисты в своей профессиональной области и, что особенно важно, это были люди с замечательными личными человеческими качествами. Общение с ними, даже краткое или эпизодическое, всегда оставляло добрый след в памяти. О таких людях вспоминают с должным почтением и спустя годы, десятки лет... Это в полной мере относится и к врачу Израилю Давидовичу Финкельбергу, который жил и работал в Егорьевске. До сих пор, когда попытаешься заговорить о нем с кем-либо из егорьевцев заставших своей жизнью время, когда он работал, сразу же услышишь какую-либо свою историю, связанную с ним. Одни человек сразу вспомнил, что однажды его дочка, играя с кошкой, заразилась от нее лишаем. Обратились к дерматологу, коим оказался известный егорьевский врач И. Финкельберг. Последний оказал прекрасную квалифицированную помощь, произведя также впечатление на юную пациентку и ее родителей как человек. После, хотя этот эпизод был единственным обращением отца девочки к этому доктору, Финкельберг всегда, встречая человека на городских улицах, а это бывало часто, приветливо здоровался. Это при том, что через него фактически прошел весь город с десятками тысяч жителей!

Мы предлагаем вашему вниманию документ из семейного архива потомков Израиля Давидовича Финкельберга – воспоминание о нем его коллеги Е.А. Степенской. Материал представлен и подготовлен внуком Израиля Давидовича – Дмитрием Давидовичем Финкельбергом. Надеемся, что в дальнейшем на страницах нашего альманаха появятся и другие повествования об этом замечательном человеке.

Израиль Давидович Финкельберг родился 18 июля 1904 года в местечке Брагин под Мозырем. Это территория современной Республики Беларусь. Брагина сейчас не существует. После Чернобыля это место оказалось закатанным под асфальт. Умер он 26 октября 1988 года.

В основе данной публикации воспоминания егорьевского врача Елены Александровны Степенской о своем коллеге – враче и моем деде Израиле Давидовиче Финкельберге. Автор заметки – не только хороший врач, но и самобытный поэт, а ее пьесы были в репертуаре городского народного театра.

Я очень хорошо помню деда, да и не только я – весь город знал его как замечательного врача и очень порядочного человека, горько, что В.И. Смирнов в своем эпохальном труде «Мы-егорьевцы» не уделил ему ни строчки. Собственно, «пострадал» не только дед, а и еще ряд хороших людей, о которых до сих пор с теплотой вспоминают жители города и не только они. Конечно, в книге обо всех не напишешь, но все же... Спасибо автору, что хоть таким образом мы узнаем о предках или знаменитых и не очень современниках, ведь и этого могло не быть.

Елена Александровна рассказала в основном о работе деда на посту главврача больницы и города, он ведь был еще до этого военврачом, прошел Туркестан с басмачами, финскую, отечественную и японскую войны, имеет боевые ордена и медали, одни только две Красные Звезды дорогого стоят. А еще дед очень любил свою семью, к нам всегда тянулись многочисленные родственники, раньше ведь семьи были большими. На семейных праздниках всегда гостей был полный дом, а принимать гостей умели.

Сейчас, конечно, другая эпоха, все изменилось, но память это такая штука, которая тебя не отпускает. Люди, которые знали деда, еще живут в Егорьевске и районе, и им будет приятно читать этот материал, спасибо за который и вечная память Е.С. Степенской. В будущем предполагается написание и публикация материалов и о Степенской, и далее о Израиле Давидовиче, и о еще многих других прекрасных егорьевцах, участвовавших в жизни города и оставивших добрый след в памяти тех, с кем они соприкасались.

22 декабря 2012 года

Е. Степенская
г. Егорьевск

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ – ИЗРАИЛЬ ДАВИДОВИЧ ФИНКЕЛЬБЕРГ

*Есть русская интеллигенция.
Вы думали – нет? Есть.
Не масса индифферентная,
А совесть страны и честь.
Андрей Вознесенский*

Пишу по памяти, пишу то, что знаю, чему была свидетелем, что так или иначе касалось моей врачебной деятельности и помогло мне полнее, глубже понять духовный, нравственный облик этого Человека. Записи мои, конечно, очень скудные, отрывочные, фрагментарные, схематичные. Но они абсолютно достоверны. Ничего здесь не придумано. Все из жизненных наблюдений.

В 1938 году Израиль Давыдович Финкельберг приехал в Егорьевск. Не помню, приехал ли он вначале один или сразу приехал с семьей. А семья у него была большая: жена врач акушер-гинеколог, старшая сестра жены и трое маленьких детей – дочь школьница, сын чуть помладше и еще совсем маленькая дочь ясельного возраста.

Среди врачей очень быстро распространился слух, что Финкельберги приехали из дальних мест, как будто даже с Памира, где Израиль Давыдович был врачом в воинской части. Слух оказался достоверным.

Семья поселилась на Набережной улице, недалеко от старого хлебозавода. Дом был старый, одноэтажный деревянный. Там были коммунальные квартиры без удобств. Семья получила две комнаты. Окна квартиры выходили на речку Гуслицу и во двор, где был небольшой садик и огород. В общем, это было типичное провинциальное жилище дореволюционного образца. В 30-е годы в городе так жило большинство.

Израиль Давыдович был назначен заведующим городской поликлиникой, или точнее, ее директором. В то время поликлиника была самостоятельным лечебным учреждением, подчиняясь лишь

Горздраву. Объединение поликлиник с больницами произошло после войны, в 1947 году. Завгорздравом был замечательный человек, Александр Иванович Гусаров. Не имея медицинского образования, этот выдвигенец-коммунист прислушивался к мудрым советам. Он очень быстро оценил Финкельберга как руководителя.

Фото 1940 года. Дети Израиля Давидовича: старшая дочь Фаина, сын Давид, младшая дочь Эвелина.

Первое время Израиль Давыдович носил военную форму – шинель, гимнастерка и брюки защитного цвета, аккуратные, начищенные до блеска сапоги. Эту исключительную аккуратность в одежде он сохранил на все последующие годы. Запомнились сапоги – они скрипели. И эта деталь, казалось бы пустяковая, запомнилась не случайно.

Очень скоро медперсонал поликлиники – врачи, сестры и санитарки, работники канцелярии и хозяйственные работники, почувствовали, поняли, что новый заведующий – человек особого склада, совершенно непохожий на прежних руководителей. Всегда внутренне собранный, немногословный, он обладал поразительной выдержкой и терпением, никогда не повышал голоса при разговоре с людьми, но был в тоже время неукоснительно требовательным и настойчивым в своих распоряжениях. При этом действовал не силой административного нажима, а логикой убеждения. Он был внимателен и справедлив с людьми.

И он быстро завоевал авторитет в коллективе и люди прониклись к нему уважением.

Но были среди нас и нерадивые работники, нарушители трудовой дисциплины, любители, как тогда говорили, «пофелонить». И вот, эта категория людей недолюбливала нового зава, побаивалась его, старалась избегать встречи с ним, не попадаться ему на глаза. Заслышав скрип его сапог, они поспешно разбегались, врачи прятая-

лись в кабинетах. Бухгалтер детской поликлиники (входила в состав взрослой поликлиники) Елизавета Александровна Клепова, пожилая остроумная женщина, однажды сказала Израилю Давыдовичу: «Скрипу бояться, разбегаются как мыши».

Вскоре деятельность нового директора стала приносить ощутимые результаты. Не берусь рассказать об этом со всей полнотой, так как работала рядовым участковым педиатром и по молодости лет не очень внимала в административные реформы. Скажу лишь о том, что чувствовала по своей прямой работе, что отмечали мои товарищи на других участках. Так вот – укрепились трудовая дисциплина, стали невозможными встречи врачей «для обмена новостями» в коридорах, на лестнице, где их всегда мог «застукать» вездесущий директор. Улучшилось обслуживание больных, начиная с регистратуры (стало меньше дубликатов амбулаторных карт) и кончая процедурными кабинетами (сократились очереди около них). Для лучшего обслуживания больных на дому были приобретены дополнительно лошади (легковых машин тогда не было). Мы, врачи, почувствовали заботу о себе, почувствовали, что за нашей работой, за тем, как мы ее выполняли, следит внимательный, строгий, но всегда справедливый человек.

А теперь расскажу один запомнившийся эпизод. Он не имеет отношения к работе. Но, как мне думается, имеет отношение к характеру Израиля Давыдовича.

На Первомайскую демонстрацию 1939 года он пришел вместе с сыном-дошкольником. День был жаркий. Демонстранты двигались медленно с частыми остановками. Мальчик, одетый в шерстяной костюмчик, утомился, покраснелся и молча прижался к отцовской ноге. Женщины-врачи стали просить Израиля Давыдовича, чтобы он взял сына на руки. На это Израиль Давыдович сказал (это запомнила точно): «Нет. Он сам напросился на демонстрацию. Я не хотел его брать, отговаривал. А теперь, раз пошел, пусть терпит». И мальчик стоически вытерпел всю демонстрацию на ногах. Не берусь утверждать, что это было вполне правильно с педагогической точки зрения. Хотя в глубине души, мне думается, что Израиль Давыдович был прав. И в этом маленьком эпизоде проявился его характер, его требовательность даже к своим маленьким детям.

А теперь перешагиваю сразу через два года.

*Фото из семейного архива, примерно 1956 г.
Израиль Давыдович Финкельберг (слева) с детьми.*

Июнь 1941 года. Война. Израиль Давыдович был мобилизован на Восточный фронт, к границам Китая. Вернулся после Победы с боевыми наградами.

В 1947 году по приказу Министерства здравоохранения произошло объединение поликлиник с больницами в единое административное учреждение.

В Егорьевске объединилась поликлиника для взрослых с больницами: 2-й (терапевтическое и инфекционное отделения) и 4-й (хирургическое, глазное, ушное и туберкулезное отделения).

Еще было детское объединение – поликлиника и детская больница.

Израиль Давыдович был назначен главным врачом взрослого объединения. В поликлинике и в больничных отделениях у него были помощники – заведующие. Работа усложнилась. Помещения требовали капитального ремонта после четырех военных лет. Люди также изменились за эти годы. Работать главврачу было нелегко. Это видели и понимали его друзья-единомышленники. Такие, как врачи Кулигина Н.И., Обьедкова П.П. и Рабинштейн С.Я. Но внешне, во взаимоотношениях с сотрудниками Израиль Давыдович остался таким как и был до войны. Его исключительная выдержка и такт в разговоре с подчиненными часто удивляли друзей. Об этом они иногда говорили мне в минуты откровения. Требовательный, спокойный,

исключительно справедливый и внимательный к людям, он знал каждого своего работника так, как врач-психоневролог знает своего пациента. Поэтому к каждому подходил по серьезному, соответственно характеру человека. А ведь это было безумно сложно!

И все же... все же... Были в коллективе лица, на которых не действовали его человеческие качества, которые или не видели их или смеялись над ними. Они старались помешать его работе как в лечебно-организационной, так и в хозяйственной сфере. Делали это не в открытую, а обходными путями, втягивая в свою орбиту рядовых работников, создавая конфликтную ситуацию, в которую приходилось вмешиваться и профсоюзу. Не хочу называть этих лиц по фамилии, скажу лишь, что их было четверо. Соломон Яковлевич Рабинштейн говорил по этому поводу: «Он ходит по заминированному полю и умудряется не подорваться ни на одной mine». А Израиль Давыдович хотел только одного: чтобы ему не мешали работать. Эти слова он сказал своему другу. Помощи он не просил. Хотел только, чтобы не мешали.

Шел большой капитальный ремонт во всех зданиях объединения. Особенно преобразилось старое здание 2-й больницы (до революции это была богадельня с домашней церковью). Там сделали центральное отопление, помещение бывшей церкви переоборудовали в прекрасную большую столовую и комнату отдыха для больных. Поставили диваны, на стенах развесили красивые картины, были приобретены легкие обеденные столики и стулья. Все это для того времени (50-е годы) было редким новшеством. Были также закуплены новые удобные кровати с сетками, лабораторное оборудование, рентгеновский кабинет, холодильники и кухонный инвентарь.

Израиль Давыдович проводил ежедневно со своими заведующими обход всех палат, беседовал с больными, вникал во все детали больничной жизни, знал истории болезни всех тяжелых и сложных больных, подсказывал заведующим те или иные организационные мероприятия, как например вызов консультанта или перевод больного в Москву. Все больничные отделения были тесно связаны с Московским областным научно-исследовательским клиническим институтом (МОНИКИ).

С тем же вниманием и заинтересованностью главврач вникал во все хозяйственные дела объединения. И хотя у него был хороший,

инициативный помощник по хозяйственной части, он не хуже его знал, где достать качественные белила, краску, олифу, сам договаривался с главным механиком завода «Комсомолец» Михайловым по поводу ремонта какого-либо сложного оборудования, ездил в Москву добывать больничное белье и твердый инвентарь. В своей трудовой деятельности он был неутомим и настойчив. И благодаря всему этому больницы и поликлиника преобразались, старые здания просто молодели.

Хочется рассказать маленький эпизод из хозяйственных забот главврача, который, как мне кажется, как бы иллюстрирует все вышесказанное: при 2-й больнице на конюшне стояло несколько лошадей. Их запрягали в пролетки (машин в 50-е годы еще не было) для участковых терапевтов. Лошадей обслуживал конюх Никита (фамилии его я не помню). Это был маленький щуплый мужичок с очень вздорным и шумливым характером. Но лошадей он любил и работу свою исполнял добросовестно. Вот этот-то Никита и рассказал мне про эпизод. Однажды утром он пришел в поликлинику в кабинет главврача и заявил ему, что кончился овес и лошадей он завтра врачам не даст. Вечером на больничный двор пришел Израиль Давыдович. Прошел на конюшню, где Никита чистил стойла. И вот, он оттуда видит, как Израиль Давыдович тихо подошел к ларю, где хранился овес, осторожно поднял крышку, заглянул в ларь и также тихо, не спеша ушел со двора. А в ларе овес был, хотя и не так много, но был. Однако на следующий день корм лошадям привезли. Вот и весь этот маленький эпизод. Но он говорит о многом, главврач послал с проверкой не своего завхоза, а пошел сам. Пошел проверить не овес, а своего конюха, которого ценил как работника – неужели он скормил весь овес и молчал до последнего дня? И вот убедился, что Никита, заботясь о своих лошадях, пошел на этот наивный обман, на этот трюк.

После войны семья Финкельберга переехала в новую хорошую квартиру на Профсоюзной улице. Сам дом был старой дореволюционной постройки (1895 года), деревянный, двухэтажный, добротный. Когда-то в нем жил инженер-англичанин Крейн, работавший на фабрике Хлудова. Семья Израиля Давыдовича заняла квартиру на первом этаже. Прекрасные комнаты с высокими потолками, большими окнами, паркетным полом и всеми удобствами. Эта старинная квартира и в наше время выгодно отличается от стандартных квартир в

панельных домах, где стены звукопроницаемы, где слышен громкий разговор соседей.

В 1954 году в день 50-летия Израиля Давыдовича сотрудники 2-й больницы тепло, от всего сердца поздравили своего дорогого шефа.

В 1957 году, проработавший 19 лет на руководящих постах, Израиль Давыдович по собственному желанию сложил с себя обязанности главного врача объединения. Видимо, одной из причин было ухудшение здоровья, обострение старой язвенной болезни. Перед уходом он провел капитальный ремонт в поликлинике и сдал медицинские учреждения в полном порядке.

Он стал работать по своей специальности дерматологом в 5-й больнице, где еще будучи главврачом работал по совместительству. После смерти главврача 5-й больницы И.И. Кутакова, Израиль Давыдович был назначен на этот пост. И опять началась административная работа и хозяйственные заботы, хотя и в меньшем объеме.

Время шло, годы, возраст давали себя знать и тогда Израиль Давыдович сам подготовил себе смену в лице молодого врача Ю.П. Елина, которого «высмотрел» своими внимательными глазами среди врачей терапевтов. Юрий Павлович прошел специализацию, стал дерматологом, стал главврачом 5-й больницы. А Израиль Давыдович продолжает работать там лечащим врачом. Он пользуется большим уважением и любовью всего коллектива и больных.

Мне пришлось проработать в медицинских учреждениях Егорьевска 33 года (1937–1970 годы), видела многих руководителей – директоров, заведующих, главврачей. И ни один из них не сделал столько для городского здравоохранения, сколько сделал Израиль Давыдович Финкельберг. Вот на станции Скорой помощи до сих пор работает механик (раньше шофер) Саша Королев, который работал и до войны. Так он сказал про Израиля Давыдовича: «Много я перевидал начальников, а хозяина видел только одного»¹.

А жители Егорьевска называли Израиля Давыдовича «Миллионный», поясняя: «Такому врачу цена миллион». Это мне сказали в 1968

¹ Медицинская сестра инфекционного отделения 2-й больницы Лидия Михайловна Стулова сказала, когда Израиль Давыдович оставил свой пост: «Такого не было и не будет!» С той поры минуло двадцать пять лет, и слова эти пока еще никто не опровергнул.

году педагоги Северовы Зинаида Павловна и Сергей Иванович. Когда это рассказала врачу К.И. Кулигиной, она сразу резко возразила, безапелляционно заявив мне: «Он не Миллионный, он Бесценный. Ему цены нет».

Вот этими словами Клавдии Ивановны, женщины мудрой, проницательной, я и закончу свои воспоминания.

г. Егорьевск Московской области, 31.X.1982 г.

«Миллионный»

Его назвали «Миллионный»,
Назвали люди здешних мест.
И в том названии законный,
Вполне оправданный подтекст.
Он не мудрец, не маг, не Будда,
Но может мудрый дать совет
Друзьям и незнакомым людям
В минуты горести и бед.
Не только словом, но и делом
Поможет как товарищ, брат.
Кроссворд беды решит умело,
Хоть не мудрец и не Сократ.
Он знает жизнь в любой окраске,
Фальшь угадает без труда,
И Янус под двуликой маской
Опознан будет им всегда.
А сам живет по тем законам,
Что мы Советскими зовем.
Вот потому и «Миллионным»
В Егорьевске зовется он.

1968 г.

Старинный дом

(посвящается семье Финкельбергов)

Этот дом старинный мне знаком,
А ему без малого сто лет.
Комнаты с высоким потолком
И с зеркальным отблеском паркет.
Это не коробка из панелей,
Где стандарт возведен в эталон,
Где похожесть стала самоцелью,
Людям подарив микрорайон.
Этот дом старинный навещаю,
И в квартире старина живет.
За столом, за краснодарским чаем,
Неторопкий разговор идет.
Третье поколение возмужало
В той квартире, среди старых стен,
Где интеллигентность пропитала
Мозг и сердце, мысли трех колен.
Показухи нет, и нет стандарта,
Есть квартира с искренним теплом.
Говорю спасибо, что когда-то
Пригласили в гости в этот дом!

Июнь, 1980 г.

С.В. Просина
Москва

**ПРИДАНОЕ В МУРОМСКОМ РАЙОНЕ
ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ ГРЦРФ)**

В период с 2003 по 2005 гг. Государственный республиканский центр русского фольклора провел ряд научно-исследовательских экспедиций в Муромский район Владимирской области. В ходе работы специалистами была произведена фиксация основных обрядов жизненного цикла, в том числе были записаны воспоминания о проведении свадеб¹. В данной работе мы рассмотрим небольшую, но значимую часть свадебного обряда, а именно приданое невесты, а также попытаемся проследить все манипуляции, проводимые с ним. Все полученные от информантов сведения по времени относятся к первой половине XX в. и отражают фактически современное состояние этой части обряда.

Приданое – имущество, которое выделяется девушке ее семьей для замужества. Наличие приданого в том или ином виде было обязательным, оно составляло основное имущество молодой семьи². В Муромском районе считалось, что девушка вступает в брачный возраст с 18-20 лет, тогда ее можно сватать. Чаще всего к этому возрасту (независимо от того, просватана она или нет) у девушки уже должно быть готово приданое, которое собирается ее матерью в течение некоторого времени:

«Её мать <...> (Мать собирает? А девушка сама не готовила?)
Не-ет. Мать. (Долго собирают? Или как только до свадьбы...)

¹ Традиционная культура Муромского края: Экспедиционные, архивные, аналитические материалы. М., 2008. В 2-х т. Т. 1. С. 81–140.

² На этой территории в XIX в. приданое жены поступало в распоряжение мужа (См.: Фирсов Б.М., Киселева И.Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / . Спб., 1993. С. 248). В соседних уездах в этот же временной период приданое являлось единственной единоличной собственностью жены. В XX в. приданое уже являлось общей собственностью молодой семьи.

У других, может, там заранее понемногу. Ведь раньше не <...> как сейчас живут. Достатка-т не было. Постепенно [БАН]; «(А сами готовили?) Да, сами. <...> Мама... бедно жили. Бывало, там чем-то пра... <папа> зарабатываем маленько, купим одеялку. Она вот в Иваново ездила. <...> А сразу разе запасёшь? Я вот, у меня было шестеро. Я и то запасала чё раньше» [КАИ]; «Родители все закупали» [ВЗА]; «Давали там, вышьют, вот у нас мать сама вышивала и давала мне, сколько там надо, полотенец. <...> (Это в приданое давали вам?) Да» [АМИ].

В отдельных редких случаях приданое не собиралось, а передавалось. В данной традиции при наличии нескольких дочерей, право первенства признавалось за старшей сестрой, младших не разрешалось сватать, если старшая была не замужем. Однако нам известны такие случаи:

«Приданое я готовила не сама. У меня была старшая сестра – Роза, она должна была по закону выйти первой замуж. Это я неправильно сделала, что вышла первой, а она что-то не нашла себе никого. Её приданое мне и отдали» [ЛНМ].

Состав и количество приданого варьировался в зависимости от исторических экономических реалий и договоренности между сватами и родителями невесты во время сватовства. Информанты 1920-х гг. рождения утверждают, что раньше приданое состояло из «нормы», «доли» – зерна, муки, картофеля и др. продуктов, а также из разнообразных предметов текстиля, иногда одежды³. В Муромском районе существовал обычай «выговаривать» приданое. Как правило, это делала будущая свекровь, входящая в число сватов.

«Ну, раньше там хлебом... Брала этот, как его... Выговаривали хлеба ль, там чего-то... Раньше было вот такая ведь. (А выговаривали – это что значит?) Ну, чтобы хлеба сколько там невесте надо или чего. (Это они договаривались о приданом?) Да. А щас-то нет» [ИТВ]; «(А на сватовстве о чем говорят? Там, приданое оговаривают?) Другие нормы вон просят. (Нормы – это что такое?) Хлеба. Сколько... Хлеба, картошки. Скоко там. (Это за девушкой надо дать? Хлеб, картошку там, одежду. Что еще обычно в

³ То же самое повторилось и после Великой Отечественной войны, когда чувствовался недостаток продуктов и одежды.

приданое?) Ну скажет, да. Вот ей там надо. Вот это нет у ней. Пальта ль там нет, чего ли, куртки какой. (Это <...> жениховы, просят, чтобы дали за ней?) Да» [КМС]; «На сватанье выговорили с меня <...>, хлеба сколько пудов, машинку, перину. (Это вот во время сватовства?) Да. (Выговаривали приданое, да?) Да. Да. Свекровь выговорила. Машинку <...>, хлеба. Сколько пшеница, ржи. Вот» [ВРД]; «Раньше долю брали. Долю. Сколько хлеба пудов. Тогда время тяжелое было, сколько пудов. Невесту берет к себе в дом жених. С невестой, значит, договаривались, что один или два пуда муки. Кормить невесту надо было» [МЕА].

Информанты 1930-х гг. «норму» уже не упоминают, свидетельствуя, что в состав приданого входил только текстиль, иногда мебель (напр., кровать). Основанная масса приданого состояла из постельных принадлежностей (комплектов белья, перины, покрывал, одеял, изделий для оформления кровати) и предметов украшения интерьера (занавесок разного назначения, дверных занавесов, полотенец, салфеток, скатертей, половиков и т.д.). Все тряпичное добро складывалось в сундуки.

«Приданое готовили обязательно. Железная кровать была, сундук (украшенный краской и квадраты из железа, и замок на нем), платья, рубашки» [ЛНМ]. «(А вообще что в приданом должно быть? <...>) <...> Сундук. (А сундук пустой или что-то там должно быть?) Постельные принадлежности. Всё эт её. А уж так подушки. Две подушки. Там два одеяла или три одеяла» [БАН]; «В сундуках. Сундук. Всю постель. Сундук. (Постель, полотенце, да?) Да, постель. Ну, раньше эти, перины были. Теперь вот ватники. А ведь раньше перины были. Раньше ватников-то не было. Подушки» [КМС]; «У меня сундук большо-ой был! <...> А придано там все в сундуке. <...> Да. Все. Кровать. Раньше были железные кровати с матрацем. (Это все невеста должна...?) Все, да» [ВРД]; «Господи! И полотенцы, ну раньше-ти что было? Сундук. Ну там полотенце. Потом матрас. На матрас простань. Потом полотенцы, одеялы, подушки. Вот это все» [ФВВ]; «(А в чем приданое? В сундуке?) Сундук. Да, у нас сундук. Это я еще маме... Он у нас стоял <...> А я маме его отдала. Сундук у меня, и перина была, машинка вот швейна. Все. У меня придана была большая. И подушки, и наволочки, и одеялки две. <...> Одеялки две сатиновых. Потом покрывало

тканёвое» [КАИ]; «Перина, одеяло, два ватных одеяла, тканевы одеяла, подушки, накидушки. А кровати были железные, вот кровать, подзоры. Это уже вязали сами кружева» [ВЗА]; «(А что в приданое у невесты входило?) Занавески, чтоб повесить везде, и на окна, и на двери. Перина, подушки, наволочки и пододеялки и все, все, все. И подзоры, все это было как раньше по старинке» [ЛЕМ].

Все манипуляции с приданым можно условно разделить на две фазы: пассивную (собираение) и активную (любые перемещения, демонстрация, выкуп). Для данной традиции характерно абсолютное неучастие невесты в обеих фазах. В пассивной фазе участвует семья невесты, а в активной – неблизкие родственники, посторонние люди (подружки, сваха). Отправной точкой начала активных манипуляций становится сватовство, после которого невеста⁴ должна была приготовить занавески для своего будущего дома (т.е., для дома жениха). Это обязательное действие. С этой целью в дом жениха приходили подружки невесты (иногда крестная) и снимали мерку с оконных, дверных проемов (это называлось «ходить с меркой», «за мылом»). Это несколько отдельно стоящее действие, на наш взгляд, входит в приданому, т.к. оно имеет схожие цели: заготовка чего-либо для будущей замужней жизни, привнесение своей доли в обустройство нового дома, демонстрация рукодельности и хозяйственности невесты. Кроме того, оно являлось среди прочих неким закрепляющим сватовство действием, своеобразным доказательством того, что свадьба будет.

«(А девушки мерки ходили снимать?) Да, они ходили. В первую очередь девчонки ходили мерку снимать. А как же занавески шить, без мерки-то? (Они группой ходили?) Да нет, две-три сходятся и все, измеряют и все» [ЛЕМ]; «Ну и усватали. А потом с меркой ходили. Девчонки ходили, подружки, родители. Сначала измеряют все, занавески, на божницу, скатерть там или чего, все измеряют. (А когда ходили?) После сватанья, в другое воскресенье или в следующее» [ВЗА]; «(А потом ходили к жениху, может, «за мылом», занавески вешать?) А, да. Мы ходили к нему. Занавески мерить.

⁴ То, что это делает невеста, опять-таки не совсем верно. Фактически это должен сделать кто-то со стороны невесты.

(Это перед свадьбой?) *Не перед свадьбой, а надо их сошить занавески все, купить. Сошили, а потом уже гулянье это, свадьба* [ССП]; (Окошки жениху мерили?) *А как же! С меркой-то ходили. К жениху ходили мерили занавески. (Кто ходил?) Крестна пойдет, да мать»* [АМИ].

О том, что приданое (а также честное исполнение уговора о нем) являлось весьма важным аспектом, можно судить по тому, что фактически с манипуляций с ним начиналась непосредственно свадьба. Перед тем как сесть за праздничный стол, в дом жениха на подводе, запряженной лошадью (реже на машине), привозили приданое. Иногда это происходило накануне самой свадьбы, а иногда в самый главный первый свадебный день⁵. В Муромском районе нам встретилось практически единичное упоминание о специальном человеке («возчике»), осуществляющем эту перевозку. В большинстве случаев приданое везут подружки невесты (иногда в сопровождении свахи).

«(А приданое когда привозят?) *Накануне. Накануне свадьбы.* (А кто привозит?) *Девчонки.* (А как они везут?) *Ну, раньше на лошадях, теперь уж машина вот. А раньше машины-то не было – на лошадях»* [КМС]; «(Когда привозят?) *Приданое привозят перед свадьбой.* (Накануне?) *Да, нет. В этот день. Вот. Сегодня свадьба. И там, к обеду везут приданое»* [БАН]; «(А вот когда постель⁶ везли?) *Это вот на этот же день когда гордой, когда свадьба сама, а если с венцом, то постельку накануне, а с утра едут к венцу, а вечером «гордой».* (А вот когда постель везут, кто везет?) *Кто везет, девчонки и сваха, значит невестина сваха»* [ЩИП]; «*А уж приданое на лошади туда.* (На лошади, да? А когда, в какой день?) *Как свадьба.* (В этот же день, да?) *В этот же день. Свадьба.* (А кто везет?) *Возчик. Там взрослый был возчик»* [ФВВ].

⁵ Свадьба в Муромском районе праздновалась два дня: первый день (он назывался «горной», «гордой») – в доме у жениха, а второй («познать», «позднать», «на блины») – у невесты (См.: Традиционная культура Муромского края: Экспедиционные, архивные, аналитические материалы. М., 2008. В 2-х т. Т. 1. С. 106, 20).

⁶ В воспоминаниях «постель» и «приданое» представлены как одно понятие.

В данной традиции принято демонстрировать приданое либо во время его перевозки, либо по прибытию к дому жениха. В Муромском районе этот процесс назывался «трясти приданым». Во всех воспоминаниях упоминается, что это было публичное действие, на приданое приходила смотреть вся деревня. Такое хвастовство должно было показать уровень достатка невесты, ее рукодельное мастерство. В первую очередь оценивалось количество вещей в целом, их разнообразие (напр., по назначению в текстиле: одеяла зимние и летние, в одежде: теплые пальто и демисезонные и т.д.; по качеству материала). Кроме того признаком богатой невесты было наличие тех или иных предметов, демонстрирующих достаток в местном понимании (напр., швейная машинка, перина). В этот же момент происходит выкуп приданого, продажу которого осуществляют те, кто его привез (подружки, возчик, сваха и т.д.). Покупателем выступает жених (иногда его крестные), платя подружкам деньги.

«(Ну, его показывали, приданое-то?) *Его видать.* (Показывали?) *Прямо вот так вот положут. Одеяла, все положут*» [ФВВ]; «(А жених выкупает приданое? Сам выкупает?) *Сам. Сам выкупает.* <...> *Платит тут – деньги тут скоко. Начинают оне <подружки> стаскивать. А не заплатит – и не стацат.* (А приходили смотреть приданое?) *Приходили*» [КМС]; «*Жених это приданое выкупает.* (А что дают?) *Деньги.* «*Выкуп*» *крестные выкупают*» [СНИ]; «*Трясут. Да. Тут народ-т <...>. Глядят. <...>. Ага. Вот пойдём-к там, <...> какого ей приданого-то. Господи, обсуждали – у кого много, у кого мало. И вот подруги-то, бывало, во-во-во, трясут. Трясут все это. Вот показывают. Сколько. Сколь полотенца. <...>* (Т.е., уже когда привезут к жениху, смотрят приданое?) *И там, вдоль улицы, когда к жениху подъедут. Вот там – жених выходит, постель выкупает.* (Там все это разложили?) *Да*» [ВРД]; «*Должна быть обязательно перина, если перины нет, то невеста бедная*» [ЛНМ]. «(А этим приданным трясли?) *Трясли, смотрели. Собирался народ, чего привезли*» [ПАП].

После выкупа подружки вносят приданое к жениху и начинают украшать его дом к свадебному торжеству предметами из приданого (развешивают занавески, полотенца и т.д.). Это действие, преследует несколько целей, помимо явной декораторской. Новый текстиль

как бы означает начало жизни молодой семьи⁷ и в то же время так утверждается новая хозяйка, маркируя свое пространство.

«(А полотенца по углам вешают?) *Вешали. У нас шесть штук было*» [ФВВ]; «<...> *вот была – занавески, вот полотенцев – у меня много полотенцев. По всем углам вешали их, вот когда постель привезут к жениху. Занавески повешут. Полотенца по всем углам навешают полотенца*» [ВРД].

Там же в доме жениха устраивается девичник, время его проведения напрямую связано с привозом приданого и последующим украшением дома жениха. Многие информанты отождествляют привоз приданого с девичником. Они свидетельствуют, что даже если приданое привозили в первый день свадьбы, девичник все равно устраивался тут же, а свадебное гуляние начиналось позже в этот же день.

«Розвесют все тут, и занавески, и подушки, пярины, все чтоб это, значит, было. <...> А они все там уже розвесют, они нагуляются, а потом уже вот, свадебешные приходят» [ЛЕМ]; «Везут девки, три подружки, четыре, собираются и везут постель. Там гуляют, там и стол собирают. Повесют все занавески, все» [ГАП]; «Привезли приданое, повесили <нрзб.>. (А потом что?) Гуляли и всё. <...> (Значит, девичник этот и приданое как бы один момент?) Да. (Или девичник бывает накануне?) Нет, нет, когда привозят приданое» [БАН];

На этом, собственно, все манипуляции с приданным заканчиваются, и начинается свадебное гуляние.

Таким образом, в первой половине XX в. приданое все еще играло существенную роль в свадебном обряде. Принципы собирания, предметный состав, манипуляции практически не изменились, оставаясь во многом традиционными. Оно одновременно осознавалось на разных уровнях восприятия: с одной стороны за счет приданого молодая семья в буквальном смысле обзаводилась новыми вещами (или продуктовыми запасами), а с другой стороны все его аспекты (наличие/отсутствие, разнообразие/скудость предметов, качество и т.д.) влияли на репутацию молодой женщины (как хозяйки, как рукодельницы).

⁷ Часто до этого момента дом стоит практически пустой и голый: нет ни занавесок, ни половиков, ни скатертей и т.д., т.е. пространство выглядит безжизненным, необжитым.

БАН – Бухарова Антонина Николаевна, 1938 г.р., уроженка д. Петраково. Записано в д. Петраково, Муромский р., 2003 г. Соб.: И.Е. Посоха.

КАИ – Королёва Александра Ивановна, 1938 г.р., уроженка д. Степаньково. Записано в д. Степаньково, Муромский р., 2003. Соб.: И.Е. Посоха.

ВЗА – Виноградова Зинаида Андреевна, 1922 г.р., уроженка д. Иваньково. Записано в д. Иваньково, Муромский р., 2003. Соб.: Н.Е. Котельникова, Е.П. Печникова.

АМИ – Аксёнова Мария Ивановна, 1923 г.р., уроженка д. Стригино. Записано в д. Стригино, Муромский р., 2004. Соб.: Л.В. Фадеева, С.В. Просина.

ЛНМ – Лопа Нина Михайловна, 1937 г.р., уроженка с. Борисоглеб. Записано в с. Борисоглеб, Муромский р., 2004. Соб.: А.С. Белова, А.А. Барсуков.

ИТВ – Ивлева Тамара Васильевна, 1929 г.р., уроженка д. Петраково. Записано в д. Петраково, Муромский р., 2003. Соб.: И.Е. Посоха.

КМС – Кабанова Мария Степановна, 1920 г.р., уроженка д. Петраково. Записано в д. Петраково, Муромский р., 2003. Соб.: И.Е. Посоха.

ВРД – Веденеева Раиса Дмитриевна, 1926 г.р., уроженка д. Петраково. Записано в д. Петраково, Муромский р., 2003. И.Е. Посоха.

МЕА – Мальков Евгений Александрович, 1930 г.р., уроженка д. Тереховицы. Записано в д. Тереховицы, Муромский р., 2003. Соб.: Н.Е. Котельникова.

ФВВ – Фокина Валентина Васильевна, 1932 г.р., уроженка д. Петраково. Записано в д. Петраково, Муромский р., 2003. Соб.: И.Е. Посоха.

ЛЕМ – Ладыгина Елена Максимовна, 1924 г.р., уроженка с. Лазарево. Записано в с. Лазарево, Муромский р., 2004. Соб.: В.Е. Добровольская, С.В. Просина.

ССП – Смирнова Софья Павловна, 1921 г.р., уроженка д. Грибково. Записано в д. Грибково, Муромский р., 2004. Соб.: Н.Е. Котельникова, С.В. Просина.

ЩИП – Щелова Исфирь Павловна, 1931 г.р., уроженка с. Панфилово. Записано в с. Панфилово, Муромский р., 2004. Соб: Н.Е. Котельникова.

ПАП – Петунина Анна Прокофьевна, 1921 г.р., уроженка д. Столбище. Записано в д. Михалёво, Муромский р., 2003. Соб: Н.Е. Котельникова.

СНИ – Салтыкова Нина Ивановна, 1937 г.р., уроженка д. Саванчаково. Записано в с. Борисоглеб, Муромский р., 2004. Соб.: А.С. Белова, А.А. Барсуков.

ГАП – Григорова Антонина Петровна, 1931 г.р., уроженка д. Ивань. Записано в д. Степаньково, Муромский р., 2003. Соб: Н.Е. Котельникова.

Д.В. Громов
г. Люберцы Московской области

МАЛЬЧИШЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОРОДА МЕЛЕНКИ: КОНЕЦ 1940-х – НАЧАЛО 1950-х ГОДОВ

В июне 2010 года мы работали в составе экспедиции Государственного республиканского центра русского фольклора в городе Меленки Владимирской области. Лично мы ставили своей целью собрать материал о повседневности молодежных уличных группировок города, однако помимо этого было собрано некоторое количество смежного материала, в частности, касающегося мальчишеской повседневности, не относящейся к группировкам напрямую. В данной статье мы изложим информацию о досуге детей и подростков (преимущественно мальчишек) в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Мы не ставили перед собой цель создать полную и исчерпывающую картину повседневности данного периода – представленный текст является скорее краеведческими заметками, чем законченной научной статьей.

Помещая статью в краеведческом альманахе «Мещёра-край», мы хотим обратить внимание краеведов на данный пласт информации. Повседневность относительно недавнего времени, на наш взгляд, недостаточно часто становится объектом исследования, хотя она интересна и информация о ней собирается достаточно легко.

Благодарим за помощь наших информантов – Василия Васильевича Романова, 1937 г.р. [далее – ВВР], Юрия Сергеевича Сочнева, 1940 г.р. [далее – ЮСС], Анну Дмитриевну Некрасову, 1930 г.р. [далее – АДН], Анну Сергеевну N, 1940 г.р. [далее – АС] и др.

Полные записи и расшифровки интервью хранятся в архиве ГРЦРФ.

«Помоги господи, где-нибудь поесть...»

Рассматриваемое время – годы войны и послевоенной разрухи. Меленки не находились в зоне военных действий, однако общие трудности тогдашней жизни, конечно, отразились и на жизни меленковцев.

«Дома ничего не было по три, по четыре дня. Мать получит получку, а в послевоенные годы карточная система была (она закончилась, по-моему, в 48-м году). Выдавалось нам по 600 грамм на взрослого, 400 грамм на ребенка в день. Ни круп, ничего – один хлеб. А мы принесем эти полторы буханки, а то и меньше порой. Хлеб не знай какой вообще, непонятный. Вот всё, еды нету. <...>

Квартиры никогда не запирались, не было этого. Но там нести было вообще нечего. Спали мы – я не знал, что такое постельное белье. У нас был матрас. Летом он набивался папоротником (ходили в лес). Брезентовый матрас – мать работала на льнокомбинате – брезент упрет где-то, припрячет. Там тоже было очень сложно, просто так его не выдавали. Вот принесет там кусок какой-то. На проходной проверяют. Из этих кусков шила матрас и наволочку. Набьет – и мы втроем спали на полу на этом матрасе. Матраса нам хватало года на три. Он никогда не стирался. Представляешь, никакой гигиены! Отсюда вши, блохи, клопы. Клопы водились в деревянных койках. Это потом пошли железные койки – стали жить богаче. В послевоенные времена страна была разрушенной, всё шло на строительство. А мы выживали сами по себе. Вот ребятня – мы были предоставлены сами себе. Со стороны матери за мной не было никакого контроля» [ВВР].

Один из наших информантов даже признался в том, что занимался нищенством; описанные им события происходили в годы войны, его отец пропал без вести на фронте:

«Ходил по деревням, побирался. По базару ходили, побирались: «Господи, Иисусе Христе, сыну божие, подайте святую милостыню Христа ради». Подойдешь вот, в окно постучишь. С сестренкой ходил. С мальчишками ватагой пойдём – но когда ватагой идешь, знаешь, что ты ничего не выпросишь. Потому что сначала один, потом второй – люди не открывали даже окна, столько надо подавать. А вот когда вдвоем мы с сестренкой придем, скажем, в Крутцы... До Крутцов ходили пешими, из Крутцов пешим – транспорта не было, а просто идем побираться – туда и обратно сходить, чтобы кусок хлеба только выпросить, иль

картошинку. У меня отец крутецкий, там была тётка, у них у всех тоже было шесть человек детей. Мы туда часто ходили, в Крутцы».

Даже в воспоминаниях о мальчишеских забавах постоянно проскальзывает тема питания. Например, в следующем отрывке детская вера в бога носит во многом прагматический характер – от бога ждут, что он пошлет «поесть»:

«Пасха – мы радовались. Приходила пасха – собирались около дома. Всей ватагой – это гурьба человек сорок-пятьдесят. <...>. Мы идем всей ватагой, идем в церковь. Ну, в церковь, конечно, нас, голодран, не пускали, около церкви весь ритуал мы проходили. А почему нам туда хотелось идти? Там мы посмотрим молебен, в бога почти что все веровали. А не веровать в бога нельзя. Вот, ты, допустим, помолился: «Господи! Помоги, господи, хоть бы сегодня где-нибудь найти поесть!» Помолишься – вроде ага, что-то выпадет. <...> Оттуда мы идем на кладбище. Люди помолвившиеся дань Иисусу Христу отдали, идут на кладбище, кладут на могилку яички или что-то еще. Вот в этот день мы жили богато! Потому что мы с могилки собирали яички, за Пасху я до двенадцати штук собирал. Мы ждем, пока человек с могилки уходит, мы на эту могилку. Мы на группы разбивались по трое-четверо, например, своим подъездом. У мальчишек была своя компания, у девчонок – своя. И нас вот это вот всё сдружало.

Нашими конкурентами были инвалиды. И инвалиды войны, и просто инвалиды. В послевоенные годы было много инвалидов по болезни. Их сейчас не видать, их прячут, а тогда их было много. Эти инвалиды создавали конкуренцию. Они идут на Пасху на кладбище, каждая женщина (в то время женщины где-то за сорок уже верили богу профессионально) обязательно шла на кладбище, несла что-то. И вот они в два ряда сядут: представляешь, от ворот кладбищенских до начала стадиона, в два ряда сидят беруны. До кладбища порой не донесут яички. И нам приходилось выходить и просить просто: «Тё-ёть. Христос воскрес!» Она: «Воистину воскрес». – «Подайте яичко». – «Да я вот несу на кладбище. Ладно, там я положу, а одно это вот вам».

<Соб.: А сколько вам лет тогда было?>

Началось это где-то с пяти-шести лет – тогда мы начали собирать (вот, я начал), можно сказать, профессионально. И где-то лет до четырнадцати. Там уже стали взрослеть, стесняться. <...> Был такой у нас, вспоминаю, учитель Кузанков – мы зашли с сестренкой на Рождество Христово к нему: «Можно?» – «Заходите». – «Можно Христа прославить, а вас с праздничком поздравить?» – «Вы в какой школе учитесь?» Мы бежать от него! Выбежали мы, стыдно стало. Школа всё-таки.

Я все эти песни, прибаутки знаю. Скажем: «Прославить?» – «Прославьте». – Поем:

Рождество твое, Христе-боже, наш!
Воссияй мирá, свет мира-разума.
Небо звездою служащую,
И звездою поучахомся.
Тебé кланимся, солнцу-правде,
Тебé видимся с высоты востока.
Господи, слава тебе!
Слава отцу и сыну, и святому духу
Ныне, и присно, и вовеки веков, аминь!
[Далее без пения]: Мы пришли Христа прославить, а вас с
праздничком поздравить! [ВВР].

Нужда военных лет постепенно проходила, к концу 1940-х появилась свободная торговля; поначалу был дефицит простейших продуктов («кроме круп, ничего не было»), но даже при этом новые времена вспоминаются с воодушевлением:

«Вот в 48-м году [год начала свободной торговли – Д.Г.] я впервые наелся досыта хлебом. До 48 года я понятия не имел, чтобы досыта наесться. А теперь хлеб стал – в достаточном количестве. Ешь, а он теплый. Тёплые, прям, буханки привозили, большие, и они по весу продавались. Просишь два килограмма (у тебя больше денег нет), а он весит два-двести – поэтому горбушка отрезалась» [ВВР].

«Ностальгия чем хороша – был коллективизм...»

Самый пожилой из наших информантов, Федор Степанович Ануфриев, 1918 г.р. [далее – ФСА], на собственном опыте отметил коренное изменение уклада жизни, произошедшее в XX веке – в годы его детства и юности свободное время преимущественно проводили на улице, сейчас – дома:

«Одна у меня вот лавочка. А в городе вы лавочек не найдете. Только лет пять-шесть назад в парке поставили. Сейчас вечером сядешь – никого, ни одной души. Раньше дружно все – молодежь. Раньше дружно, пускай. Сейчас друг перед дружкой, знаешь, одеваются, зависть».

Информанты, чье детство приходилось на конец 1940-х – начало 1950-х годов, также отмечают большой коллективизм, выражающийся, во-первых, в постоянном совместном времяпровождении, во-вторых, во взаимопомощи¹.

«У нас, в доме по улице Ленина, мы разбили огород на участке где-то четыре сотки, а у нас было 12 семей. Хруновы, Фельчагины – внизу. У Фельчагиных шесть человек, у Хруновых пять человек. Гречины – четверо. Соловьевы – трое (потом Фая родилась – четверо). Тарасовы – двое (интеллигентные жили, более культурные). Некоторые квартиры были подселенные; с Соловьевыми были подселенные Головановы. Другой подъезд (два подъезда) – мы и Капустины. У нас трое, у Капустиных пятеро. К нам была подселена бабушка Зоя Шаманина. Русины жили – там тоже трое было. Вверху Панкратовы – семь человек. Он, участник войны, ушел, одна мать осталась; воспитывала во время войны семерых, даже удивлению даешься. <...> Вся эта армия голодных, без какого-либо подсобного хозяйства, вот на таком пайке – выживала. Ну как не родиться коллективизму, когда все одинаковы. Жили одинаково. Прихожу к Фельчагиным –

¹ В данной статье мы сознательно не пишем о бытовании в Меленках тех лет уличных группировок; этому будет посвящена отдельная статья.

Сережка лежит в печке, в русской печке. «Сереж, ты там чего?» Сережка немного подзаикался: «Волёлька тёлко вылез, наглелся. Тепель съ я». <Соб.: То есть они там греются>. В этой печке прям на золе! Выживали вот именно в таком варианте. <...>

Вот сейчас мы говорим: «ностальгия по прошлому». А ностальгия чем хороша – был коллективизм. Вот мы идем, пацаны, есть нечего. Нас четверо идут, голодные, совершенно голодные. Вообще ничего не ели по два, по три дня. Вот идем за каким-то мужчиной там, женщиной. Он ест яблоко и бросает оглодок. Так, оглодок поднимаем – кто быстрее поднимет. Схватим: «Чур на троих». Кто-то если проспал «чур на четверых» – мы на троих. «Ты не сказал это [смеется], от этого оглодка тебе ничего не достанется». Но если кто-то не успел – вот, маленький чтобы комочек, но в желудке чтобы было. Было чувство товарищества – хоть как бы там ни было, мы никогда не жадничали. Вот, маленький кусочек у тебя есть – чтобы там ни было, картошинку или еще что – мы разделим на десять частей. Есть десять человек – мы разделим на десять частей» [ВВР].

На вопрос о том, было ли социальное неравенство между детьми, информанты отвечают по-разному. Одни считают, что никакого имущественного расслоения не было, все были равны, и эта точка зрения преобладает. Другие – всё-таки указывают конкретные семьи, в которых достаток был немного выше.

«Не сказать, что среди рабочих, инженерно-технического персонала были какие-то различия. Все жили как-то прозрачно, одинаково. Но отличие было только в том, был ли в семье взрослый мужчина. Если отец вернулся с фронта – всё, в доме есть мужик, он задавал тон. Больше получал, семья была более обеспеченной. Велосипед где-то появился... Где-то в 55-м году уже стали появляться велосипеды, уже цивилизованность началась... И у нас была зависть к тем, кто имел велосипед. А мы все ходили пешочком, поэтому зависть была такая. И эти ценности как бы уже вызывали желание грабануть. [Заливисто смеется]» [ВВР].

«Обычно били тех, у кого родители богатые. Бедные их били. Бедные – они крепыши, а те росли как барчата; они всегда – дашь в нос, кровь идет из носа. Ну, родители друг к другу приходили и жаловались: вот твой-то моего избил, и так далее. В нашей семье было как – у них отец начальник МТС был, мать домохозяйка была, их трое было, но у них и коньки были, и санки, и ботинки – всё у них было. А у других ничего не было. И лыжи были хорошие. Поэтому мы туда приходили и дрались. Они были изгоями, не входили в уличные компании. Мы их не брали никуда. Они росли как маменькины детки, и в основном к своему дому привязывались. Имущественная дифференциация в то время уже была» [ЮСС].

Но и «тогдашнее» имущественное неравенство воспринимается как незначительный пустяк по сравнению с нынешним социальным расслоением по уровням доходов:

«Сейчас все завистливые очень стали. Вот в то время – разницы не было. Между нами не было разницы. Были у нас семьи с достаточным уровнем существования, а всё равно – все вместе. А сейчас делятся немножко на богатеньких, немножко на бедненьких. У кого-то мобильник за 20 тысяч, а у кого-то его вообще нет. Конечно, ребенок смотрит. Отсюда идут беды.

А тогда – жили бедно, одежды не было. Но зато была такая крепкая дружба между людьми! Наверно, эта дружба и нашу страну спасла».

«...Все приспособивались на работу...»

Общая бедность вела к тому, что трудились не только взрослые, но и дети:

«Обуви у нас не было. Почему у меня вон и лапка – я и сапожничать могу. Могу даже научить, как шить шилом. У меня и дратва есть – подшивать. Валенки изнашивали только так. Тогда

валяли частным путем; если государственные валенки – их хватало на более долгое время. Но, тем не менее, мы же дети, мы изнашиваем. Вот в школу идти – а валенки расхулились. Я делал как: обычная дощечка – к этой дощечке я прибивал деревянные колодочки, под колодочку веревочку из брезента, [показывает] здесь заматываю – и здесь завязываю. И на этих колодках без носок, безо всего, ходил в школу. В школе выставляем эти колодки. Директор школы Давид Ефимович, еврей, он даже не обращал внимания на это вот. В раздевалке оставляли колодки – и босиком ходили, хотя пол был бетонированный. Ходили вот таким образом, учились.

До четвертого класса я так ходил. Учителем у нас была Марья Васильевна, у них семья наследственных педагогов, очень знаменитая фамилия у нас. Она много дала для воспитания в жизни. Я ходил – приду, сижу вот, а у меня в голове – где найти поесть. И пошел голодный» [ВВР].

«Ходили и за ягодами, и за грибами, и за орехами, когда они появлялись. Всё это родители заставля́ли делать. «Идите, приносите орехов», – приносили по целому мешку. Весной как походили в лес – первые яйца на костре жарили. Первые яйца снесут – каждый уже знает где дупло в лесу.

С утра – в лес, за дровами; кто поменьше, носили шишки. Сучки на тележках возили. Или жерди на плечах таскали. Вот приносили – и целый день идите, купайтесь. Ловили рыбу, раков ловили – речка была. Целую груду раков наловим. Один, значит, печет раки. Ели только хвостики и спинки. Лапки, всё – выбрасывали» [ЮСС].

«Питались летом ягодами, грибами, рыбой, раками. И по возможности (тут уж мы были взрослее) ходили на поля – хорошо, если ранний картофель созрел. По-пластунски подбираемся. Не рвали картошку, чтоб вот так вот, по-варварски. [Понижает голос] Подкопаемся под картошинку – о, картошинка есть! Две-три картошинки с одной плети – плеть стоит. Две-три картошинки с другой. У нас такого не было, чтобы сорвать варварски. Например, если огурчики – пересчитаешь, сколько огурцов на грядке соседа – два твоих, десять оставляю. Чтобы было незаметно. Воровство у нас было как бы делёжное. У них есть огород – они

могут покушать в любое время. А мы можем покушать, только когда нелегально попадем к ним на грядку. Если лазили – то гурьбой (вот эта вот коллективность, опять-таки).

Разжигали костер. Если матери дома у меня не было, я уже домой не являлся ночевать – делали землянки или в стогах ночевали. Наедемся – утром-то мать: «Ты где был то?» – «Да, ладно. Мама, я вот тебе принес поесть. Картошки-то». – «Ах! Вы! Мерзавцы!». Она поругает, а самой есть-то хочется. И как бы вот это было «одобрям-с» с ее стороны. И знаешь, что это чужое. «Ну, не надо! – она говорит. – Вася, ну ты же веруешь в бога у меня. Ну, прекращай, ну что ты, ага». – «Ну, мы ж вот так и так. Мы же не... Людям-то оставляем» [ВВР].

«А потом я с малых лет, мать одна – все приспособивались на работу. На льнокомбинат, постольку поскольку он как у нас был основной, он же и в войну работал. Мать работала по 18 часов, приходила домой только отдохнуть. На шесть часов придет ночью, а с утра уходит – и до глубокой ночи. Приходит только вот отдохнуть. Ну, добывайте пищу сами. Зарплаты были очень маленькие, практически работали только для того, чтобы комбинат работал» [ВВР].

«Я когда уже стал взрослее – ездил в лес за дровами на тачке. Мы практически как выживали. Купить дров было невозможно, денег не было, мать одна работала, а у меня еще две сестренки и бабушка. Летом я заготавливал себе, а зимой возил продавал дрова по улице. У меня были заказы. Например, пожилая женщина говорит: «Вась, привези дров. Ты почем продаешь-то?» – «Пятнадцать рублей санки». – «Ну, ты там получше дров-то привези». Вот уж я стал зарабатывать деньги за счет леса. Леса тогда было полно. Мы собирались компанией и иногда даже по два раза в день ездили в лес. Надо было помогать маме, помощи мне ждать было неоткуда. Я так научился топором работать!

Но лесники были бюрократы, непонимающие. Тогда тоже ведь перегибались палки. Ребенок хочешь жить честно, зарабатывать, а они не понимали этого. Разрешалось рубить только сухие деревья, если сосенки – до 12 сантиметров в диаметре. Если ты срубил больше, наказывали; хотя она и будет лежать –

но наказывали. Лесников было очень много. Куда ни поедешь – везде сторожки. Они не работали вот как у нас в лесничестве, просто жили на своих участках в лесу. Были сорокаметровые смотровые вышки: муромская – около сорока, учажная – 35-38, ляховская... Везде, по всем дорогам, стояли эти вышки противопожарные. Лес берегли как зеницу ока» [ВВР].

Реалия конца 1940-х годов – очереди за хлебом, в которых дети стояли вместе со взрослыми:

«Всю ночь сидели, ждали очереди. В то время, после 47 года, карточки были отменены. И хлеб продавался не по карточкам, очередь занимали с вечера. И всю ночь сидели, чтобы очередь не пропустить за хлебом. Я вот, например, сидел... Отец с матерью скажут: сидеть всю ночь. И мы сидели всю ночь около Конюхова магазина, чтобы очередь не перевернули. А то придет такой: «Очередь меняется, давайте по новой записываться». Писали на руках. Первый, второй, третий там, четвертый, пятый. Иногда в очереди даже ветераны сидели, старики. Утром, как только начинают открывать магазин, в 9 часов утра, очередь начинает устанавливаться по рукам. Хлеб был здоровыми буханками, продавец резал большим ножом на вес. В нашей семье пять человек – нам давали два килограмма, две буханки; но если надо было – буханку резали, вплоть до маленьких кусочков. Маленькие кусочки мы все съедали. Потому что пока идешь – всё съешь. И нитками делили хлеб. А хлеб хороший был, только что пришел из пекарни. Отец на всех пекарнях работал – он всегда приносил баранки для детей. Баранки – это отличные были, крупные, мягкие – мы это дело очень любили тогда» [ЮСС].

«...Три человека милиции-то...»

Иногда действия детей и подростков имели криминальный характер. Так, много воспоминаний касается набегов на сады и огороды. Говорят об этом, с одной стороны, как о хулиганстве, с другой, как о необходимости, обусловленной тяжелой жизнью.

«Было много воровства, детского воровства. Хулиганчиков было столько. Откуда рождалось это воровство? Воровство рождалось только от того, что не было покушать. И вот мы воровали – залезем в огород... для чего... поесть хочется. У нас вот в доме – у нас не было огородов» [ВВР].

«Очень много было воровства. Хлеба не хватало, нечего было есть. Первое – лазили по огородам. В огород лазили не то, что из интереса – из хулиганских побуждений. Вот после танцев собирается улица – у кого много яблок – вроде все сторожили. Все равно со всех сторон – раз. А тут собаки были, всё прочее – всё равно. Пацаны залезут – но боятся. Боялись все. Особенно боялись, кто из ружья стрелял. Однажды мы полезли в огород. Девчонки полезли тоже! Человек пятнадцать. И лестницу поставили на забор, а меня пустили первого. А мне было лет семь. Говорят: ты посмотри там. И ка-ак зять Куликовой выстрелит вверх – я оглох и упал в крапиву! [Смеется]. А те все разбежались. Я лежал там, в этой крапиве около часа, пока уши-то не отпустило. Страшно было подняться. Крапива кругом. Поднимался и опять ложился. А лестница стояла» [ЮСС].

Во время интервью мы не раз слышали, что небольшие конфликты (как, например, мелкое воровство) разрешались без обращения к милиции, путем переговоров. Если виновниками конфликтов были дети, эти конфликты разрешались родителями:

«В то время милиция была гораздо гуманнее, чем сейчас. Вот смотри, голубятники залезли друг к другу в голубятню. За это никогда не судили. Посидит он там [в милиции] часа два-три, кто залез в голубятню, его милиция отпускает. Никаких следствий, никаких протоколов не заводили – считалось это в порядке вещей. В огород залез – тоже никогда не судили, никаких комиссий по делам несовершеннолетних. Соседи договаривались: с родителей возьмем... Милиции тогда было у нас – три человека милиции-то. Они занимались другими сложными делами. <Соб.: А родители как договаривались, какие-то примеры>. Например, залез в огород. Пришли, поговорили. Родители

наказывают, если голубей украл или в огород залез. Другие методы не применялись» [ЮСС].

«Как правило, и в те времена старались милицию обходить. Потому что как-то вот люди более были мирные. Если уж друг другу морду начистят, то такого, чтоб за милиционером бежать, как-то не было. Примирение происходило намного легче. А потом сами органы – чего взять с нищего, с этой голи. Чего? Сажать его – тюрьмы забиты будут. Если за такую мелочовку сажать – тюрьмы будут забиты. Оне и так были забиты – тогда за всякие мелочовки сажали. После Сталина, в сталинские времена – тюрьмы-то были забиты. Поэтому все эти мелочные дела человечней решались, без судебных разбирательств. Но иногда и были такие, что из-за мелочи судились. Из-за ничего. Но это были какие. Я скажу.

Я получил штраф. В каждом районе люди полоскали белье на плотиках. Плотик делал (хорошо, если делал) горсовет – это государственное. А некоторые плотики делали сами, как частные лица. И это частное лицо не позволяло, допустим, стирать на его плотике. И вот один плотик снесло половодьем. Нам тогда было по двенадцать лет, мы видим, лежит на берегу, брёвна и доски хорошие. Распилили и принесли домой пару шестиметровых бревен. Хозяин плотика узнал, что это сделали мы и написал заявление в милицию. Пришлось выплатить штраф по 4-5 рублей. Мать взяла ремень, стала пороть по заднице. Я убежал, три дня дома не ночевал. Поэтому государственное чего-то взять было очень чревато» [ВВР].

По оценке информанта, гарантом правопорядка было послушание родителей:

«В то время родителей боялись, боялись старших. Очень боялись старших. Родители нас всегда учили со всеми здороваться. Вот идешь ты, незнакомый человек идет – всегда должен с ним поздороваться. Всегда. На той стороне идешь – на этой если видишь, идет пожилой человек – сними фуражку, тоже поздоровайся, понимаете? Меня отец научил – я сейчас со всеми

здоровуюсь, кого знаю, не знаю – со всеми. Привычка уже стала» [ЮСС].

Судя по следующему высказыванию, традиции «неформального» решения конфликтов, построенные на авторитете, а не официальной власти, позволяли родителям доверять мальчишеским лидерам:

«Капитан должен быть и умненьким, и организатором хорошим; но иногда, если кто что плохо понимает, его и уложить не грех. Вот такой был руководитель! Никому не жаловались. Допустим, получил в нос хоть до крови – матерям не жаловались. Вот меня избили или чего-то – ты пожаловался, матери пришел жаловаться – она тебе добавит: «Не лезь. Тебя кто побил?» – «Вот капитан мой». – «Не лезь. Значит, за дело. Просто так тебя никто не ударит». Всё, и разборка заканчивалась. Нет того, чтобы как у нас сейчас – «милицию давайте», нет, разборка закончилась. Воспитательное значение – было. Мной уже руководили более старшие товарищи» [ВВР].

«...Вроде центра развлекательной работы...»

Совместный досуг детей и подростков заполнялся, помимо прочего, коллективными играми:

«Мы, ватага, кончив школу, собирались – улицы Ленинская, Союз республик и Розы Люксембург, все были тут... Большая масса ребятни, мальчишки и девчонки, собирались на углу возле нашего дома. И здесь у нас было вроде центра развлекательной работы. Не то что работы, а игр. Хоть было голодно, но мы постоянно играли в такие игры самобытные: русскую лапту, чижик, городки... У нас были чехарда, прятки, «борьба за знамя», «разведчики и разбойники». В общем, мы были увлеченные. Нам не надо было ни ящика этого [телевизора – Д.Г.], ничего, мы всё время были на улице» [ВВР].

«Интересно было жить в то время. Сейчас ничего этого нету, телевизор всё вытеснил. А раньше были уличные игры» [ЮСС].

Перечислим некоторые из таких игр.

«Разведчики и разбойники». Игра больше известна как «казаки – разбойники». «Игра была очень интересная, мы до поумрачения играли в нее» [ВВР]. В игре участвовало две группы – например, мальчишки с двух соседних улиц. Одна из групп («разбойники») пряталась, но оставляла для поиска «почтовые ящики» – на земле чертили стрелки и писали информацию о том, где находится группа. Заранее договаривались о количестве «ящиков» на пути (обычно три-четыре). Если «разведчики» находили «разбойников», то на следующий кон группы менялись ролями.

ВВР, имевший большой стаж педагогической работы, добавил, что в пионерских лагерях на основе данной игры он проводил игру «Пропавшее звено»: утром пионеров строили и сообщали, что пропало одно звено, нужно его найти на территории лагеря, не углубляясь более чем на полтора километра в лес.

«Борьба за красное знамя». Игра представляла собой штурм специально построенной снежной крепости. На крепости водружалось красное знамя, которое должны были захватить нападающие. Обе стороны были вооружены палками («шпагами») и фехтовали на них, причем первый же укол «убивал» игрока и он обязан был уйти. «Сражались так: первый подступ, второй подступ – снегом отбивались. Но дрались капитально, брали высоту эту» [ЮСС].

Наши информанты подчеркнули, что данная игра организовывалась самостоятельно, без участия школы: «Школа в то время занималась только учебой, больше ничем – улицей руководили пацаны, уличные вожак, которые имели способность организовать» [ЮСС]. В связи с этим у нас возникло предположение, не является ли «Борьба за красное знамя» видоизмененной формой традиционного масленичного взятия снежного городка. Доказательств этого мы не нашли. Календарной привязки игры к концу зимы нет – ее устраивали в любое время зимы, лишь бы было достаточно снега. В отличие

от традиционного «взятия снежного городка», которое всегда и обязательно заканчивалось победой нападающих (для этого защитники подбирались заведомо слабее (женщины, дети) и поддавались нападавшим), «борьба за красное знамя» предполагала честную соревновательность – партии защитников и нападающих были примерно равными, нападающие могли и проиграть, как в следующем сообщении:

«С одной улицы пришло человек 20 со шпагами. А главный был Вовка Степанов. Сам такой здоровенный, его никто не побеждал. И мне пришлось прыгнуть с этой баррикады – его уколоть. Вся улица практически перестала после этого драться. Мне за это была благодарность» [смеется] [ЮСС].

Изготовление игрового жилья, типичное для детей всех времен и народов, присутствовало и в Меленках. Летом сооружались шалаши, а зимой – блиндажи:

«Многоходовые были блиндажи. Особенно в марте, когда начинает снег слипаться – и делали около каждого дома. Норы там всевозможные, выходы. Лепили баб всегда, поливали их» [ЮСС]. «Свечки зажжем там, байки рассказывали всякие. Есть, чай принесем» [АС].

Игры с монетами в те времена были популярны среди детей по всей стране. В Меленках играли в медянку, кассу, стенку (пристенок). Все эти игры предполагали кидание монеты в цель, выигрыш зависел от меткости броска. Варианты игры различались условиями; так, при игре в пристенок брошенная монета должна была отскокить от стены.

У девочек популярны были **скакалки** (прыгалки), упражнения с которыми иногда принимали форму соревнования. «Девчонки играли всё время в скакалки. <...> Они тогда накручивают, накручивают, накручивают – кто дольше. Кто 50, кто 100 раз, кто 150. Кто крестиком, кто как» [ЮСС].

Игры объединяли детей и подростков со всех Меленок, однако на разных улицах и в разных компаниях обычаи могли различаться.

Так, на наш вопрос, различался ли интерес к играм у мальчиков и девочек, ЮСС ответил: «Девчонки скакалкой занимались, а парни в медянку играли – и всё в одном коллективе». Присутствовавшие здесь же его сотрудницы начали спорить – играли ли девочки в игры с монетами или нет; причем в ходе спора одна из них заметила: «У нас вожаком была моя сестра, так что у нас не было и никаких различий». В итоге сошлись на том, что «на каждой улице всё по-разному».

Среди местных забав была и такая, не имеющая названия; подобные приметы и игры мы встречали и в других регионах:

«Были и такие традиции: специально сидели на Чкаловской улице, ждали табун коров, возвращающихся с выпаса. Смотрели, какая корова идет первой – если красная, значит, будет хороший день. Коров полно идет, даже боками трутся по забору. В то время, после войны, их было много, все держали коров. И вот считали – кто первый ляжет под идущий табун. И как только коровы идут – ты выбегаешь, ложишься на луг среди улицы, голову вот так закрываешь [показывает], и всё стадо проходит над тобой. Не было случая, чтоб корова наступила на человека. Но это рискованно было. Такая игра была. Они идут, молоком на тебя капают из вымени-то, пахнет паром, не паром, потом-то коровьим. И вот, нужно было пробежать. Прошли все – на следующий день другой. И не боялись. И так воспитывались» [ЮСС].

«Полонова гора стала ниже...»

Зимой общим для всех детей местом времяпровождения была Полонова гора. Таково неофициальное название улицы (ныне – часть ул. 1 мая), идущей от вершины холма, на котором расположена центральная часть города, к Кузнечному мосту на Унже.

«Зимой-то раньше все, стар и мал, на горах. Кто на салазках, кто здесь на чем – вон санки» [ФА].

«Вот улица у нас Первомайская – склон сюда идёт, к речке. Раньше ни одной машины в городе не было. Ни одной машины.

И после войны ни одной. До 56-го года ни одной машины не было. Только две машины ДОСААФ пришло – ЗИС-5. и катались с утра до вечера на этой горе. Собирался весь город» [ЮСС].

«И с самого начала мы катились до Кузнецова моста. Машин не было, не боялись. Были только лошади, вот под лошадь – попадали. Но опять – никто не делился, садились на эти самокатки вместе – девчонки, парни. Было вот одно пальто – мы ходили и в школу, и гулять. Мы накатаемся – оно будет всё сырое, в снегу. Приходишь – высушишь, а наутро идешь в школу» [АС].

Санки были самодельными.

«Тогда же не было, как сейчас – пошел в магазин, купил санки иль чего-то. Их не было, и магазинов-то таких не было. Санки делали самодельными» [ВВР].

Рассказчики даже указывают виды самодельных санок: финки, драндулетки, самолётки, самокатки.

Финка изготавливалась из специальным образом выгнутой трубы, на ней размещалось от одного до пяти-семи человек. Это был наиболее распространенный тип санок, «даже девочки на них катались».

Основной «ходовой частью» драндулетки были три конька-«снегурочки», на которых закреплялась площадка. Управление передним коньком производилось с помощью специального руля, сидящий впереди мог увеличивать ногами давление на передний конёк. Два других конька располагались сзади. Драндулетка вмещала от трех до десяти человек.

Самолётка представляла собой большие санки с крыльями. К основной части приделывалась поперечная доска, на концах которой делались дополнительные полозья. Человек пять друг за другом сидели на основной части, и еще двое – на крыльях, уравнивая самолётку в целом. «Мы сами ведь это всё изобретали» [ВВР].

С горой могли быть связаны и следующие эксцессы:

«У женщины отец сам делал санки из трубки. Согнул сточки – он сварщиком был – и они всё ездили белье полоскать.

Тогда полоскали бельё всё на речке, приспособлений дома никаких не было. Всё на речке. И вот я заметил, где живет эта женщина. Таки саночки! Покататься бы на них! И мы со своей шатией – кто на шухаре, кто... – распределились, проследили. Они уже легли спать. Свет погасили. Я прыгаю через забор, а санки тут, красавцы, стоят. Вот я эти санки перебрасываю – ну, ребяшня, кататься. А на них мы клали доску длинную – и человек шесть нас садилось. И с Полоновой горы. Всех обгоняли! Это краденые. Дня три покатались. А женщина постоянно ходила. То на санках – а тут приходилось с корзинкой, с тазиком, ходить так. Мы поднимаемся в гору – она подходит – цоп за руку! «Ты где эти санки взял?» – «А-ах! Да возьмите, возьмите, возьмите, возьмите! Они стояли около дома тут вот! Они стояли около дома». – «Так это мои санки-то». – «Ну, берите, берите!» – В общем, с санками расстаемся» [ВВР].

Забавой могло стать «нелегальное» катание на редких тогда транспортных средствах:

«Ты на коньках можешь зацепиться, проехать – крючки были. За машину цеплялись. Машина едет, ватага стоит, человек пятнадцать. Только она проезжает – мы крючок и, допустим, от Полоновой горы до Конюхова магазина доедем. Вертаемся – там шофер увидел, нас прогнал, мы все рванули. Кто-то захотел прокатиться дальше – едет до того места, куда едет машина. Оттуда ты уже ковыляешь. (Соб.: Опасное приключение). В принципе, он может только тормознуть. Тогда машина-то – самое большее она развивала скорость 30 километров. А то она едет 20-25 километров. И то для того времени казалось, что это скорость, не то что сейчас» [ВВР].

«И вот был такой случай. Когда самолет прилетал (он ночью тогда прилетал и в 4 дня прилетал), мы собирались на аэродроме, цеплялись за крылья – кто сколько продержится, на крыле. Такая это сила, тяга – все слетали. Кто сильнее продержится – может быть, метра на три-четыре подлетит – и падал сразу. Ничего не боялись. (Соб.: А как же охрана?) Какая охрана?! Никакой» [ЮСС].

Воспоминания о полетах с заснеженной Полоновой горы настолько сильны, что одна из наших информанток, ссылаясь на общее мнение, сказала, что сейчас гора «стала ниже» [жен., 1941 г.р.].

Совместное катание на Полоновой горе было действием, объединяющим детей и подростков из разных районов города: «Конфликтов как таковых не было, потому что гора зимой объединяла всех» [жен., 1941 г.р.].

Были и другие зимние забавы:

«Зимой в первую очередь ходили в овраг. У каждого были лыжи. Это огромные крутые склоны, и всей улицей катались на этих склонах. Трамплины были. Спуск – метров 50, чуть не откосный. Все катались, никто не боялся. И лыжи ломали, и всё ломали, и морду били, и руки вывертывали, и ноги вывертывали, но никто не боялся. А сейчас никто не катается.

Лыжи – самоделки были. На кадушках катались. Кадушку вот разбиваешь широкую летом, она рассыхается. Раз, разбиваешь – они с обеих сторон загнутые, а ремнем огибаешь ее, прибиваешь, и хреначь на этой кадушке не знаю как» [ЮСС].

«Главная цель была – показывать спортивные результаты...»

В Советском Союзе был популярен спорт; не была в этом смысле исключением и молодежь Меленок.

«У меня самая главная цель была – показывать результаты спортивные. <Соб.: Пили ли тогда в Вашей компании вино?> Нам это было вовсе и не надо. <Соб.: Занималась ли шайка спортом?> Да, уличными играми. Команда на команду, улица на улицу. Нас никто не организовывал, мы сами: я пошел, организатор, повстречался с Царьковым, у них около моста (их было двое – Колька и Ванька; один судимый, другой футболист). Я: «Коль, сегодня встречаемся». – «А где?» – «Около кладбища, на площадке». – «Нет, это к вам близко. Я играю совсем в другом

месте». – «Говори ты, где встречаться будем, на нейтральном поле». Никаких судей не было...

Я был капитаном, у меня и кликуха была Капитан. Без меня команда проигрывала. И без Линдуса команда проигрывала. То есть мы были какими-то маячками, которые вдохновляли наши команды» [ВВР].

На вопрос о том, как мальчишка мог перейти в более старшую возрастную группу, наш информант ответил, упоминая, опять же, спорт:

«Ты произвольно туда переходил. Ты умеешь держать слово – раз. Второе – ты за старших ничем не отличаешься. И по делам – если в драке участвуешь, если в футбол хорошо играешь, если сообразилка работает наставленическая. Ты взрослеешь и понимаешь: это плохо, это надо отбрасывать, то есть идешь по линии. И ты произвольно переходишь в другой возраст. В 17 лет меня взяли в первую команду льнокомбината. Никто [из сверстников туда] не проходил – а меня взяли. Я играл очень хорошо. Для того чтобы очень хорошо играть, надо тренироваться. Тренировался так. Утром встаю зимой – 30 кругов в валенках по стадиону. Зарядку делал. Весна наступает – я кроссы бегал: десять километра туда, десять обратно. То есть, я знал: чтобы хорошо играть, нужен бега, нужна выносливость, иначе я никуда не попаду. Меня просто взяли за выносливость» [ВВР].

«Я голубей всю жизнь держал...»

Одна из мальчишеских забав тех лет – голуби. Голубеводство было одним из факторов, сплачивающих уличные компании.

«Мы многие голубей держали. На этой почве были разногласия. Кто у кого голубку или голубя поймает – начинаются потасовки и так далее. Все голубей держали пацаны, после войны.

Это была первая причина [для конфликтов] – если, например, голубка с яйцом села, перелетела через улицу, через две,

в чужой микрорайон – пацаны подкрадывались с камнями и били по крыше, чтоб голубка улетела на место. И в это время выбегали парни с колами – прогоняли. В общем, на почве голубей часто были драки и тому подобное.

Потом, если голубка была неверная, хозяин ее выкупал и вот так вот рвал ей голову. Это знак справедливости – она изменила хозяину. Это не всегда так бывает, это была настоящая дурь, но это были тоже амбиции, друг перед другом они вот – ты такой-то, ты такой-то. Она мне не нужна, и всё прочее – бросал к ногам. Это первое было – стычки на почве голубей» [ЮСС].

Проводилось ночное соревнование между голубятниками:

«Собирались все голубятники – и запускали голубей около конторы торгова. Со всех микрорайонов голубей. Шли запускать не один, не два человека – а человек двадцать голубятников, сто. Пускали ночью. У кого голубь прилетит первый – тому давали хорошее – яйца, например. Тот, у кого голубь ночью прилетает, считался самым знаменитым человеком. Ведь ночью не каждый голубь прилетит – большинство сядут на крышу, и всё. Кстати, вот у меня один голубь ночью прилетел – я отпускал тоже. Но он был красный, и нос длинный. Если его отдашь – например, другому голубятнику, для спаривания с голубкой – его выпустят, он все равно ко мне прилетает. А так голубей выпускали с Малиновки. Это километра четыре. Малиновка стоит на бугре, и они от бугра ночью летят на Меленки. Если отпускаешь голубей с Бутылиц, там низина – оттуда в город редкий какой голубь вернется

<Соб.: А кто первый прилетит – на честность определялось?>

Были вертуны тогда. Никто не врал. В то время врать – никто не врал» [ЮСС].

Страстным голубятником был, в частности, некто Витька Коршунов, главарь местной банды «Черная кошка» (банды с таким названием в те времена появлялись во многих городах).

«Он мне еще голубя красношеего подарил – крылья оборвал ему, одно крыло выдрал – «чтобы он у тебя не улетел – вырастут крылья – он преданный голубь будет твой. Корми его зерном, всё прочее, коноплём, так далее». И у меня самый лучший голубь был. И крыло отросло, лучший голубь был. И всегда был преданный, хотя в доме напротив было десять голубей (голубки, голуби) – но он всегда прилетит обратно и внутрь зайдет» [ЮСС].

Запуск голубей мог сопровождаться даже огневой поддержкой. Дело в том, что, в отличие от крупных городов, в небольших Меленках у голубей были естественные враги:

«Гоняли голубей круглый год, даже зимой. Сейчас вот боятся зимой гонять

– сокол съест. А раньше – с ружьями. Пугали, и как голубь взлетает – и сокол – как начнут палить по соколу-то, по ястребу, чтобы он голубя не съел! И не боялись зимой и летом гонять. А сейчас боятся – до мая-месяца голубей не пускают, с сентября связана голубятня. А летом сокол голубей не ловит, потому что много других птиц прилетает. И птенцами питается, и молодняком. Поэтому летом не боялись. <Соб.: Сейчас сокола не пугают, потому что ружей нет?> Да. А в то время в каждом доме было ружье – берданки одноствольные» [ЮСС].

Увлечение голубями хоть и воспринималось как «несерьезная» забава, но для некоторых любителей она становилась увлечением на всю жизнь:

«Я голубей всю жизнь держал. Я вот даже когда мэром города работал – я голубей держал очень много, и когда в сельхозтехнике работал, голубей держал, у меня голубятня была. Мне Виктор Иванович говорит: Как тебе не стыдно, ты такой солидный человек, а голубей завел. Я говорю: «Вы – охота, рыбалка, а я голубями занимаюсь, это мое хобби» [ЮСС].

«Нас кормила речка наша, Унжа...»

Меленки находятся на небольшой реке Унже. В жизни детей и молодежи она была одним из центров притяжения.

Довоенные описания рисуют Унжу как место отдыха, одну из частей парка близ льнокомбината:

«А то – друг за дружкой в лес, на речку у нас. У нас на речке что было. <...>. Раньше танцевальная площадка была в парке. В субботу, воскресенье музыка играла. Молодежь – всей гурьбой туда. Была вышка пятиметровая около моста фабричного. Там раздевалочка была, шлюпки две было двухвесельные, три байдарки – молодежь в субботу или в праздники у нас каталась на лодочках. Это были лодки профсоюзной организации льнокомбината. Песняка, понимаешь, давали. Раньше у нас были гармошки, гитары. Идут – все поют. Весёлый народ! Дружили – свои ребята, девки. Качели сами делали, трудились. И все – купаться, все на речку сейчас. Девчата купались отдельно на берегу, а ребята – отдельно, недалеко друг от друга. А около фабричного моста у нас была купальня» [ФА].

В военных и послевоенных описаниях река стала еще и одним из мест поиска пропитания. Как сказал один из информантов, «нас кормила речка наша, Унжа» [ВВР].

В отличие от жилых территорий, на которых проживающие здесь мальчишки чувствовали себя как дома, река была одной из общедоступных зон. Поэтому походы на реку имели по-своему экстремальный характер. Они были совместным приключением, походом за пропитанием:

«Вот, идем все вместе купаться. По одному тебя могут тебя встретить, побить. Шайка – она ведь тоже соблюдала свои порядки. Потому что если ты идешь один – значит, в шайке произошло раздробление. Нет сплоченности. Мы идем, допустим, человек шесть – к нам уже не пристанут. Допустим, мы идем на рыбалку. Двое с корзиной (рыбу ловили корзиной), четверо, скажем, по осоке топают. Пескарей наловим, сделаем костер,

жарим тут же, на речке. Рыбы, раков было полно. Наловим раков. Ловили все вместе, складывали в один котел. Не было, что я вот поймал четыре рака, а кто-то другой одного. Кто что поймал – всё складываем, а потом бросаем в костер.

Исключение – если кто-то поймал уж большого рака. Клапанá назывались, клешни – здоровые! Если я поймал такого рака, я его не отдам, потому что я его пока вытаскивал, он меня как схватил за палец – я думал, палец и отрежет! А он заходит задом – и передóm сидит на страже в норе. Вот ты ныряешь, вытаскиваешь.

Короче говоря, всё то, что наловили – мы складывали. Так, первый улов съели – «Домой не пойдём?» – «Не пойдём». Опять ловить. Второй улов. Вот, и время проводилось на речке. Мы тут и плавали, и загорали, тут и питались» [ВВР].
Организовывались и такие приключения:

«Плавали мы, плавали. У нас речка здесь, Унжа. Мы плавали до конца города. Всеи улицей. Только мосты переходили. А это километра три. Все плывут... Маленькие, большие. Но большие плыли рядом с маленькими, чтоб они не утонули. Кто может плавать – брали. Кто не может плавать – уж не брали. Плыли вниз по течению. Оттуда шли пешком уже. Потому что сил уже не было.

Речка была глубокая, прыгали с больших берез, с моста. Кто самый сильный – тот показывал: ласточкой метел – мол, так и так. Кувыркались. Кто послабей, была пониже вышка. Кто сильнее – с перил прыгали» [ЮСС].

«Начинали пули свистеть без конца...»

Мальчишки Меленок не избежали типичного для уличных пацанов советских времен интереса к взрывному делу:

«Воинская часть здесь стояла. Мы ездили на паровозе, на деревянных подножках, на территорию воинской части. Спрыгивали на большой скорости по ходу поезда, боялись попасть под

колеса. Исследовали там снаряды; собирали тол в карманы, сумки. После войны было много патронов. Забивали патроны порохом этим. Плотно забивали отверстие в верхней части, в костер бросали и все прятались – метров 20 за бугор. Начинали пули свистеть без конца – туда! туда! туда! Весь костер разбрасает!

Один раз мы вот что сделали на улице Коминтерна около пруда. У одного был большой фугас. Разожгли костер (в центре тут!), начинили порохом, а там килограмм 10 было [смеется] – и поставили не где-то – около пруда! Милиция приехала – не могут подойти. Ждали часа два, пока не взорвется. Потом он вверх взлетел метров на десять и взорвался. В тот раз всех в милицию таскали – кто же был организатором? А разве от пацанов узнаешь? «Я не знаю», «Я не видел». Пацаны раньше друг друга не выдавали. Не выдавали ни за что! Убей его – не выдаст» [ЮСС].

«Как Тарзан, как Чита...»

Яркое воспоминание осталось от показа в Меленках фильма «Тарзан» («Tarzan, the Ape Man»), вышедшего в советский прокат в 1952 году:

«“Тарзан” фильм помнишь? Чтобы пробиться к кассам, лазили по головам. Чтобы достать билет – пацана поднимают, дают ему деньги – и он по головам лезет в кассу. И покупает билет сует деньги. И выходит обратно по головам – он достал билет. <Соб.: Его же за ноги могут сдернуть>. А как за ноги – у всех же руки вот так [прижаты]. «Тарзан» – четыре серии, было паломничество пацанов, собирались тысячи людей возле касс. Все «А-а!» – кричали как Тарзан, как Чита. И лазили по головам. И лазили в кинотеатр по крышам – один покупает билет, открывает запасной люк, двери – и в эти двери через забор, по крышам пробираются на балкон, чтобы посмотреть фильм. Или прятались за шторы. Вот кончается фильм – раз, за шторы прячутся. Второй фильм начинается. Так несколько раз смотрели» [ЮСС].

«Каманин... нам прислал самолет...»

Уроженцем Меленок был знаменитый летчик генерал-лейтенант Н.П. Каманин. В 1951–1955 годах он был заместителем председателя ДОСААФ СССР по авиации, и не терял связи с родным городом: «У нас был аэродром – Каманин Николай Петрович нам прислал самолет ЯК-2, он стоял в Конюховом магазине во дворе. Там был ДОСААФ <...> И был праздник, который мы очень любили – День военно-воздушного флота в начале августа. Все собирались на аэродроме; там были массовые гуляния, прилетали Яки, делали пилотажные фигуры – и потом улетали. [ЮСС].

«Налёт – испарение из могил»

ЮС рассказал об интересном обычае наблюдать за «налётом» в ночь на 22 июня, в день летнего солнцестояния:

«22 июня мы выходили с кочергами к кладбищам. Против налётов. И лежали на спине, и в двенадцать часов вылетит налёт – испарение из могил. И вот все вооружались кто чем, железками, и ждали, когда он вылетит» [ЮСС].

В Меленках и окрестностях представления о «налете» не распространены широко – других описаний подобного рода нам не известно. ЮСС дает данной практике вполне материалистическое объяснение: налеты являются испарением фосфора из могил; кочерги брали для обороны (впрочем, они никогда не пригодились); на спину ложились для того, чтобы удобнее было обороняться. Наблюдение за налетом, как правило, происходило из-за ограды кладбища, часто с территории стадиона, граничащего с кладбищем.

Укажем следующие фольклорно-этнографические источники поверия о «налете»².

² За участие в обсуждении данного вопроса благодарим А.В. Голубева, А.Б. Ипполитову, И.Г. Титоренко, Е.А. Савельеву.

1. Отголоски купальских поверий. Дата – 22 июня – указывает, что мы имеем дело с мифологическими представлениями о летнем солнцестоянии и купальских праздниках.

Распространенный мотив купальской мифологии – поиск в лесу волшебной травы. Этот поиск, так же как и рассматриваемый нами поход на кладбище, связан с множеством опасностей: «В купальскую ночь человек специально отправляется в лес, чтобы добыть папоротник; для этого он забирается в самую глубь леса; найдя растение, он караулит момент цветения; ближе к полночи вокруг растения собирается нечистая сила, которая пытается напугать человека и заставить его ретироваться; точно в полночь расцветает необыкновенный цветок; человек хватает цветок <...>; на обратном пути нечистая сила пытается отобрать цветок у человека»³.

Чаще всего волшебным растением купальской ночи является папоротник, однако существуют поверия и о других растениях. Так, Т.А. Агапкина пишет о росене, орешнике, полыни, а также о мифических растениях: страшной траве, плакун-траве, одолень-траве, изгой-траве, разрыв-траве, расковнике и др. В данном перечне нам наиболее интересна *перелёт-трава*, название которой созвучно *налёту*. Согласно словарю Брокгауза и Эфрона, она «по великорусскому поверью, сама собой переносится с места на место; цвет ее сияет радужными красками, и ночью в полете своем она кажется падучей звездочкой. Если кто добудет этот цветок, все желания его будут исполнены»⁴. В этимологическом словаре М. Фасмера говорится, что перелёт-трава это «сказочное растение; легендарный цветок папоротника; последний, согласно поверью, летает повсюду в Иванову ночь и показывает дорогу к сокровищам, скрытым в земле»⁵. Не исключено, что превращение *перелёта* в *налёт* могло произойти из-за авиационных налётов, бывших реалией тех военных лет.

2. Подростково-молодежные практики, связанные с испытанием храбрости. Для сравнения, житель Сергиева Посада (находящегося,

³ Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. С. 544–545.

⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, 1898. Т. 23 (45).

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь. В 4-х т. М., 1986. Т. III. С. 238.

кстати, всего в 250 км от Меленок) сообщил, что в годы своего детства (вторая пол. 1970-х) слышал рассказы деревенских парней о кладбищенских привидениях, от которых можно отбиться кочергой (обязательно использовавшейся в быту). Видимо, практика была распространенной – парни говорили, что ходили на кладбище сами и называли других, кто так делал. Временем походов на кладбище были короткие летние ночи, перед рассветом. Это как-то было связано с поиском кладов (подробнее информант уже не помнит).

Кажется вполне вероятным, что описанные действия являлись отголоском купальских практик, связанных с полными опасностей походов в лес; кроме того, «в купальскую ночь <...> у восточных славян часто совершались ритуальные бесчинства молодежи»⁶.

Интересно, что в приведенных нами примерах в качестве значимой детали неоднократно упоминается именно кочерга: она используется и для поиска перелет-травы, и для защиты от привидений. Не исключено, что объяснение информанта о том, что кочергу брали исключительно как оружие, является вторичным, и мы имеем дело с переосмысленными практиками использования кочерги как магического предмета

3. Знания, полученные в школе. Рассказчик считал, что налеты являются испарениями фосфора, и действительно распространено мнение, что из могилы при разложении похороненного в ней тела может вылетать фосфор. Скорее всего эта информация была получена информантом в школе, она использовалась в атеистической работе. Так, в Интернете нами встречен текст, мистически настроенный автор которого приводит объяснение свечения на кладбище: «Позднее я рассказал об этом происшествии своей матери – учительнице и атеистке. Она объяснила мне, что сполохи огня над могилами случаются в результате выделения фосфорных газов, образующихся при гниении костей»⁷.

⁶ Виноградова В.В. Толстая С.М. Иван Купала // Славянские древности. В 5-ти т. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 368.

⁷ Пламя над могилой // Полярная правда. Мурманск, 2002.22.10. <http://anomalia.kulichki.ru/text6/169.htm>.

Подытожить рассказ о повседневности детей и подростков Меленок в конце 1940-х – начале 1950-х годов можно высказыванием одной из информанток: «У нас было трудное, но счастливое и веселое детство».

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ил. 1. Дворовая футбольная команда. 1950-й год. Третий слева – В.В. Романов. «Играли тряпичным мячом, в футбол. По булыжникам играли босиком. Посмотри, вся команда, все ребята босиком» [ВВР].

Ил. 2. В.В. Романов (в центре) с друзьями. 1950-е годы. «Это вот мы у соседа на скамеечке – вот я и два Захаровых, Володя и Витя, уже их нет в живых» [ВВР].

Ил. 3. Спуск с Полоновой горы к Кузнечному (Кузнецову) мосту. «Конфликтов как таковых не было, потому что гора зимой объединяла всех. Кто на самокатках, кто на финках. [С тех пор гора] стала ниже» [женщ., 1941 г.р.].

Ил. 4. Спуск с Полоновой горы. Дом, в котором жила «нэпманша» бабушка Полона. Есть мнение, что именно ее именем названа гора: «Вот у нас вот дом – бабушка Полона, и гора Полонова. Она торговала золотыми, серебряными вещами – кольца, брошки, цепочки, крестики, браслеты. И вот уже когда Владимир Ильич умер, стали зажимать нэп. Все они уехали с капиталом – кто в Москву, кто в Ленинград, кто в Нижний Новгород» [ФСА].

Ил. 5. Бывший трактир Конюхова, одно из самых старых зданий города, 2010 г. «Отец с матерью скажут: сидеть всю ночь. И мы сидели всю ночь около Конюхова магазина, чтобы очередь за хлебом не перевернули <...> Каманин Николай Петрович нам прислал самолет ЯК-2, он стоял в Конюховом магазине во дворе» [ЮСС].

Ил. 6. Полоскание белья на реке Унже.

Ил. 7. Дом в районе Кирпичики.

А.В. Ильичева

*зам. главного редактора журнала «Народное творчество»,
пос. Конобеево Воскресенского района Московской области*

**«КОНОБЕЕВСКИЕ БАЙКИ», ИЛИ
ПАМЯТИ ЛЮДМИЛЫ ИВАНОВНЫ КОНЯЕВОЙ
ИЗ СЕЛА КОНОБЕЕВО**

Удивительное это дело – передача знаний через поколение. Живешь себе всю жизнь под боком у родного человека, и, кажется, знаешь его. А на деле выходит, что представления эти иллюзорны: самое интересное ты как раз упустил, вовремя не выведаль, в нужное время не задал правильный вопрос. И уплывает, как вода сквозь пальцы, память прошлых поколений и золотая словесная мудрость. Мне повезло. Свою архивную тетрадь с записью слов моей бабушки Коняевой (урождённой Леонтьевой) Людмилы Ивановны 1928 г. рождения я начала вести в 2005 году, сразу после рождения моего сына Ивана, за три года до её смерти. Умерла бабушка в марте 2008 года, подержав на коленях и второго своего правнука Тимофея 2008 года рождения. А я успела ухватить за ускользающий краешек фольклорную народную традицию конобеевского пестования.

Людмила Ивановна Коняева родилась и всю жизнь прожила в селе Конобево Воскресенского района Московской области. В детстве её называли Люськой и Люсьнёй. А спустя много лет внуки стали звать её бабой Люсей, так и буду я называть её в дальнейшем, чтобы не кривить душой и сохранить её тёплое домашнее имя.

Она хранила в памяти своей деревенскую жизнь середины XX века, всё, что запомнила от своей матери – Анастасии Фёдоровны Леонтьевой (урождённой Травкиной !!! г.р. – 1980 гг.) и отца Ивана Фёдоровича Леонтьева (гг.). Баба Люся 50 лет проработала медсестрой в местной больнице, которая находилась в лесу недалеко от села Бессоново, а это полчаса ходьбы от Конобеева через поле. В этом селе проживала её тётка – баба Надя с мужем Сергеем (Надежда Фёдоровна Скворцова (урождённая Травкина) и Сергей Герасимович Скворцов гг.) – где-то на «фурках». «Фурки» – так называлась часть улицы. Ещё один примечательный топоним в Бессонове –

Кувыркаловка. Что это, да почему так называли, баба Люся не знала. В Бессоново протекает речка...

У моей бабушки был особенный дар самоотверженного внимания и служения человеку. Даже в старых годах, забывая себя, она ночью или в дождь, прихрамывая на распухших ногах, шла на другой конец деревни делать кому-нибудь укол, конечно бесплатно. Вытащила из петли и откачала одну глупую бабу, которая после ссоры с мужем решила оставить свою маленькую дочку сиротой. К Людмиле Ивановне в дом за советом, за лекарством шли

Баба Люся (Людмила Ивановна Коняева)

в любое время дня и ночи со всех концов села, несмотря на то, что местная больница исправно работала. Просто баба Люся была для всех ближе и родней. Про неё говорили «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Жалели за тяжкую долю (она растила детей одна, да бывший гулящий муж периодически навевывался, портил нервы и даже потребовал выплатить ему деньги за свою половину общего дома. А чего только стоил их позорный публичный развод?) Правда дед Пётр Степанович Коняев был одарённым стоматологом и писанным красавцем родом из рязанской деревни.

Еще один дар был у бабушки – дар эпического сказительства. Нет, конечно не о знании эпических жанров, а о том, что в её памяти хранилось знание о всех родичах и знакомых, о связях между семьями (в старом Конобеево до начала периода дачников и азиатского засилья все друг другу так или иначе были родственниками). Заслушаешься, как бывало, начнет рассказывать про жизнь до войны, как помогали друг другу, носили картошку и рыбу, праздновали престольные праздники: Троицу в Конобеево, какие случаи были на селе.

Диву даёшься, как ладно и гладко у ней выходило рассказать об этом. Один раз я взяла рулон старых обоев, чтобы в это подобие

свитка записать с бабушкиных слов все наши родственные связи по линиям прабабушки и прадедушки – её родителей. Да не тут-то было. Генеалогическое древо все росло и росло вширь, имена-прозвища повторялись, то возникал в бабушкиной речи местный парень, который стал генералом, то доктор географических наук (дедушки Пети брат, живший в Питере), то телеведущая Алла Данько (бабушкина двоюродная племянница), то двоюродный её брат Владимир Сидорин, талантливейший баянист, который все село в клубе своими песнями собирал, то трогательная история, как местный директор школы Арсений Николаевич Сухарев добился любви её сестры Зои Петровны. А сколько было имён мне незнакомых, да все друг другу родичи! Подробности множились, судьбы переплетались, и я поняла, что эта задача мне не по силам. Взясась я за посильную задачу – записать от бабушки крупницы устного фольклора и некоторые диалектные особенности её речи.

Песен бабушка не пела, точнее, напевала лирику без особого любования своим голосом. Больше она знала частушек. Но помнила, как хорошо умела петь её мама (бабушка Настя). Та была певчей в старом конобеевском храме, еще до его закрытия и частичного разрушения. Как праздник церковный – баба Настя дела делает и службу поёт. Нет праздника, поёт песни. А если вдруг сама себя спросит, не грех ли всё время петь, то сама же и скажет: «Грех в орех, а зёрнышко – в рот!» Так что все песни, которые баба Люся мне пела, были некоторой ретроспективой прабабушкиного репертуара. А меня она считала преемницей своей матери – имя совпадает, да и народную музыку я тоже люблю. Поэтому, наверное, и пела она мне без утайки всё, что могла вспомнить.

Момент записи с бабушкиных слов всяческих присловий, пестушек и прибауток был в естественной ситуации, когда она возилась с правнуком, приговаривая, бывало: «С дитём возиться, что богу молиться!» Иногда я добавляю другие варианты исполнения фольклорных жанров, записанных от моего отца Шмелькова Владимира Алексеевича 1951 года рождения родом из села Чечевилово (10 км от Конобеева) и нашей соседки по деревенскому дому Лидии Петровны Кузнецовой (бабы Лиды) 1930 года рождения, тоже «чевилловской», вышедшей замуж в Конобеево.

Колыбельные песни

Котик серенький присел на печурочке,
И тихохонько запел песню Юрочке.

(Бабушка обычно пела «Ванечке». Про «Юрочку» спела однажды, будто обмолвилась).

Уж, ты котик, коток,
У тебя серый лобок.
Приходи к нам ночевать,
Будешь Ванечку качать.
Уж я котику-коту за работу заплачу –
Дам кувшин молока,
Половинку пирога.

Ваня, Ваня, Ванюшок –
На подушке петушок.
Что ж ты рано встаёшь,
Голосисто поёшь,
Ване спать не даёшь!

Баю, баю, баенки,
Купим Ване валенки
Бегать по завалинке.
А на лето кожанки –
Бегать по дороженьке.

Спи глазок, спи другой, спите глазки оба!

А, бай бай бай,
Ты, собачка, не лай!
Ты, собачка, не лай,
Ты Ванечку не пугай.

Баю, баюшки, баю –
Колотушек надаю.
Колотушек двадцать пять,

Ваня крепко будет спать.

Баю, баю, баюшки!
Не ложись на краюшке.
Ложись посереёдке –
Закусишь селёдки!

Баю, баюшки, баю!
Не ложися на краю.
Ложись посереёдке
В чистенькой пелёночке.
Баю-баюшки-баю, баю деточку мою.

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю,
А то с краю упадешь –
Всю головку расшибешь!
Придет серенький Волчок
И утащит за бочок,
И потащит во лесок
Под малиновый кусток!

(Кусочки мозаики, то есть четверостишия соединяются произвольно, выпадают и т.д.)

Баю-баю-баечки,
Поехали к Анечке.
Поехали по Москве,
По березовой доске.

Потешки

Бабушка говорила: Дай, я тебя пошукаю. И начинала ребёнка покачивать на коленях, приговаривая:

Шуки-баюки! Поехали к Ванюке.
Шуки-баюшки, поехали к Ванюшке!

Уж ты, Петя-петушок
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шелкова бородушка,
Что ты рано встаешь?
Голосисто поешь?
Ване спать не даешь?

Котик серенький, лапки беленьки!

Мальчик – хулиганчик завёл девочку в сарайчик,
Накормил её рукой,
Хватя за титечку рукой.

–Агу! – Не могу!
Засмейся – не хочу!

Ам! – Никому не дам!

– А? – Ворона кума!

– Здорово, корова!
– От быка поклон!

(Обмен приветствиями у детей. Бабушка говорила две фразы сразу.)

Жили были дед и баба,
Ели кашу с молоком.
Рассердился дед на бабу –
Хлоп по пузу кулаком –
Не ешь кашу с молоком!

Курны-мурны, все люди дурны. (так котик поёт).

Тритатушки, тритата.
Вышла кошка за кота.
За кота-котовича,
За Иван Петровича.

Зайчик-беглянчик.
Коротеньки ножки.
Коротеньки ножки,
Сафьяны сапожки.
(Приходи к нам ночевать...)

(Тот же зачин.)
Зайка по полю скакал
И капустку искал (срывал).

А ту-ту, а ту-ту,
Не вари кашу круту.
Вари кашку манненьку -
Жиденьку да сладеньку.

Ваня, Ваня, Ваненька
Чуть побольше валенка.
В лапотки обуется,
Как пузырь надуется.

Маленький мальчик
Пошёл на базарчик,
Купил самоварчик,
Обжѐг себе пальчик.

Маленький мальчик
Сел на диванчик,
Посикал, покакал
И горько заплакал!

Чух, чух, чух, чух,
Родила старуха двух.
Мальчика и девочку –
Косолапу (вариант: раскараку) Верочку.

Как у Вани на постели грибы-ягоды спсели!
(Когда малыш описается.)

Играй, играй, играчѐк! Заработай пяточок!

Расскажи сказку:
Насрала баба в кадку,
Кисло, пресло,
Да в лоб тресло!

(Качая ребѐнка на коленках)
Трах-трах! Тарарах! Едет баба на волах!
Постой, баба, не беги,
Где твои пироги?
В Москве!
На доске!
На горячем песке!
Хошь, пей (ешь),
Хошь – лей!
Хошь – качивайся!

Качая малыша:
Шук-шук-шук-шук,
Залетел в деревню жук:
Жу-жу-жу, жу-жу-жу,
Я в глаза вам погляжу.

Шук-шук, шук-шук,
Приходил в деревню жук.
Жук-жук, жу-жу-жу.
Я во все глаза гляжу.
Кто летит в тумане
На аэроплане.

Сорока-белобока
Летала далѐко!
Куда ты летала?
Гостей зазывала.
Этому дала, этому дала.

Вариант:

Сорока-сорока,
Бела-белобока
Кашу варила, деток кормила.
Этому дала, этому дала.

От В. Шмелькова.

Сорока-сорока,
Где была далёко?
Куда ты летала?
Чего ты видала?

- Куда едешь? (С натужно-кряхтящей интонацией)
- В Приж!
- Чего купишь?
- Шляпу – Пу! Пу! (в голосе – значительное облегчение).

(Приговор на сидение на горшке.)

Ай, топы, топы, топы – приходили к нам попы.
Один маленький попок
Без рубашки и порток.

(Вариант, записанный от соседки тети Лиды Кузнецовой, родом из деревни Чечевилово:

Ай, топы, топы, топы – закусили нас клопы,
Один маленький клопок
Без рубашки и порток.)

Жарко, жарко –
Приедет Захарка!
Сам на коровке,
Жена на лошадке,
Детки на телятках,
Слуги на запятках.
(Приговор на слово «жарко!»)

(На все случаи жизни.)
Трынди-брынди балалайка,
Не моя жена Паранька!
Моя Настенька распузастенька!
В печку лазила,
Сиськи мазала,
Из трубы вылезала –
Всем ребятам показала!

А не плачь, не плачь, не плачь!
Я куплю тебе калач!

У киски боли, у собачки боли,
У деточки нашей маленькой – заживи!

Нас Ра, нас Ра, нас радует весна!
Мы пук, мы пук, мы пук цветов нарвали,
Мы два, мы два, мы два ведра насрали!

Стучат малышу по спинке, если горбится:
– Что в горбу? – Денежки!
– Кто наклал? – Дедушка!
– Чем наклал? – Лопаткою!

Горбок, горбок, давай денег на оброк!

Бодаются с ребеночком лбами: Барашки, барашки!

Стой, дубок!

Ай, дубок, дубок, дубок!
Скоро Ванечке годок!

(Стоит один:)
Один, один, один –
Господин!

Идёт коза рогатая за малыыми ребятами.
Кто кашу не ест, кто молочка не пьёт –
Забодает! Забодает! Забодает!

Коза-дереза. Кари глаза.

Ладушки-ладушки,
Где были – у бабушки!
Что ели – кашку!
Что пили – бражку!
Что на закуску?
Хлеб да капустку!
Кашка сдаденька,
Бабушка добренька!
Ши! – полетели,
На головку сели!

Ладушки, ладушки,
Куба ест оладушки.
А мы суп гороховый едим,
Без конца с него пердим!

(записано от Владимира Шмелькова, а он услышал от своей матери Анастасии Петровны Шмельковой из д. Чевилово).

Сорка-белобока!
Где была? – Далёко!
Кашку варила,
Деток кормила.

Этому дала, этому дала!

Сорка-белобока!
Летала далёко!
Куда ты летала?
Гостей зазывала!

Крутим малышу ручками, наматывая невидимую нить:

Киска ниточки мотала, да киска ниточки мотала! (на мотив барыни).

Или: У стола четыре ножки, да у стола четыре ножки! (тот же распев).

Сунь пальчик! (в сомкнутые лодочкой ладони) – там зайчик!
(зажимают пальчик малыша).

И говорят: Закрылся город Шмыг! (Не прошмыгнёшь.)

Здесь у Ванечки пупок, а пониже лоскуток!

Немец – перец, колбаса, тухлая капуста!

(дразнилка школьных времен. Дразнили учительницу немецкого языка, немку. Ее после обвинили в шпионаже и вредительстве).

Ах! Ах! Ах! Завалилась бабка на бок, и не вылезет никак!

Гуси-гуси! – Га-га-га!

Есть хотите?

Да-да-да!

Ну, летите!

Нам нельзя!

А что такое?

Серый волк под горой не пускает нас домой!

Что он делает?

– утку щиплет!

Какая кровь?

Красна, бела, голубая,

Вся изранена, худая!

Барашеньки крутороженьки

По полям ходили,

По лесам бродили,

В скрипочку играли,

Галю забавляли.

Массаж. Пальчиками ходим по телу ребенка:

Ползет ёж по спине, и по пяточке ежок.

Ползёт ёж по спине, что нагадит – всё тебе!

У нас, у детей игра была такая. Идёшь в платочке, так тебя спрашивают:

– Ты кто такой?

– Это я, старая старушка, иду в церковь богу молиться.

– Иди! Да только не перди!

В церкви грех пердеть, а она уже старая!

Баба Люся: Мы когда в прятки играли, так считались:

Шла кукушка мимо сети,

А за нею мелки дети.

Раз, два, три, четыре, пять,

Я иду, вроде, искать, (но мы как-то по-другому говорили!)

Стала кукушка куковать, стала деток скликать...

Дразнят описавшегося ребенка:

Ссачка-бурачка (от «набурить, бурить» – описаться),

Попова собачка,

Под гору катилась,

Говном подавилась!

Баба Люся утверждала, что эту сказку рассказывала Анастасия Фёдоровна Леонтьева, её матушка.

Жила-была Машенька. Заблудилась она в лесу и попала к бабе Яге. Она ее эксплуатировала, заставляла мыть полы, варить щи, печку топить и за ягодами ходить. А баба Яга привязывала Машеньку за веревочку, чтобы она не убежала. Маша попросила мышку ей помочь, и она перегрызла веревочку. Убежала Машенька. Проснулась баба Яга, а девочки нет! Села она в ступу и погоняет:

«Ступа-ступа, погоняй! Машку-бздушку догоняй!

Ступа-ступа, погоняй! Машку-бздушку догоняй!»

Стала баба яга Машку догонять, а уж выбралась на открытое место, совсем рядом с деревней, и баба Яга дальше забоялась идти. Вернулась Машенька домой.

С тех пор баба Люся таскала маленького Ванечку на спине с приговором: Ступа-ступа, погоняй! Ваньку-бздуньку догоняй! Любимое это у них обоих было занятие!

По бабушкиным воспоминаниям, сказки им в детстве рассказывали родители. Семеро козлят. У каждого козленка было свое имя: му-му или ме-ме. И пела мама-коза:

Козлятушки, голубятушки,
Ваша мама пришла, молока принесла.
Полные копытцы свеженькой водицы
Поутру умыться...

Или такая вот веселая приговорка:
У бабушки у Варварушки
Погорели все блины и оладушки!

Холодно зайныке, холодно бедному.
Зайка прыг, зайка – скок! Слышен зайкин голосок!

Прыг-скок, прыг-скок!
Обвалился потолок!

Прыг-скок, прыг-скок!
Север, запад, юг, восток.

Север, юг, восток и запад.
Сереет, бздит, пердит и какат.
(Из школьных приговорок.)

Возле жопы грибы жёлты. Возле сраки грибы всяки. (Так говорил дед Иван и баба Настя Леонтьевы.)

От деды Вовы:
Дедушка попок,
Что ж ты ходишь без порток?
Я поеду в Панки
И куплю себе портки.
Заяц белый, где ты бегал?
– В лес дубовый,
– Что там делал?

(реплика собирателя, меня) – Лыки драл?
(Отец:) – В карман клал!

Игра.

Берём ребенка за нос:

– Чей нос?

– Мой!

– Мы возьмем его домой!

Ах, какая красота у павлиного хвоста!

Приговор.

И чиханье, и пердёж – ничего не разберешь!

Приговор. О малыше, пока тот не родился:

– Ты был с горошину, собирал по Алёшину. (Что в ЭТО точности значит, не знает. «Маленький».)

Уж, ты Мишка-медведь! Научи меня реветь. Если не научишь, по уху получишь.

(Часто вместо «реветь» говорили «пердеть»).

Барыня Чирик

На камушек села,

Леву ногу подняла,

Время поглядела.

«Барыня Чирик» говорилось и отдельно. О барских замашках ребёнка.

На вопрос: Где мама?

– Поехала какать на серых волках. Если они её не стрясут, то далёко увезут!

(А если её не стрясут, то обратно привезут!)

Мороз красный нос поминание унёс.

Мы пойдём с тобой гулять, красотой щеголять.

Гром гремит, земля трясется. Поп на курице несётся. Попадья идёт пешком. Чешет жопу гребешком.

Немец-перец-колбаса. Тухлая капуста.

Анна-банна, жопа деревянна.

(Это бабушка Люся так про свою бабушку по линии отца говорила. Дразнилка).

Иван-болван. Сел на диван, обосрался (дразнилка Ивану).

Дурачок – насрал в кулачок.

Магия лечебная

Не лезь на стол – горбатый будешь!

Просто так со стола не падают. Обязательно что-нибудь да будет! Стол-престол. На стол грех садиться и ногами ставать. Боженька ушки отрежет.

Если кто чужой придет и скажет (про ребёнка):

– Ах, какой хороший!

У меня мать ручку с двух сторон у двери помоеет. Тут же ребёнка умоют:

– Во имя отца и сына и святого духа. Аминь.

И на дверь крестом побрызгает. И всю воду на ручку выльют.

Кого-то мы носили на вечернюю зорю, бабушка богородицу читала и ещё что-то. Читала на закате. А еще угольки как-то... Умывали.

То же.

У нас мать, бывало, (дверную) ручку моет водой – С ветра пришло, на ветер поди. Так три раза. Потом всю воду в уголок выльет. Умывает от чужих глаз.

Приговор на обливание водой ребёнка:

С гуся вода, с Ванечки вся сухота!

Любуйтесь на обосрано поленце (о младенчике).

Мудово рыданье (то же).

Так у нас говорили: Вырастай большой – с кобедню! А что это такое, я не знаю.

Софья Васильевна Луковникова (1930-2011, урожденная Мингазова, дочь татарского дворника, Москва.). Пальчиком на носик ребёнку:

Нос-курнос.
Под печкой рос.
Яичко снёс (вариант – три яичка снёс).
Тирли-тирли-точки,
Едет хер на бочке.
Пизда на тележке
Хрупают орешки.

Календарный фольклор

Четверг за неделю до Троицы считался девичий день. Я еще девушкой была. Мы соберёмся у кого-нибудь на тераске. Мать стол накроет, яиц наварит. Сидим, смеемся. Наряжаем берёзку ленточками и лоскутками. Веточку от берёзки. Носим ее по улице. Песни поём. Называли нас «вьюношницы». Мы это делали ради смеха. Потом эту веточку разрядим и бросим.

А у наших матерей четверг на троицыной неделе – это «бабий день». Праздновали по-настоящему. На луговине настелят одеял, всего на общий стол из дома принесут и гуляют всю ночь. С гармонью поют и пляшут. Дети вокруг них тоже бегают: это уже вечером, днём – работа. А веселились, пели от души. И всю жизнь. Потом они умерли, а мы не переняли. Не знаю, почему.

После Ильина дня не купались. Говорили, олень в воду нассал. Холодно купаться.

Дождик, пуще! Дам тебе гущи!
Бери ложку, хлебай понемножку.
Дождик, дождик, перестань! Я поеду во Рязань.
(Владимир Алексеевич Шмельков)

КОНОБЕЕВСКАЯ ЛИРИКА**Лирика протяжная**

1.

Карапет

Зелёная роща в садике шумела,

А я молодая плакала сидела.

Ой, девочка Надя, чего тебе надо?

Ничего не надо, кроме шоколада!

Шоколаду нету – на тебе конфету!

Ой, девочка Надя, чего тебе надо?

Карапет мой бедный,

Отчего ты лысый?

Отчего ты лысый, лысый – безволосый?

Оттого я лысый, без волос остался,

Потому что рано с девками спознался!

2.

Бывали дни, гуляли мы,

Теперь гуляйте вы.

Бывали дни весёлые,

Ходил я холостой,

Не знал тоски,

Упал с доски, разбился на куски.

(Фрагмент от Деда Вовы)

Сидел Ваня на диване, стакан чаю выпивал.

3.

(на мотив «Светит месяц»)

Катю любит вся деревня,

Таню любит весь колхоз,

Ну а тетку Акулину

Любит (старый) рыжий-рыжий пёс.

4. Песня лирическая. Её пела мать – Анастасия Фёдоровна Леонтьева.

Вечер был, сверкали звёзды, на дворе стоял мороз.
Шел по улице малютка, посинел и весь замерз.
Шла старушка той дорожкой, услышала сироту.
Приютила, и согрела, и поесть дала ему.
Уложила спать в постельку.
«Как тепло!» – промолвил он,
Закрыв глазки, улыбнулся, и уснул спокойным сном.

5. (фрагмент песни литературного происхождения)
Горе горькое по свету шлялося, и на нас невзначай набрело.
(Песня была на тему – заболел и умер.)

6. Крутится – вертится шар голубой.
Крутится – вертится над головой.
Крутится-вертится, хочет упасть.
Кавалер барышню хочет украсть.

Где эта улица, где этот дом?
Где эта барышня, что я влюблен,
Вот эта улица,
Вот этот дом,
Вот эта барышня, что я влюблен!

7. Приговор на отсутствие дома воды. Или, когда дома никого нет.

«Ни воды нет, ни казачинки».

На деле – фрагмент из плясовой песни «Посею лебеду на берегу».

8. свадебная лирика

Виноград в саду растет,
Зеленой в саду растет,
А ягодка, а малинка по зорям цветет.
А ягодка, а малинка по зорям цветет.

Виноград – Иван-господин,
Зеленой – Алексеевич-душа,
А ягодка, а малинка все и Настенька.
А ягодка, а малинка все и Настенька.

Все им люди позавидовали.
Все им люди позавидовали.
Что хороши-пригожи уродились хороши,
Что хороши-пригожи уродились хороши.

Дай вам Бог совет-любовь,
Дай вам Бог совет-любовь,
Во совете, во любви хорошо пожить.
Во совете, во любви хорошо пожить.

Виноград в саду растет,
Зеленой в саду растет,
А ягодка, а малинка по зорям цветет.
А ягодка, а малинка по зорям цветет.

Частушки Бабы Люси

Моя мама мировая,
И папаша мировой.
И я тоже мировая –
В три часа хожу домой.

Петя мой, Петя мой,
А я Петина.
Петя по полю ходил,
А я метила.

На дубу сидит ворона,
Кормит воронёночка.

У какой-нибудь разини
Отобью милёночка.

Коля, Коля, колистый,
Какой ты разговористый!
Не был бы ты занятой –
Погуляли бы с тобой.

И мил ты мне,
И хорош ты мне –
Озорница твоя мать
Не велит с тобой гулять.
Гармонист, гармонист,
Не гляди глазами вниз –
Гляди прямо на меня,
Завлекаю я тебя.

У мого у Ванечки
Раскудрява голова.
Даже шапочка не лезет –
То велика, то мала!

Ты калина, ты, калина,
Ты, калина белая.
Не рассказывай, калина,
Что я в девках делала.

И пол проломлю,
Потолок проломлю
На доске остануся,
С милым не расстануся.

А мне милый говорит –
Настя, моё золотце!
Он, наверно, сукин сын,
Хочет сдать меня в Торгсин!

И рожь по пяти,
И овёс по пяти,
Меня миленький не любит –
Ну и мать его ети!

Милый Вася,
Я снялася в белой кофте под ремень.
Не в такой, как я хотела,
А в такой, как ты велел!

Тише, тише, тише, тише!
У меня четыре Миши.
Мне бы пятого нажать –
Я не стала бы тужить!

Ой, глазки мои,
Что мне делать с вами?
Как увидите ребят –
Моргаете сами!

Кари глазки провожали,
С голубыми шла домой...
(дальше не помнит).

Мои глазки как салазки –
Только не катаются.
Я беззубого люблю –
Он лучше – не кусается!

Что ты, милый носишься?
Красотой заносишься?
Нет ни чёрта красоты!
Говорят, раскосый ты!

Как у нашего Мирона
На дубу сидит ворона.

Как ворона запоет,
К Мирона хер встает.

И в сапог нассала,
И в другой начала.
Я сижу – люблюся,
Во что же я обуюся?

Топ-топ-топаю,
Чечевица с викою –
Подержи мой редикюль,
А я схожу посикаю.

Ой, страданье, где ты есть?
А мне не с кем время провести.

Раз, два, три, четыре – дом деревянный!
У меня свекровь – сатана,
Свёкор окаянный!

Сорока-белобока,
Научи меня летать.
Ни высоко, ни далёко,
Только милого видать.
(Записано не как песня, а как присловье)

Мой милёнок, как телёнок –
Только веники жевать.
Проводил меня до дому,
Не сумел поцеловать!

Дождик, дождик поливает на душистую сирень.
Проводи меня до дому, неужели тебе лень?

Дождик, лей,
Дождик, лей.
На меня и на людей.

А на милого мово
Сорок вёдер одного!

На окошке два цветочка –
Голубой да синенький.
Про любовь никто не знает,
Только я да миленький.

Милый Шурочка в тужурочке
При лаковом ремне.
Достаётся милый Шурочка
Подружке, а не мне.

Ты, подружка, дроби бей,
А я ни дробиночки!
Расколосось моё сердце
На две половиночки!

Песенка-песенка.
Есть на печку лесенка.
Приходи меня искать –
Я на печке буду спать!
<...>

И подбили левый глаз.
Не ругай меня, мамаша,
Это было в первый раз!

Пришла курица в аптеку
И запела: Кукареку!
Дайте пудры и духов
Для приманки петухов.

Ах, Семёновна!
Юбка в клеточку.
Выполняй, Семёновна,
Пятилеточку!

И пить будем,
И гулять будем,
А смерть придёт,
Помирать будем.

Похудела, похудела,
Похудела да не я!
Похудела от работушки (вариант: изменушки)
Соперница моя.

Эх, бабка моя!
До чего красивая –
Половина носа красна,
Половина синяя!

Шевели, баба, ногой,
– Шевелю, касатик мой!

Ах-ах, ах-ах!
Завалилась бабака на бок,
И не вылезет никак.

Бабка стала на носок,
А потом на пятку.
Стала русского плясать,
А потом вприсядку!

(Бабушка сама себе пела и плясала. Еще пела, когда пестовала правнука).

У нас, бывало, пляшут под «страданья» и под «русского». Парни нам поют частушки, а мы им. Вроде как нападают на нас, а мы на них. Одну частушку помню:

Конобеевских ребят
Можно издали узнать:
Руки-ноги колесом,
Три сопельки под носом.

Конобеевски ребята
Как лягушки квакают.
Целоваться не умеют,
Только обмуслякают.

Мой милёнок
Как телёнок –
Только веники жевать.
Проводил меня до дому,
Не сумел поцеловать.

Как у нас в Москве вино
По три денежки ведро.
Хошь пей, хошь лей,
Хошь окатывайся!

Всё зелёно, всё зелёно,
Всё зелёно – зелено.
Я давно тебя узнала,
Что ты мальчик – верьтено.

Корильная свадебная частушка, которую могли не только петь,
но и приговаривать:

У нашего свата
Соломенна хата.
Дров ни полена.
Вина по колено!

Лапти мои, лапотушечки,
Лапти бегать не дают
И до жопы достают.

Лапти мои, лапотушечки,
(Вариант: ай, тушечки, тритатушечки)
Целовал меня милый
На подушечке.

Вариант:
Ниточки-катушечки.
Целовал меня милый
На подушечке.

И пить будем,
И гулять будем!
А смерть придёт –
Помирать будем!

Эх, смерть пришла,
Меня дома не нашла!

Телефон, телефон,
Еле телефонила!
Я свово залёточку
Гулять не неволила!
Эх, пол проломлю,
Потолок проломлю.
На доске остануся,
С милым не расстануся!

У моего отца (в молодости) не было гармошки. Так он (Иван Фёдорович) на валенке нарисовал кнопочки и сидел, тренировал пальцы:

– Кидай веники на баню, да кидай веники на баню! (См. детские пестушки «киска ниточки мотала» и «у стола четыре ножки» – тот же напев.) Видимо, этот напев был частью пляски под русского и барыню.

Уха-уха-ухаю,
Гуляю я с Илюхою.
А Илюха меня бросит –
Стану вековухою.

Вековуха, вековуха, вековуха –
Не беда... (дальше забыла).

Я у Клавочки на лавочке
Просился ночевать:
Пусти, Клавочка, на лавочку,
Никто не будет знать!

Арбуз, мой арбуз,
А я его дыня!
Он вчера меня лупил.
А я его ныне.

Печка топится-дымится.
Мил торопится жениться.

Балалаечка, гуди-гуди-гуди
До самой до зари.
Как я с милым расставлась,
Никому не говори!

Меня тятя: Я-те, я-те!
Я-те побалуюся!
А я тяти не боюся,
Всё равно целуюся.

Два яблока
На тарелочке.
Надоела мне жена,
Пойду к девочке!

Соловей, соловушка. Буйная головушка!

Ай ха-ха, ай ха-ха.
Чем я, девица, плоха?
Мне бы шляпу и калоши.
Я бы барыня была!

(Софья Васильевна Луковникова, 1930–2011,
урожденная Мингазова, дочь татарского дворника, Москва).

Ой, ши, ши, ши
У тебя четыре вши.
На макушке пятая –
Самая богатая.
(Баба Люба)

Как старик своей старухе
Отрубил все пальцы.
Чтоб не лазила в гнездо,
Не брала бы яйца.

А старуха старику
Отрубила ногу.
Чтобы ночью не вставал,
Не делал тревогу.

(Владимир Алексеевич Шмельков)

Мой милёнок,
Мой милёнок
Активист и патриот.
Целый день он в Кустанае
В бане пиво продаёт.

С.Э. Динер
*заведующий отделом истории
Егорьевского историко-художественного музея,
грибник со стажем*

ТАРАКАНОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Возможно, регалии автора вызовут улыбку, недопонимание.

Но благодаря такому сочетанию и появился материал для данного сообщения.

Август, а особенно сентябрь 2012 года выдались в Подмосковье обильными на грибы. На местном рынке выросли грибные ряды.

Вот и автор в один из погожих сентябрьских дней отправился на тихую охоту в окрестности Егорьевска. На автобусе добрался до пригородной деревни Тараканово. Между селениями Тараканово и Васютино – большая, поросшая мелким ельником, поляна – одно из излюбленных мест егорьевских грибников. Поляна на грибы богатая, да и ходить особенно далеко не надо, – ходи от ельника до ельника да собирай грибы. Да и ориентироваться стало проще. Недалеко от автобусной остановки выросла высокая антенна сотовой связи. Её издалека видно. Лишь раним осенним утром она прячется в густой туман.

Хорошие, благородные грибы на поляне встретишь не часто. Но вот маслят, моховиков (по-егорьевски болотиков), свинушек (дунек), нарезать можно довольно быстро и много.

Но в тот день грибная удача автору явно не сопутствовала. Один слой маслят уже сходит, а другой еще не появился. Гриб попадался старый, переросший, часто червивый. Это-то обстоятельство и заставило автора покинуть поляну и попытать счастья в лесу. Как ни странно, сделать это оказалось не так-то просто. Поляна оказалась возвышенным местом, и от леса ее отделял ров. Его правильная форма говорила об искусственном происхождении. Это был именно ров, а не овраг. Толстые сосны, которыми покрыты крутые склоны рва свидетельствуют, что это никак не мелиорационная канава колхозно-совхозного времени. Объект появился раньше, значительно раньше.

Сразу вспомнился 2003 год, когда автор присутствовал при обследовании подобного объекта археологом, кандидатом исторических наук С.М. Крыкиным. Тогда подозрительный объект был выявлен преподавателем МХК (мировой художественной культуры) Раменской сельской школы (Егорьевский район) В.Д. Юриной. А находился он в урочище Городец, что в окрестностях Раменок.

С.М. Крыкин определил его как городище-убежище дьяковской культуры и датировал первыми веками н.э. Дьяковцы считаются предками туземного угро-финского населения.

Параллель между объектами, несомненно, есть. Правда в Таракановском городище (назовет его пока так) отсутствуют отчетливо выраженные валы. Зато есть ров и крутой спуск. Возможно, вместо валов были недошедшие до нас деревянные укрепления. В оборонительной системе городища использовалась также омывающая его Медведка (приток Москвы-реки) и ручей – безымянный приток Медведки.

Интересно отметить, что местные жители до сих пор используют эти водные препятствия для охраны своих владений. Так, усадьбы жителей соседней деревеньки Васютино огорожены лишь с трех сторон, а с запада их защищает Медведка.

Не зная этого, автор, форсировав Медведку, попал <...> в частный огород. Возвращаться в лес, вновь переходить Медведку по тоненькой дощечке не хотелось. Но автору повезло – собаки не было, а вышедшая хозяйка любезно разрешила пройти на шоссе через её огород.

Автору удалось побеседовать и с этой женщиной, и еще с несколькими старожилками селений Тараканово, Васютино, Кукшево. Все они хорошо знали этот ров и крутой спуск, но как-то не обращали на них особого внимания. Подумав, они соглашались с искусственным происхождением объекта. А на вопрос автора о времени появления рва ответы были близкими: «так отродясь было», «с роду было», «со времен царя Гороха»...

Несомненно, данный объект нуждается в серьезном изучении специалистами-археологами. Подмосковная земля таит еще немало загадок.

А. Малышев (Мерянин)

Москва

ЦЕЛЕБНЫЙ ОРЕШНИК СВЯТОЙ ФЕВРОНИИ

Волшебный и загадочный край **Мещера**. Здесь жили древние племена – мещёра, мурома и меря, они поклонялись своим древним богам в светлых сосновых рощах, чтили студёные источники, камни и отдельные деревья. Об одном таком дереве и пойдет речь...

Это дерево – орешник, и находится оно у часовни св. Февронии в Рязанской Мещёре, на кладбище села Ласково. Сама часовня довольно старая и много раз перестраивалась. Святой орешник растёт он на том самом месте, где, по преданию мещеряков, был исцелен князь Петр Муромский. По поверьям местного населения его листья помогают в лечении разнообразных болезней. Куст и прилегающие к нему деревья обвязаны подарочными лентами, платками, полотенцами. Издавна в это место приезжают молодожены для того чтобы прочитав молитву святым Петру и Февронье обойти часовню три раза посолонь. Для семейного благополучия. Святая Февронья бережет свою родную сторону от бед, засушливым летом 2010 года, когда горела вся Мещёра, люди обнесли своё село иконой "Петра и Февроньи" пожар деревню не тронул, обошел стороной. Мощное место надо сказать и судя по количеству подарков на ветках, весьма популярное.

Согласно средневековым сказаниям, незадолго до начала княжения Петр (второй сын Муромского князя Юрия Владимировича) заболел страшной болезнью, тело его было покрыто язвами, и никакое

лечение не помогало. Предполагается, что князь был болен проказой. Однажды во сне Петру Юрьевичу было видение, о том, что в Мещёре, в деревне Ласковая, живёт юная девушка, по имени Феврония, которая одна может его исцелить. Дева была дочерью мещёрского бортника, хорошо разбиралась в травах и была мудра не по годам. К ней и обратился за помощью будущий князь Петр. Он пообещал жениться на ней, если она его исцелит – так и случилось. Исцеление князя случилось на том самом месте где теперь растёт орешник.

У Февронии был ручной заяц, что часто отражается в иконах. Когда к ней, в крестьянский дом, впервые приехали гонцы князя, они увидели такое зрелище: за ткацким станом сидела дева и ткала холст, а перед нею скакал заяц. Став супругой князя, Феврония не оставила народного обычая собирать крошки после трапезы – для зайца. Но в средние века кормление зайца (а также змеи, жабы и др.) могло вызывать подозрения в колдовстве.

Повесть о святых Петре и Февронии рассказывает: «Однажды некто из прислуживающих княгине Февронии пришел к князю Петру и наговорил на нее: «Каждый раз, – говорил он, – окончив трапезу, не по чину из-за стола выходит: перед тем как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!» И вот князь Петр, желая ее испытать, повелел,

чтобы она пообедала с ним за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Петр взял Февронию за руку и, разжав ее, увидел ладан. И с того дня он ее больше никогда не испытывал».

В Ласково можно добраться из Рязани на маршрутном такси №110 (50 руб.) или на пригородном автобусе № 110 или № 107. Ехать нужно до Ласково, а не до п. Ласковского. Ласково первое. Часовня по ходу будет справа. Весь транспорт из Рязани отправляется с автовокзала «Торговый городок».

МЕЩЁРСКИЙ ЮРТ

В каждом выпуске нашего альманаха мы публикуем материалы по такой крайне важной и интереснейшей теме как история двух групп мещёрских татар – касимовских татар и мишарей. Без неё полноценное изучение этого края невозможно. В двух предыдущих выпусках «татарская» рубрика была названа «Татары-мишари» (в первом выпуске) и «Мещёрские татары» (второй выпуск). Упорядочивая название рубрики мы решили, что начиная с этого выпуска она будет называться «Мещёрский Юрт». Это – одно из названий Касимовского ханства, где сформировались обе указанные татарские группы.

Г. Баутдинов

*журналист, член попечительского совета
Землячества нижегородских татар в Москве,
член Совета Орехово-Зуевской мусульманской общины*

ИЗ МИШАРСКОЙ ГЛУБИНКИ: НЕЖМЕТДИНОВЫ И АХТЯМОВЫ-ФАТТАХЕТДИНОВЫ

Начну с воспоминаний далёкого детства. Как-то раз мы с отцом приехали из нашего подмосковного Орехово-Зуева в гости к одной нашей тёте в Москву. У неё дома мы встретились с другой незнакомой мне женщиной, которая, однако, приветствовала нас очень тепло, словно родных. «Мы же родственники с обеих сторон», – доверительно сказала она мне. Это была Гыйззи-апа (Газия) Нежметдинова, жившая тогда в Немчиновке под Москвой. Она рассказала, что писатель Кави Наджми и его младший брат Рашид, замечательный шахматист и шашист, являются её племянниками.

Конечно, и раньше в наших семьях приходилось слышать об имени писателя, а его известный роман «Весенние ветры», удостоенный Сталинской премии, можно было видеть в библиотеках и в некоторых татарских семьях. Шахматный талант Рашида Нежметдинова

был таков, что профессионалы и любители шахмат специально ходили на него, когда он приезжал на крупные турниры в столицу, поскольку по красоте игры с ним могли поспорить, пожалуй, лишь гроссмейстеры Геллер и Таль, которых, впрочем, он тоже обыгрывал. Что же касается самой Гыйззи-апа, то её отец, мулла Габдулла Нежметдинов, был избран депутатом Государственной Думы Российской империи.

О чём поведала родословная?

История такой семьи весьма интересна сама по себе, и когда представилась возможность, я постарался собрать всё то, что имеет отношение к Нежметдиновым, а заодно и к нашим общим родичам. Лучшим источником для восстановления их исторических корней явились родословные, дополненные рассказами отцов и дедов. Я знаком с несколькими вариантами этой родословной, которые в основном совпадают, хотя в них есть и некоторые различия.

Старейшая из них, что хранится у потомков Кави Наджми в Казани, берёт начало с конца XVI века. Место действия – село Красный Остров, дата основания которого колеблется в пределах того же века. То был период активного заселения этих краёв татарами-мишарями¹, которые образовали в юго-восточном углу нынешней Нижегородской области своего рода анклав, состоявший из нескольких десятков татарских сёл и деревень. Часть из них, в том числе Красный Остров («Краснай» в татарском варианте), до революции 1917 года входили в состав Курмышского уезда Симбирской губернии (ныне Сеченовский район Нижегородской области).

Первоначальные поселения татар ограничивались лишь несколькими дворами вольноотпущенников-землепашцев, и одним из них был легендарный основатель династии Табакай или Табанай. Стоит обратить внимание на то, что сам он и его потомки в первых поколениях носили тюркские имена, а не арабо-мусульманские. Это объясняется несколькими причинами: слишком многое связывало этих людей с историческим прошлым тюрков, ислам ещё не пустил глубоких корней в этих краях, да и соседство мордвы, видимо,

¹ Баутдинов Г.А. Мещёра и татары // Мещёра-край: Альманах по истории и культуре Мещёрского края. М., 2011. Вып. 1. С. 114–138.

сказывалось на устойчивости быта, традиций и обычаев местного населения, что не исключало вначале и межнациональных браков. Кстати, традиция использования коротких имён с тюркскими окончаниями сохранялась в этих краях и после того, как ислам прочно укоренился здесь, и детям стали давать исключительно мусульманские имена. Так, до сих пор Ибрахима попросту называют Ибрук (Ибрюк), Исматуллу – Исмук, Самиуллу – Сямук, Хайруллу – Хайрук, Шафигуллу – Шапук и т.д. Подобная редукция коснулась и женских имен: к примеру, Адлифу кличут как Адлюк или Алюк. Любопытно также, что в родословных татар из соседнего села Петряксы есть даже упоминание о том, что их предками были тенгрианцы!

По варианту родословной, предложенному Адилем Беляевым, автором книги «Историческая родословная татарского народа»², у Табакая (Табаная) было три сына: Алтынай или Алтынбай, Янбакай или Ябканай и Билай, от которого пошли Беляевы – фамилия, которая встречается и у современных татар.

По первому, «казанскому», варианту Янбакай (Ябканай) был сыном Алтаная (Алтынбая), но в обоих случаях продолжателями династии называются Шамай или Шимай, сын Янбакай, затем идут Сулейман (наконец, появляется мусульманское имя, и это скорее всего начало XVIII века) и Юлай (Юнай). Но здесь опять начинаются расхождения. В первом варианте Юлай представлен как брат Шамая, а во втором – как сын Сулеймана, у которого был и другой сын, Абдулхалик (Аблюк).

Однако есть и третий вариант этой родословной, хранящийся у Соруря-апа Фаттахетдиновой, дочери Халилуллы-муллы, которая ныне живёт в Зеленограде. Согласно этой версии, именно от Юлая (Юная) расходятся две ветви, давшие Красному Острову наиболее известные династии мулл и именитых личностей: Нежметдиновых и Ахтямовых-Фаттахетдиновых.

О представителях последней, прежде всего об имам-хатыбе московской мечети в Выползовом переулке Абдулвадуе Фаттахетдинове (1882–1954), – мы уже рассказывали³. Добавим к сказанному,

² Беляев А.Б. Историческая генеалогия татарского народа. Казань, 2012.

³ Баутдинов Г.А. Московские имамы из мишарей // Мещёра-край: Альманах по истории и культуре Мещёрского края. М., 2012. Вып. 2. С. 68–82.

что фамилия Ахтямовы у части потомков этой династии идёт от имени Ахтама – муллы, прадедом которого был тот самый Юлай (Юнай), дедом – Хуррамша, отцом – Аббас-хазрат. Традицию служения в «своей» 3-й мечети в Красном Острове продолжил сын Ахтама – имам Фаттахуддин. Мы даём многие имена в транслитерации с арабского оригинала – так, как они записывались в книгах при мечетях. Ведь в случаях некорректного написания этих имён меняется само их значение⁴.

В первом браке муллы Фаттахуддина с Азия-абыстай родились четверо сыновей и две дочери, а во втором его браке с Фархиджан-абыстай появились на свет ещё три сына и одна дочь. Все семеро сыновей продолжили духовно-религиозные традиции своих предков и тоже стали имамами. Арифулла, Халилулла, Абдулкаюм и Магсум (Мясум) служили в мечетях Красного Острова (в четырёх из шести имеющихся в селе), Самигулла (Самиулла) – в Ленинградской мечети, Мавдуд (Мяйдют) – в Ташкентской. Наверное, последний и предложил привезти из далёкого Ташкента два могильных камня в память об отце, которые были установлены на красноостровском кладбище на могиле Фаттахуддин-хазрата рядом с захоронением его второй жены. Это подтвердила Сорурия-апа, показав мне поминальный текст, снятый с одного из камней её старшим братом Умаром. Надпись сделана арабской вязью, и переводится на русский язык примерно так:

– Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Пусть знают потомки, что здесь покоится прах великого мударриса, муллы Фаттахуддина Ахтама, уроженца деревни Красной Курмышского уезда Симбирской губернии. 40 лет он занимался преподаванием, распространяя знания, и умер, оставаясь до последнего на своём поприще, в 59 лет, 31 июля 1889 года, будучи рождённым в 1830 году. Ахтамова Фархиджан родилась 20.XI.1850 года, умерла в декабре 1916 года. Их бракосочетание состоялось в 1872 году⁵.

⁴ Более подробно о татарских и мусульманских именах, в частности, см.: Гафуров А.Г. Имя и история. М., 1987; Саттар-Муллиле Г. О чём говорят татарские имена? На тат. яз. Казань, 1998.

⁵ Сложные судьбы красноостровских мулл // Татарские новости, 2005. № 11; Баутдинов Г.А. Красный остров Ислама // Минарет, 2006. № 2.

Добавим, что в том же Ташкенте в 30-х годах после ссылки оказался Шахимардан Ильясов (1888–1953), ставший первым имамом новой Соборной мечети в Нижнем Новгороде. Он тоже был репрессирован, а после ссылки переехал в Узбекистан. В Ташкенте жил также младший брат

Шахимардана-хазрата Мустафа, ранее служивший имамом в нижегородском селе Татарское Маклаково (Моклока), и оба брата были уроженцами этого села и доводились племянниками Абдулвадуд-хазрату⁶.

Сам Абдулвадуд Фаттахетдинов после отбытия ссылки на Соловках не имел права вернуться в Москву и уехал в Узбекистан, где первоначально жил в Андижане. У него и его жены Закии-абыстай было четверо детей. Их двое сыновей, Саяр и Гаяр, погибли на фронтах Отечественной войны, а сын Тарик сделал прекрасную научную карьеру. Дочь Марва вышла замуж, и уже её дочь Ирадя-ханум, переселившаяся с мужем в Москву, познакомила меня с ещё одним вариантом родословной, которой занимался её дядя Тарик Фаттахетдинов.

Приведу ещё одно свидетельство, касающееся Ахтямовых-Фаттахетдиновых. В подмосковной Апрелевке вместе с мужем Шамсуном Галиуллином живёт наша родственница – Мухлиса-апа Ахтямова, последняя из оставшихся детей Абдулкаюма-муллы, среднего из сыновей Фаттахиддина-хазрата и Фархиджан-абыстай. Дело в том, что мой дед, Идрис-бабай (1884–1918), старший сын Бахауддин-бабая (1855–1942), и мать Мухлисы-апа, Сафия-абыстай, были братом и сестрой. И она напомнила мне такую историю⁷:

– Моя мама Сафия родилась в 1889 году, а большой дом её отца Бахауддина стоял в центре села Красный Остров, недалеко от дома, в котором жил Абдулкаюм-мулла, мой будущий отец. Когда в начале прошлого века встал вопрос о сооружении новой, 6-й мечети, то Каюм-мулла, как коротко называли его, обратился за помощью к соседу Бахауддину, которому был поручен сбор средств на строительство мечети. Соседи хорошо присмотрелись друг к другу, и дело кончилось не только сооружением прекрасной мечети, но и тем, что Каюм-мулла попросил руки моей будущей матери, тогда ещё совсем

⁶ Ислам на Нижегородчине: Энцикл. словарь. Н. Новгород, 2007. С. 64–65.

⁷ Из беседы автора с Мухлисой Ахтямовой (2005 г.).

юной. За почти тридцатилетнюю совместную жизнь у них родилось много детей, моих братьев и сестёр, из которых выжило одиннадцать. Вначале всё шло хорошо, но потом, после революции, начались проблемы. Роковым стал 1930 год, когда наша семья узнала, что в Москве был арестован брат отца – Абдулвадуд-хазрат, бывший имам-хатыбом мечети в Выползовом переулке. Мир не без добрых людей, и отца предупредили, что его тоже ждёт арест. И тогда он решил уехать в Москву, тем более что там жила его сестра Амина, преподававшая в медресе при той же мечети (кстати, она тоже внесла свою лепту в составление нашей родословной). Из Красного Острова ночью отца вывез в Пильну Бахауддин-бабай, укрыв его в телеге с сеном, и на станции посадил на поезд, отправлявшийся в Москву. Однако там случилось непредвиденное: при входе на территорию мечети отца арестовали, затем судили и отправили в ссылку. Он там работал, делая хомуты для лошадей, и даже присылал маме деньги. Но затем переписка прервалась, и только много позже мы узнали, что в 1938 году он был расстрелян как «враг народа».

Добавлю от себя, что в те годы уцелел старший брат Абдулкаюма-хазрата – Халилулла-мулла (1873–1956), отец Соруря-апы. Он тоже покинул Красный Остров и поселился в подмосковном Крюкове (нынешний Зеленоград), продолжая духовно окормлять своих единоверцев. Наконец, из рода Ахтямовых-Фаттахетдиновых был и Шаймардан-мулла, а его сестра Рахимя стала женой моего деда Идриса.

Другая ветвь родословной

Что же касается ветви родословной, идущей от Абдулхалика (Аблюка), то она носит как раз имя Нежметдиновых. Сыном Абдулхалика был Ханбек (но это, видимо, не полное имя), который, согласно семейному преданию, служил в Оренбургском мусульманском духовном собрании, созданном в 1788 году по указу императрицы Екатерины II («Эби-патша», «Бабушка-царица» – так называли её татары за политику веротерпимости в России). Как бы то ни было, Ханбек, несомненно, оказал религиозное влияние на своего сына Наджмуддина (Нежметдина), который и считается основателем этой династии мулл в Красном Острове. Кстати, дочь его брата Хайридина Рабия была выдана замуж за вышеназванного Бахауддина,

моего прадеда (она умерла в начале 1942 года и была похоронена на татарском кладбище в Орехово-Зуеве). Продолжателем духовных традиций в семье стал сын Нежметдина, имя которого в оригинале было Гимадетдин (в коротком варианте – Гиматдин), но в Красном Острове бытует до сих пор форма «Аймалетдин» («Аймаль» в просторечии). Кстати, в одной из родословных к его имени добавлена частица «хаджи», а это значит, что он мог совершить хадж в Мекку.

С середины XIX столетия Аймаль-хазрат был имамом 1-й соборной мечети, и оставался в этом качестве на протяжении полувека. У него была большая семья, и самым известным из его детей стал Абдулла Нежметдинов. Освоив уроки ислама в семье, он поехал учиться в медресе в Буинске, который тогда тоже входил в состав Симбирской губернии. После возвращения домой получил звание имама, а затем наследовал отцу в качестве главного имама 1-й мечети. Одновременно Абдулла-хазрат успешно занимался хозяйством и имел магазин, был отцом многочисленной семьи. Он был хорошо известен не только в своём селе, но и в симбирских землях, и в 1907 году его избрали от губернии депутатом II Государственной думы России. Депутат-мулла Нежметдинов вошёл в группу трудовиков, защищавших крестьянство, но этому составу Думы не удалось за короткое время своего существования как следует поработать (20 фев. – 2 июня)⁸, так как царь распустил её.

Естественно, мы хотим больше знать о своих предках, но тут встаёт вечный вопрос о надёжности источников информации. Например, так повелось, что годы жизни Абдуллы Нежметдинова в течение долгого периода указывались в печати так: «1869 – после 1910»⁹. Недавно была сделана небольшая поправка: «1869 – после 1913»¹⁰. Но есть и другие данные: «1866–1915», а они указаны в родословной, которую дотошно вели старшая дочь Абдулла-муллы Газия (Гыйззи-апа), воспитательница своих братьев и сестёр, и его сын Абдурахман, ставший востоковедом. Поэтому, перефразируя историка

⁸ Более подробно о II Думе см.: Вторая Дума // Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи. 1906–1917 гг.: Ист.-правовой очерк. М., 1998. С. 263–330.

⁹ Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999. С. 391.

¹⁰ Ислам на Нижегородчине... С. 127–128.

В.О. Ключевского, скажем, что родословные тоже можно рассматривать «как исторический источник». Заметим попутно, что неразбериха наблюдается также в написании татарских имён и фамилий. Прежде при наречении ребёнка его имя записывалось в арабской графике, а в XX веке, при замене арабского алфавита у татар сначала на латиницу, а потом на кириллицу, произошли массовые искажения имён и фамилий. Так, например, от Наджмуддина пошли не только Нежметдиновы, но Няжметдиновы и Нежеметдиновы.

Сам Абдулла-хазрат был женат на Гафифьябану-абыстай, дочери его близкого друга, муллы из Касимова Фаттахуддина Баширова. Последний, в свою очередь, женился на сестре Абдуллы – Шамси-мунавара. Впрочем, у красноостровцев и их земляков из других сёл и деревень существовали давние исторические связи с касимовцами. Это касалось не только массовых перемещений служилых татар, но и конкретно отдельных семей. К примеру, Алтынбаевы (не они ли были потомками легендарного Табакая?) вообще переехали из Красного Острова в Касимов. А мой прапрапрадед Абдуллах (по прозвищу «Атюс») служил там муллой, но мы не знаем, был ли он родом из Касимова или же уезжал туда на время из Красного Острова. Сваты от Нежметдиновых пожаловали и в соседнее село Сафаджай, где их выбор пал на Хадичу Сулейманову, сестру моей бабушки по материнской линии. Жениха звали или Абдулхаем или Абдулханом, но это нам точно неизвестно, также как и то, кому и кем он приходился. Кстати, одну из трёх жён Аймаль-хазрата тоже звали Хадича. Ещё одна из сестёр Абдуллы Нежметдинова была выдана замуж за Шакира Ильясова, отца Шахимардана и Мустафы Ильясовых из Татарского Маклакова, о которых говорилось выше.

Имамами 1-й красноостровской мечети, где ранее служил Абдулла-хазрат Нежметдинов, были также его младшие братья Ахмадулла или Ахмадзияуддин (Ахмет-мулла), который был репрессирован и расстрелян в 1937 году, и Шамсуддин (Шамин).

Между тем в начале XX века в татарских деревнях Нижегородской и Симбирской губерний сложилась деликатная ситуация. Крестьянская реформа 1861 года стимулировала развитие хозяйства, а крестьяне получили гораздо больше возможностей для других занятий, включая отходничество. Росло благосостояние и татарских крестьян: возводились не только мечети, но также сооружались

новые хозяйственные предприятия для переработки сельскохозяйственной продукции. Авторы одного из исследований о татарской Нижегородчине пишут, что «в Красном Острове насчитывалось около 1000 хозяйств и до 5000 тысяч жителей. Можно отметить наличие зажиточного (торгового) слоя. Так, к 1917 году в селе проживало 18 купцов, двое из которых имели капитал до 100 тысяч рублей. По их инициативе было создано и функционировало «Ссудно-сберегательное товарищество» во главе с купцом и муллой. 60 дворов имели купчую землю, приобретённую через крестьянский поземельный банк, от 10 десятин на хозяйство и больше... Жители обрабатывали землю площадью в 3451,5 десятины. Действовало шесть ветряных мельниц»¹¹. А Мансур Хафизов, автор первой современной книги о своих земляках-нижегородцах, подчёркивает роль родного села в общей системе почтовой связи: «Почтовая станция была расположена, например, в селе Красный Остров на большой дороге Курмыш – Пильна – Красный Остров – Поречье – Алатырь – Симбирск, которая обслуживала соседние татарские и русские сёла»¹².

В селе ставились новые дома и росли семьи, но в определённый момент люди стали ощущать нехватку земли. Одной из жертв сложившейся социально-экономической ситуации стал один из младших сыновей Аймалетдина Нежметдинова – Гибадулла (Гибят), который испытывал недостаток средств существования. Несмотря на то, что у большого семейства Нежметдиновых было крепкое хозяйство, Гибадулла почувствовал себя обделённым, да к тому же, видимо, не обошлось без семейных неурядиц. К тому времени он уже обзавёлся семьёй, а 15 декабря 1901 года у Гибадуллы и его жены Бибисары родился сын Габдулкави (Кави).

Писатель Кави Наджми

Разумеется, я расспрашивал о нём и наших родственников из Красного Острова, которые знали его ещё молодым. Но информация

¹¹ Сенюткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. История нижегородских мусульманских общин Нижегородской области. Н. Новгород, 1998. С. 209.

¹² Хафизов М.З. Нижегородские татары. Н. Новгород, 1998. С. 39.

здесь оказалась довольно лаконичной. Дело в том, что родители Кави, не имея достаточных средств, в 1903 году были вынуждены покинуть родную деревню, и в поисках работы с маленьким Кави на руках они исколесили полстраны. Наконец семья обосновалась в казахском Актюбинске, но и здесь их не оставляла нужда. К тому же у супругов появились дочь Ламигя и сыновья Рашид и Талгат. Но в начале 1917 года семью настигла страшная беда: заболели и умерли сначала мать, а потом отец, и осиротевшие дети остались на руках 15-летнего старшего брата Кави, учившегося в местной русско-татарской школе. Он решил во что бы то ни стало вернуться в родные края и сделал почти невозможное. Соседи и друзья его родителей снабдили сирот кое-какими средствами, и Кави с братьями и сестрёнкой отправились в далёкий путь, пересаживаясь с поезда на поезд и пользуясь помощью сердобольных попутчиков. Так они добрались до Красного Острова, где их приютил младший брат отца Ярулла. Однако жизнь в деревне в ту пору была непростой. Как вспоминала одна из наших тётушек, Кави уже в молодости отличался неуёмной тягой к знаниям, и его часто можно было видеть идущим по улице и читающим книгу. И, по её словам, имя "Кави" получило символический смысл: так называли тех юных красноостровцев, кто был особенно дружен с книгой. На книги уходили и те скромные средства, которыми мог располагать тогда молодой Кави. Когда кто-то из родственников выражал желание помочь ему, то следовал, как правило, ответ: «Только не деньгами, потому что я всё равно куплю на них книги».

Время, насыщенное военными и революционными событиями, было сложное и тревожное, а чтобы не обременять родственников, юный Кави стал работать учителем в местной школе. Любовь к литературе оказалась настолько сильной, что он даже начал выпускать рукописный литературно-художественный журнал на татарском языке под названием «Наше творчество». Затем его послали на педагогические курсы в Симбирск, а в конце 1919 года Кави, забрав с собой сестру Лямигу и брата Талгата, переезжает в Казань. Здесь он вступает в ряды Красной армии, попадает в Татарский запасный батальон, и его направляют на Украину на борьбу с оставшимися махновскими отрядами. В 1924 году его рекомендовали на учёбу в Московский военно-педагогический институт, а после возвращения в

Казань назначили комиссаром Татаро-башкирской школы и редактором татарской газеты «Красноармеец». Но, как справедливо отмечает главный редактор современного журнала «Татарстан» Рифат Фаттахов, «военная служба Кави Наджми – тема совершенно неизученная», а помимо всего прочего он был составителем и одним из авторов «своеобразной исторической энциклопедии» – уникальной книги «Татары и башкиры в Красной Армии»¹³.

В Казани Наджми пробует свои силы в литературе, дружит и сотрудничает с молодыми татарскими писателями и поэтами (Хади Такташ, Хасан Туфан, Адель Кутуй, Гумер Тулумбай), и однажды на вечере, устроенном на татарском факультете Казанского университета, он встречает свою единственную любовь. Это была Сарвар Адгамова (1901–1979), дочь муллы из уральского города Троицка, приехавшая в Казань для продолжения учёбы. Она стала и его коллегой по литературному делу. Писательница и переводчица, Адгамова оставила своё имя в прекрасных переводах произведений Пушкина, Толстого, Чехова, Горького, а также иностранных авторов – Дефо, Свифта, братьев Гримм. Ею же был переведён с казахского языка известный роман Мухтара Ауэзова «Абай».

В 20-е годы Кави Наджми опубликовал первые сборники стихов и поэм на татарском языке: «Оермяляр» («Вихри»), повести «Шобага» («Жребий»), «Яр буенда учаклар» («Прибрежные костры»), «Якты сукмак» («Светлая тропа»). В них в художественной форме отражены те события, которые происходили тогда в стране. Молодой писатель и поэт не остался в стороне и от тогдашней литературной моды, увлекшись, в частности, «имажинизмом» – известным течением в литературной жизни 20-х годов, последователи которого особое значение придавали образности. Известно, что к имажинизму тяготел и один из лучших русских поэтов Константин Есенин, имя которого, по воле Бухарина, было надолго предано забвению.

Наджми и Адгамова продолжали активно участвовать в литературной жизни столицы Татарстана, и в Москве заметили стихи и прозу талантливого писателя и поэта. В 1934 году он был приглашён на

¹³ Фаттахов Р.А. Кави Наджми: Личность и эпоха // Татарстан, 2001. № 10; О Кави Наджми см. также: Нежметдинов Т.К. Моя родословная // Течения и водовороты жизни. Казань, 2000. № 10.

Первый съезд советских писателей, где выступил с докладом о татарской литературе, встречался с Горьким, Фадеевым, Шолоховым и другими писателями. В том же году Кави Наджми стал председателем Союза писателей Татарстана. Этот выбор не был случайным, поскольку практически он являлся лидером среди своих татарских собратьев по перу, а это были Хасан Туфан, Галимджан Нигмати, Гумер Гали, Шараф Камал, Карим Тинчурин, Фатых Карим. К тому же Кави Наджми оставался наиболее близким человеком классику татарской литературы Галимжану Ибрагимову.

В целом 30-е годы в жизни Наджми отмечены событиями совершенно разного характера. В 33 года он возглавил Союз писателей Татарстана, когда в татарской литературе было много других известных имён. Конечно, свою роль сыграло не только творчество писателя, но и его организаторские способности. Ещё в 20-е годы он участвовал в работе разных кружков и объединений, а в 1933–1935 гг. являлся главным редактором ведущего литературного журнала Татарстана.

Но в 1937 году он, а затем и его жена были арестованы. Относительно ареста писателя и его пребывания в застенках до 1939 года существуют разные мнения, порой и недоброжелательные. Известно, что он подвергался пыткам, а всю правду об этом трагическом периоде его жизни могут поведать лишь те, кто хорошо знаком с материалами «дела Кави Наджми».

Однако пытки и репрессии не сломили его дух. В годы Отечественной войны он продолжает в поэзии патриотическую тему (сборник «В атаку!»), пишет о женщинах, любви, их роли в жизни общества (поэмы «Хаят апа», «Фарида»). В 1947 году писатель возвращается к руководству журналом «Советская литература» на татарском языке. В 1949 году публикуют его роман «Весенние ветры» («Язгы жилляр»), который вскоре был переведён на русский язык, а потом ещё на 25 языков мира, и в 1951 году Кави Наджми за этот роман был удостоен Сталинской премии.

Кроме того, он активно занимался общественной деятельностью, и в течение последних десяти лет жизни, в 1947-1957 гг. являлся депутатом Верховного Совета Татарской автономной Республики. Но перенесённые во второй половине 30-х годов невзгоды сказались на его здоровье, сердце не выдержало, и 24 марта 1957 года он умер, едва перешагнув 55-летний рубеж.

Наджми жил и работал в непростое время в рамках существовавшей системы, когда литература связывалась с понятием «соц-реализма». В своих произведениях он отражал личный опыт и реальности окружавшей его жизни, и в этом смысле они имеют непреходящее значение подлинного документа эпохи. На юбилейных торжествах в Казани, посвящённых его столетию, Кави Наджми был назван классиком татарской литературы.

Рашид Нежметдинов

Любопытно, что Рашид родился тоже 15 декабря, но одиннадцатью годами позже старшего брата Кави, в 1912 году. Это произошло в Актюбинске, куда семья Гибадуллы и Бибисары Нежметдиновых попала после долгих мытарств по стране. После смерти родителей на попечении у Кави оказались 9-летняя сестрёнка Ламигя, 3-летний Рашид и годовалый Талгат. Выше мы рассказывали об их долгой и трудной дороге в Красный Остров, где Кави провёл два года, а затем перевёз в Казань Ламигу и Рашида.

Здесь впервые 11-летний Рашид увидел игру в шахматы. Она его захватила, и он, внимательно следя за тем, как играли другие, самостоятельно освоил её. Наконец он сам сел за доску и вскоре, к удивлению многих, стал обыгрывать не только сверстников, но и взрослых. Вначале, будучи незнакомым с теорией, Рашид играл по наитию, но позднее вникнул в тонкости шахматной игры и вышел на ведущие позиции в Казани. В 1927 году юный Нежметдинов стал чемпионом города среди школьников, выиграв все 15 партий. Тогда же он увлёкся шашками и в следующем году прекрасно выступил в региональном турнире по этой игре. В результате «вундеркинд» из Казани был направлен в Москву, где открывался чемпионат РСФСР.

30-е годы во многом были трагическими для Нежметдиновых. Кави Наджми и его жена подверглись необоснованным репрессиям. Был вынужден скрываться от властей их единственный сын Тансык. Нетрудно понять, в каком психологическом состоянии находился и Рашид Нежметдинов, вынужденный уехать на какое-то время в Одессу.

От стресса спасали всё те же шахматы и шашки. Он играл и занимал различные места в турнирной таблице, и в 1939 году ему наконец удалось стать первым – выиграть Всесоюзный турнир I

категории и стать кандидатом в мастера по шахматам. К этой победе прибавилось радостное событие в семье Нежметдиновых, когда были освобождены Кави Наджми, а затем и Сарвар Адгамова. В следующем году Рашид закончил физико-математический факультет Казанского педагогического училища, а вскоре был призван в армию. На долгие годы красноармеец Нежметдинов расстался с активной игрой, и лишь после войны, оказавшись в Берлине, он выиграл армейский турнир, организованный советской военной администрацией.

В 1947 году Рашид Нежметдинов вернулся в Казань и поселился сначала в семье старшего брата Кави Наджми. Теперь 35-летний Нежметдинов мог полностью посвятить себя шахматам и шашкам. Он стал выступать настолько сильно и уверенно, что через два-три года добился звания международного мастера в обоих видах. Это своеобразный рекорд, не побитый до сих пор. Особенно успешно для казанского мастера сложился 1950 год, когда он занял второе место по шашкам в чемпионате России, а по шахматам впервые завоевал звание чемпиона РСФСР, затем повторив этот успех ещё четырежды. Пришло и семейное счастье, а его сын Искандер продолжает ныне творческие традиции отца, но уже в области прикладной математики в США.

50-е годы были наиболее яркими в спортивной и творческой биографии Нежметдинова. Он главным образом сосредоточился теперь на шахматах, шаг за шагом поднимаясь к вершинам шахматного искусства. Играл в международных турнирах, участвовал в первенствах СССР. Так, в чемпионате страны 1954 года, проходившем в Киеве, Нежметдинов набрал 10 очков из 19, поделив 7–9 места в борьбе с известными гроссмейстерами и мастерами. Многим из нас запомнилось его участие в чемпионате страны 1957 года, поскольку он проходил в Москве, в Центральном Доме железнодорожника, и мы ходили туда «на Нежметдинова». И не столько потому, что он наш земляк, но прежде всего из-за его ярчайшей игры. Хотя в турнире он и не занял высокого места, большинство зрителей следило именно за его игрой. А когда он встречался с Талем и другими шахматистами яркого и остро атакующего стиля, то к столикам, где разбивались эти партии, невозможно было пробиться.

В книге Я.В. Дамского «Рашид Нежметдинов» приводится такое мнение чемпиона мира по шахматам Михаила Таля: «Удивительно творческий подход отличал Нежметдинова. Он мог играть спокойно, мог остро, но всегда это было интересно, очень самобытно. Требовалось... лишь одно: чтобы позиция привлекала его. И тогда он сражался и анализировал поистине вдохновенно. Могу об этом судить на основании опыта наших встреч. Мы сыграли с Рашидом Гибятовичем четыре партии, но, честно говоря, должен был проиграть и четвёртую. И каждая проигранная, как ни парадоксально это звучит, доставила мне немало удовольствия. Отсюда понятно, почему перед матчем на первенство мира с Михаилом Моисеевичем Ботвинником в 1960 году я попросил Нежметдинова, с которым меня связывали тёплые дружеские отношения, помочь мне в подготовке. И считаю этот свой «ход» удивительно удачным... Его партии раскрывают красоту шахмат, заставляют любить в шахматах не только и не столько очки и занятые места, сколько удивительную гармонию и изящество этого особого мира»¹⁴.

Действительно, Рашида Нежметдинова отличала прежде всего красивая игра, доставлявшая эстетическое наслаждение любителям шахмат. Как правило, на многих сыгранных им турнирах он получал специальный приз за самую красивую партию, даже если по спортивным результатам Нежметдинов оказывался иной раз в середине или даже в конце турнирной таблицы. Напомним, что он пять раз становился чемпионом РСФСР, четырежды получал серебряные медали и один раз – бронзовую, а также дважды был чемпионом СССР, выступая в командном первенстве страны в составе россиян.

Он ярко проявил себя не только как игрок, но и как тренер. В этом качестве Нежметдинов возглавлял разные коллективы, но наиболее весомых результатов добился, будучи наставником команды Российской Федерации. Возглавляемая им сборная России пять раз выигрывала звание чемпионов страны и Спартакиад в командном зачёте, а четыре раза на всесоюзной арене побеждала юношеская команда,

¹⁴ Дамский Я.В. Рашид Нежметдинов. М., 1987. С. 5. О Р. Нежметдинове см. также: Дамский Я.В. Рашид Нежметдинов (На тат. яз.). Казань, 2002; Баутдинов Г.А. Эталон шахматной красоты // Татарские новости, 2002. № 11/12; Он же. Рыцарь атаки // 64 – Шахматное обозрение, 2003. № 2.

которую тренировал Рашид Нежметдинов, получивший в 1962 году почётное звание «Заслуженный тренер СССР». Он многое сделал для популяризации шахмат и на татарском языке написал книги «Игра в шахматы» и «Избранные партии». Он неустанно работал над воспитанием юных талантов в Татарстане, а в Казани добился открытия шахматной Школы высшего спортивного мастерства, воспитанники которой уже прославили Татарстан и на международной арене.

Теперь ежегодно в столице Республики проводятся турниры имени Рашида Нежметдинова среди команд шахматных школ России. Шахматы преподаются в двух тысячах школ Татарстана, а в качестве учебного пособия рекомендована также книга его казанского ученика Якова Дамского «Рашид Нежметдинов», переведённая и на татарский язык. Шахматно-шашечные турниры имени Нежметдинова проводятся и в селе Красный Остров, на родине его предков.

Талгат Сатдинов: сапёр на фронте, инженер в театре

Мы рассказали о писателе Кави Наджми и его брате, шахматисте и шашисте Рашиде Нежметдинове, у которых были сестра Ламигя и брат Талгат (1915–2001), удивительная судьба которого заслуживает отдельного рассказа.

После возвращения четверых сирот в Красный Остров старший Кави перевёз в Казань Ламигу и Рашида. Он не смог взять с собой малыша Талгата, который был отдан в детский дом соседнего села Петряксы. О том, что было дальше, мне рассказала живущая в Москве Алсу-ханум, дочь Талгат-абыя¹⁵:

– Действительно, положение тогда было не из лёгких, – говорит она. – Но моему папе повезло, ибо тогда его, симпатичного и кудрявенького мальчишку трёх лет, заметила в детдоме бездетная супружеская пара Сатдиновых и усыновила его. Он рос в семье приёмных родителей, помогая им по хозяйству, ухаживая за скотиной и птицей. Учиться ходил в местное медресе, где изучал основы мусульманской религии и арабский язык (в те годы здесь жил и преподавал известный исламский богослов Хамидулла-хазрат Альмушев). Папа был очень одарён в музыкальном отношении и рано научился

¹⁵ Баутдинов Г.А. Судьба Талгата Сатдинова // Татарские новости, 2003. № 5.

играть на гармонии. Причём, настолько искусно, что его, ещё мальчишка, приглашали играть даже на свадьбах. Потом он рассказывал нам, как его возили в свадебном кортеже на тарантасе, запряжённом разукрашенными конями. И был страшно горд, когда приносил домой свои первые заработки. Ведь на татарских свадьбах было принято пускать поднос по кругу «для гармониста».

– Но как он оказался в Москве?

– Когда жизнь в деревне стала ещё более трудной, глава семьи Сатдиновых Атходжа (Атнаходжа)-абый в поисках работы отправился в Москву. Устроившись здесь, он вызвал к себе приёмного 13-летнего сына. В поезде, на котором он ехал в столицу, совершенно случайно произошла его встреча с 16-летним юношей из Казани. К великому изумлению обоих ребят, они оказались братьями. А казанцем был Рашид Нежметдинов, который направлялся в столицу для участия в чемпионате РСФСР по шашкам. С тех пор Рашид-абый стал желанным гостем у нас дома в Москве.

Когда папа приехал к Атходже-абыю, он поступил учиться и закончил семилетку в русско-татарской школе, которая размещалась в двухэтажном здании на Елоховской площади, рядом с Богоявленским собором.

После школы он стал работать, освоив профессию токаря, достиг высокой квалификации и был назначен начальником цеха на заводе «Москабель». Но он увлекался многими другими вещами. Его беспокойная душа словно стремилась раздвинуть границы человеческого бытия. Так, он научился летать на планере, и в свободное время мчался на аэродром в Тушино. Папу манила и другая стихия – глубины Москвы-реки, ставшей полноводной после завершения строительства канала Москва-Волга в 1937 году. Он освоил профессию водолаза, и его привлекали к ответственным работам на речном дне.

Тогда же, в 30-е годы папа встретился с моей будущей мамой, Махтимой Сайфулловой из мишарей Ульяновской области, и вместе они прожили почти 60 лет. Нас у родителей было четверо, но мой старший братик умер ещё в детстве, а две младшие сестрёнки погибли в молодые годы.

– А как Талгат-абый попал на фронт?

– Поскольку он работал на важном промышленном предприятии, его вначале оставили там по брони. В армию папа был призван в

следующем году. Я не специалист в военных вопросах и не могу оперировать нужными терминами и данными фронтовых сводок. Поэтому скажу лишь о том, что запомнила из его рассказов. После призыва он попал в те части, которые сражались на центральных фронтах. Он был зачислен в сапёры, став затем командиром сапёрного взвода в чине старшего сержанта. Прошёл или, может быть, образно сказать, «прополз» через поля многих кровавых сражений. В воспоминаниях отца назывались Брянск, Курская дуга, Прохоровка, реки Днепр и Сож, Белорусский фронт, и другие названия. Особое впечатление производили его рассказы о том, чем занимались сапёры: это разминирование местности, устройство проходов на минных полях и в проводочных заграждениях противника, наведение понтонов, организация переправ через водные рубежи... Словом, всё то, что должно было способствовать решению боевых задач. Отец рассказывал и о тех неисчислимых разрушениях, которые оставляли после себя гитлеровские войска. Именно тогда, подчёркивал он, когда, казалось, человек уже потерял веру во что-то светлое, он обратил свои помыслы к великому Аллаху, вспомнив всё то, чему обучался ещё в детстве в Петряксах. И Всевышний не покинул его: хотя отец получил на фронте несколько ранений, он прожил почти 86 лет.

Особенно сложно пришлось ему и его товарищам при проведении Брянской операции и форсировании реки Сож, левого притока Днепра. Тогда как раз и отличились сапёры Талгата Сатдинова, обеспечившие переправу в необыкновенно трудных условиях. И здесь очень пригодилась папе профессия водолаза. Ведь на переправе, как рассказывал потом он сам, случалось всякое: под воду уходили и люди, и техника. Встретившийся с сапёрами важный армейский генерал пообещал представить наиболее отличившихся из них к званию Героя Советского Союза. Но вскоре генерал погиб, и его обещания остались невыполненными. Тем не менее папа был удостоен ордена Красной Звезды, а позже орденов Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, а из других наград он особенно дорожил медалью «За отвагу», которая имела особую значимость среди фронтовиков. Но здесь же, при Соже, отец получил очередную, но очень тяжёлую рану, из-за которой он много месяцев провёл в госпиталях. Хорошо ещё, что одна замечательная женщина-хирург сумела спасти ему руку, но у него ещё были раны на обеих ногах. Тем не менее после

госпиталя он опять отправился на передовую, на этот раз попав на Белорусский фронт к Рокоссовскому. Это был уже 1944 год. На страдания хромящего солдата не могли не обратить внимания, и вновь папу отправили в госпиталь. Но на этот раз, к счастью, он оказался почти рядом с нами – в подмосковном Голицыне (здесь, в бывшей усадьбе князей Голицыных во время войны размещался фронтовой эвакуационный госпиталь). Он даже как-то вырвался оттуда и приехал к нам в Москву, а потом уже мы поехали навестить его.

– Что ещё Вы помните из тех военных лет?

– Хотя тогда я была совсем маленькой девочкой, детская память чётко сохранила наиболее яркие моменты. Такими были, конечно, встречи с отцом, а также различные эпизоды из жизни военной Москвы и нашей семьи. Моя мать, имея на руках двух маленьких дочерей, работала швейей и вдобавок сдавала кровь в качестве донора, за что получала дополнительные талоны на питание и одежду. С нами жил также её отец, Сайфулла-бабай, который работал в системе противоздушной обороны города, и я вспоминаю, что он всё время ходил на гашение фугасов и других зажигательных средств. Не забыть также того, что мы видели на Садовом кольце. Тогда мы жили рядом, на улице Казакова, недалеко от Курского вокзала, и я хорошо помню, как по Садовому кольцу вели огромные колонны немецких военнопленных.

Однако самые яркие впечатления в моей жизни связаны с Днём Победы. Мы уже с утра слышали об этой радостной весте, и я вместе с несколькими подружками пошла на этот праздник. Нас поразило огромное число людей, устремившихся к центру города, на Красную площадь, к Кремлю. Мы тоже пошли с ними. Это было незабываемо: со всех сторон слышались оживлённые разговоры, играла музыка, то здесь, то там раздавались звуки гармони, возникали импровизированные пляски и танцы. И среди этого всеобщего ликования мы не заметили, как на город опустился вечер, который добавил новые краски празднику. На небе началась разноцветная игра прожекторов, а затем оно осветилось яркими огнями праздничного салюта. Всё это настолько поразило нас, девочек, что мы забыли всё на свете и опомнились только тогда, когда забрезжило утро. Мы поспешили домой, и можно себе представить, как переволновались мои мама и дедушка, разыскивавшие меня ещё с вечера.

– А где в это время находился Талгат-абый?

– День Победы он вынужден был встретить всё в том же госпитале в Голицыне. Вскоре его выписали, но он ещё долго лечился от последствий фронтовых ранений. Однако папа не сидел без дела. Вместе с другими инвалидами войны он стал работать в одной из мастерских, производивших различные бытовые предметы. Но его неумная натура требовала чего-то другого, более сложного. Папа прошёл какие-то технические курсы, а поскольку он очень хорошо разбирался в чертежах, то вскоре устроился работать инженером. Начал в Моссовете, а затем связал всю оставшуюся жизнь с работой в театре. Первым его театром стал МХАТ, но вскоре он перешёл в Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, в штате которого состоял полвека!

– В чём заключалась его работа?

– Он был главным инженером театра, а это значит, что в его руках находилось всё сложное театральное хозяйство. Хотя оно как бы незаметно постороннему глазу, но без слаженной работы этого механизма невозможна постановка любого спектакля, будь-то опера или балет. Папу очень уважали там, и казалось, что без его участия театр не мог просто существовать. Впрочем, я сама видела это отношение к нему в театре, где побывала почти на всех спектаклях. На его сцене выступали замечательные артисты, такие как певцы Канделаки, Мокеев, Юдина, солисты балета Бовт, Власова, Дроздова, Сорокина, Тедеев, Крапивины, а за дирижёрским пультом стояли Абдуллаев, Китаенко... Всех и не перечислишь!

– С окончанием войны, видимо, вновь встретились и все братья?

– Да, конечно. Помню, как в 1946 году к нам приехал Рашид-абый, наш замечательный шахматист и шашист. Он тоже был призван на военную службу, которую проходил на Дальнем Востоке. А в конце войны его перевели в Германию, где он был назначен комендантом одного небольшого немецкого города, названия которого я, к сожалению, не помню. После демобилизации он пожил у нас какое-то время, а затем отправился в Казань, где нашёл приют и ласку в семье старшего брата, Кави-абыйа и Саняя-апы. Конечно же, братья виделись каждый раз, когда бывали в Москве. Рашид-абый приезжал на турниры, а Кави-абый – по литературным и общественным делам: ведь он являлся также депутатом Верховного Совета Татарстана!

Особенно запомнился приезд Кави-абыя после присуждения ему Сталинской премии за роман «Весенние ветры». Это неординарное событие мы отмечали все вместе.

Говоря «мы», я хочу вспомнить и о покойной Ламигя-апа (1907–1956), единственной сестре трёх братьев. Она ещё до войны вышла замуж и переехала из Казани в Москву. Всю жизнь, в том числе в годы войны, она проработала на Московском авиадвигательном заводе, вырастив троих детей. Братья относились к ней с огромным уважением и старались помочь, как могли.

– Расскажите немного о себе.

– Я окончила экономико-статистический институт и поступила работать по специальности. Вышла замуж, родила дочь и теперь воспитываю уже внуков. Но память часто возвращается к образам трёх замечательных братьев из рода Нежметдиновых, этих неординарных личностей, которые были наделены разносторонними талантами и оставили яркий след в жизни нашего поколения.

Тансык Нежметдинов, учёный

Как мы уже рассказывали, после переезда в Казань Кави Наджми приобщился к литературе, стал писать, завёл знакомства в литературной среде, посещал всевозможные кружки, где и познакомился со своей будущей женой Сарвар Адгамовой. 30 марта 1927 года у молодых родился сын Тансык. Казалось, всё складывалось у них замечательно. К тому же молодой Наджми стал руководителем Союза татарских писателей.

Но в 1937 году по ложному обвинению в июле был арестован Кави Наджми, а спустя полгода арестовали его жену. Его содержали в полной изоляции в казанской тюрьме, а Сарвар была сослана в один из лагерей в Сибири. Этому периоду их жизни свою документальную книгу «Свет негасимой любви» посвятил Тансык Нежметдинов, которую он написал вместе со своей супругой Санией Ахтямовой¹⁶.

Юного Тансыка взяли в один день с матерью, 4 января 1938 года, и направили как «беспризорника» и «сына врагов народа» в Ирбитскую детскую колонию на Урале. Но ему удалось бежать, и мальчик затем скрывался у родственников. Лишь после возвраще-

¹⁶ Баутдинов Г.А. Свет негасимой любви // Татарские новости, 2006. № 3.

ния из тюрьмы прежде отца, а затем матери из Сиблага в конце 1940 года жизнь в семье стала налаживаться, однако вскоре грянула война. В эти годы молодой Тансык Нежметдинов работал на оборонных предприятиях Казани, а в 1943 году стал курсантом парашютно-планёрной школы.

В это время Кави Наджми весь свой писательский и публицистический талант отдаёт делу борьбы с врагом. Он писал статьи для центральной и республиканской прессы, патриотические стихи и выступления на радио, а некоторые из этих материалов были использованы в листовках, которые разбрасывались на территориях, оккупированных гитлеровцами. Как отмечает Тансык Нежметдинов, в годы войны его отец был одним из организаторов подготовки и издания «Книги героев», посвящённой татарам, сражавшимся на фронтах Великой Отечественной войны. Причём самую высокую оценку героизму воинов-татар в ней дали видные советские военачальники, в том числе Маршалы Жуков, Рокоссовский, Конев. И Нежметдинов подчёркивает, что с фактом появления такой книги не могла не считаться верховная власть. Ведь в 1944 году была осуществлена депортация крымских татар, и слово «татарин» вызывало у некоторых начальников неоднозначную реакцию. В том же 1944 году было принято печально известное постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». В результате история татарского народа подверглась дальнейшему извращению.

«Долгие годы, – писал Тансык Нежметдинов, – отец боролся за реабилитацию светлого имени Мусы Джалиля – в 1940-е и начале 1950-х, когда существовал запрет даже на упоминание в печати имени этого «изменника Родины». В эти годы отец обращается в президиум Верховного Совета СССР и ЦК партии с доказательствами преданности поэта Родине и в 1948 году, будучи редактором журнала «Совет эдэбияте», публикует статью М. Файзуллиной о Мусе Джалиле. При поддержке Фадеева отцу удалось добиться истины, подвиг Джалиля и его соратников по подпольной борьбе против гитлеровцев стал известен миру. Мусе Джалилю было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а затем, тоже посмертно, ему присудили и Ленинскую премию по литературе. Это уникальный

случай в нашей стране, когда две такие награды оказались объединёнными под одним именем.

А когда-то, ещё в тюрьме, отец боролся за оправдание и освобождение Фатыха Карима, известного поэта и близкого его друга. Кави Наджми писал о его невиновности в высшие судебные инстанции страны. И после своего освобождения отец вместе с генералом Чанышевым добился оправдания и освобождения Карима»¹⁷.

Между тем жизнь сына Кави Наджми шла своим чередом. В 1946–52 гг. он служил в армии. Вернувшись домой, женился на красавице Сание Ахтямовой и поступил учиться в Казанский университет. В отличие от отца-гуманитария, Тансык Нежметдинов выбрал точные науки и специализировался в области радиофизики. Окончив университет, он стал преподавать в нём, был доцентом, заведующим кафедрой радиофизики, деканом спецфакультета по переподготовке кадров по новым перспективным направлениям науки, техники и технологии, руководителем научного направления «Теория и методы выбора оптимальных инженерных решений». Защитил диссертацию на соискание звания кандидата физико-математических наук и подготовил докторскую диссертацию. Однако чьё-то вмешательство помешало перспективному учёному.

Но это его не остановило, и он продолжал активно работать, был избран членом научных советов АН СССР по проблемам «Статистическая радиофизика» и «Кибернетика» и членом межведомственного координационного совета Президиума Совета Министров СССР «Моделирование крупномасштабных народнохозяйственных и оборонных систем». С 1961 год по 1991 являлся научным руководителем НИОКР для оборонной промышленности. В 1995–98 гг. Тансык Нежметдинов работал советником генерального директора Департамента промышленности Республики Татарстан. Он является автором четырёх монографий, 30 научно-технических изобретений, более 200 научных статей. Подготовил пятнадцать кандидатов наук, пять докторов наук и двух академиков. В 1996 году Т.К. Нежметдинов был избран членом-корреспондентом Международной академии информатизации и членом Международного информационно-экологического парламента Организации Объединённых Наций. Дважды он

¹⁷ Нежметдинов Т.К. Указ соч.

избирался депутатом Советского райсовета Казани. Обо всём этом говорится в посвящённой ему статье, которая была опубликована в «Биобиблиографическом словаре», изданном в 2004 году к 200-летию Казанского университета¹⁸.

Тансык Нежметдинов вместе с супругой Санией-ханум вёл большую работу по пропаганде литературного творчества и общественной деятельности своих родителей. Его статьи и воспоминания, которые публиковались в разных изданиях, позволяют узнать многое из того, что прежде замалчивалось. Мы имели возможность приветствовать Тансык-абыя и его супругу в Москве, в Татарском культурном центре, в «Доме Асадуллаева», где проходил вечер, посвящённый 100-летию рождения Кави Наджми. Они побывали на родине писателя, в селе Красный Остров, где в семейной усадьбе Нежметдиновых открыт музей Кави Наджми.

Наши последние встречи с ним прошли уже в Казани. Я встретился с Тансык-абыем в конце 2007 года, когда приезжал туда в качестве делегата на IV Всемирный конгресс татар. Затем в феврале следующего года побывал у него в гостях в составе делегации «Землячества нижегородских татар» в Москве вместе с генералом Мансуром Хакимовым и директором медресе при Московской Соборной мечети Жафяром Фейзрахмановым. Нас очень тепло приняли у себя дома Тансык-абый и Сания-апа, их дочери Гузель и Фарида, занимающиеся наукой и иностранными языками. А в Казанском государственном университете мы присутствовали на церемонии вручения ему ордена М.В.Ломоносова. Но спустя месяц из Казани пришла печальная весть, что Тансык-абый Нежметдинов скончался, не дожив девяти дней до 81 года.

Мы уверены, что ещё не раз услышим о представителях славного рода Нежметдиновых, живущих и работающих в разных городах России.

Примечания

В устной и письменной традициях общения у татар соблюдается такая форма обращения или именованья, когда к имени добавляется

¹⁸ Казанский университет: 1804–2004: Биобиблиогр. словарь. Казань, 2004. Т. 3. С. 25–26, а также беседы автора с супругами Нежметдиновыми.

определение, обозначающее как уважение, так и степень родства. Приводим значение таких слов, встречающихся в тексте:

Абый – старший брат, дядя, обращение к старшему по возрасту мужчине.

Абыстай – обращение к старшей по возрасту женщине, к жене муллы, видного лица.

Апа – старшая сестра, тётя, обращение к старшей по возрасту женщине.

Бабай – дед, старик, обращение к мужчине пожилого возраста.

Мулла – мусульманский священнослужитель, стоящий во главе общины, настоятель мечети, глубокий знаток ислама.

Хазрат – титул, прибавляемый к именам пророков, святых, священнослужителей (в качестве синонима слова «мулла»).

Ханум – госпожа, дама, уважительное обращение к женщине.

Эби – бабушка, обращение к женщине пожилого возраста.

Эфенди – господин, уважительное обращение к мужчине.

СТАРОВЕРИЕ МЕЩЁРЫ

Выпуск 3

Сборник в сборнике

Главный редактор – С.С. Михайлов

С.С. Михайлов

**СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ХРАМ
ВО ИМЯ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА
В СЕЛЕНИИ УСТЬЯНОВЕ**

Никольский храм в Устьяннове. Современное фото.

В начале 2010-х гг. начался период столетних годовщин в истории старообрядческого храма Святителя Николы Чудотворца в селении Устьянново, которое расположено в южной части Гуслиц, рядом с границей Орехово-Зевского и Егорьевского районов. В 1911 году был освящен прежний деревянный храм, который оказался временным и просуществовал всего несколько лет. В 1914 году был заложен и начат строительством нынешний каменный храм. В 1917 году он был освящен. Последний факт весьма примечателен: во всей России в том году все походили с ума и творили революции, а в старообрядческом селении Устьянново жили спокойно и освящали новый храм.

Кто и когда первым назвал Гуслицы «Старообрядческой Палестиной», мы вряд ли когда-либо узнаем. Вплоть до начала XX столе-

тия такое определение края было настолько популярным, что мы встречаем его даже в антистарообрядческой миссионерской периодике¹. Возрождение этого определения произошло уже в наше время, но пока оно не стало таким же популярным как ранее.

Мы хотели бы рассмотреть историю устьяновского храма, начав ее, разумеется, с предыстории. Последней, без которой нельзя серьезно говорить о возникновении местного старообрядческого прихода, являются прошлое Троицкого Шувойского старообрядческого монастыря и история древнего Никольского прихода в селении Ащерино, от которого устьяновский храм унаследовал свое Никольское посвящение.

Троицкий Шувойский старообрядческий монастырь

Одним из старейших и важнейших духовных центров, которые в значительной степени повлияли на формирование гуслицкого староверия и на становление окрестных деревенских обществ, был Троицкий старообрядческий монастырь находившийся в лесу около деревни Шувое, в урочище Княжёво. Место это находится всего в нескольких километрах восточнее Устьяново и понятно имеет весьма непосредственное отношение к истории старообрядчества в последнем.

К сожалению, в силу отсутствия архивных документов узнать точный год основания этого монастыря и его пусть даже и относительно подробную историю. Еще в середине XX столетия в Шувое и окрестных селениях сохранялись предания о возникновении обители. Они были использованы анонимным автором при написании небольшой заметки о Шувое-Нареевском приходе в «Старообрядческом церковном календаре ан 1949 год». Согласно ней, сразу после раскола Русской Церкви патриархом Никоном, получается, что еще в середине XVII века, в это место бежали монахи нескольких московских монастырей, отказавшиеся принять никонианство. Они поставили в урочище «Княжёво» кельи, которые вскоре стали полноценным

¹ См. например: Письмо из Гуслиц // Братское слово. М., 1914. № 15. С. 417.

старообрядческим монастырем. Обитель была посвящена Святой Троице, что повлияло и на посвящение старообрядческих общественных моленных в соседних деревнях Шувое и Нареево, жители которых находились в тесном общении в иноками. Число братии в Троицком Шувойском монастыре в лучшие времена достигало пятидесяти человек². Возможно, что первые здешние иноки-старообрядцы происходили из столичных Богоявленского и Чудова монастырей, владения которых находились в этих краях. Иначе, как эти иноки могли выбрать именно Гуслицы и именно лес рядом с Шувое? Находившийся в московском Кремле мужской Чудов монастырь владел располагавшейся рядом с Гуслицкой Высоцкой волостью. Ее земли начинались уже за полями шувойских крестьян. В следующей главке, когда мы будем рассказывать про древний храм в селении Ащерино, увидим, что данный населенный пункт был владением московского мужского Богоявленского монастыря в Китай-городе. Таким образом, не принявшие никоновых новин члены братий этих обителей знали дорогу в этот край и, мало того, именно в этот уголок. Беженцев-инок здесь наверняка уже ждали местные крестьяне-старообрядцы, которые готовили надежное убежище.

К сожалению, предания не донесли до нас имена основателя и первых обитателей Шувойского монастыря. Далее, по сведениям автора упомянутой статьи в календаре мы узнаем, что эти иноки привезли с собой из Москвы походную церковь, которую установили в новой деревянной монастырской моленной. Службы проводились ежедневно, по строгому монастырскому уставу. Литургия служилась редко, только в дни посещения обители каким-либо старообрядческим священником. До 1840-х гг., когда была создана старообрядческая Белокриницкая иерархия, таких священников было очень мало и посетить монастырь они находили возможность не так уж и часто. Все делалось с соблюдением строжайшей тайны, во избежание обнаружения обители полицией и последующего разорения. Богослужбные книги и другие святыни по той же причине хранились по окрестным лесам, в специальной устроенных тайниках³.

² Приход Шувое-Нареево Московской области // Старообрядческий церковный календарь на 1949 год. М., б.г. С. 50.

³ Там же.

Монахи оказали весьма значительное влияние на жителей округа и благодаря им крестьяне оставались верными старой вере, развивали иконопись и книжное дело. По словам одного из исследователей культуры Русского Старообрядчества, который участвовал в большом числе экспедиций в Гуслицы во второй половине XX века, Л.А. Игошева, в Шувое еще в XIX столетии существовала своя школа иконописания, сохранявшая редкий стиль XVII века. В других местах Гуслиц иконы писали уже по иному. Но до XX столетия писание икон в Шувое и окрестных деревнях, включая и Устьяново, не сохранилось.

В Центральном Историческом Архиве Москвы нам удалось обнаружить несколько дел, которые были посвящены обители в Шувойском лесу. Подробно о них рассказывается в книге об истории Шувойского прихода, вышедшей в 2010 году⁴. Вкратце можно сказать, что то время, когда эти дела рассматривались властными структурами, 1840-х и 1870-х гг., на месте прежде многолюдного монастыря было небольшое иноческое поселение, которое можно назвать не столько монастырем, сколько небольшим скитом. В кельях полиция находила всего трех (в начале 1840-х гг.) и пятерых (в 1870-х гг.) обитателей. Но при этом, особенно во втором случае, они происходили не только из Гуслиц, но и из других сравнительно далеких от края регионов. При этом на территории скитского поселения было относительно большое кладбище⁵.

Про старообрядческую обитель до сих пор хорошо помнят старожилы поселка Шувое (прежние деревни Шувое и Нареево). Некоторые из них рассказывают, как в детстве бывали в «Княжёво». В то время там проживали не только иноки-мужчины, но и инокини-женщины. Все обитатели обители были пожилого возраста и зачастую уходили в кельи на закате жизни, дабы замалывать и свои, и чужие грехи. При кельях было все то же старинное монашеское кладбище, пополнявшееся захоронениями новопреставленных подвижников. Монахи очень доброжелательно относились к приходящим к ним селянам-старообрядцам. В соседних деревнях всегда говорили, что если

⁴ См.: Шувойский старообрядческий монастырь // Михайлов С.С. История старообрядческого прихода в Шувое. М., 2010. Гл. II. С. 20–33.

⁵ Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 16. Оп. 109. Д. 235. Л. 1–12; Там же. Ф. 203. Оп. 349. Д. 6. Л. 1–38.

заблудился в лесу – иди на монастырь, там всегда помогут. Жители соседних деревень поддерживали монахов всем необходимым, поочередно кормили их. Те же, в свою очередь, как и в прежнее время, играли важную духовную роль в этом гуслицком уголке. Они молились за живых и усопших жителей деревень, отчитывали, беседовали с селянами на духовные темы. Закрыт монастырь, вернее остававшийся от него скит, властями не был. Старообрядцы надежно скрывали факт его нахождения рядом со своими деревнями от начальства. Где-то во второй половине 1940-х гг., в результате смерти последних обитателей этого святого места, жизнь на нем прекратилась. На кладбище деревни Шувое сохраняется могила инокини схимницы Назареты. На кресте, кроме числа и месяца ее кончины, нет более никакой информации. Возможно, что это и есть последняя насельница скита, которая умерла уже в деревне, почему и была погребена не в «Княжёво». Не исключено, однако, что Назарета всегда жила не в обители, а в Шувое. Нынешние старожилы уже ничего рассказать по этому поводу не могут.

Шувойский Троицкий монастырь был одним из нескольких духовных центров, вокруг которых сформировалось староверие «Старообрядческой Палестины» – Гуслиц. Он фактически является старейшим из известных и, если верить версии о его основании в середине XVII века, то и старейшим. Другие монастыри появились уже значительно позже, во второй половине XVIII севернее, в районе деревни Беливо. Селение же Устьяново с самого начала гуслицкого староверия находилось в зоне влияния именно Шувойского монастыря. Согласно сведениям старообрядческого журнала «Церковь» начала XX века, Устьяновский приход являлся одним из выделившихся из прихода Шувойского, который возник под влиянием упомянутого монастыря.

По рассказам старожилов, рядом с самим селением Устьяново, вплоть до начала XX столетия находилось небольшое мужское иноческое поселение. Но это не был монастырь и здесь проживало всего несколько иноков-старообрядцев. Их кельи находились у речки, возле деревенского конца под Цаплино и Юрятино. Старожилы деревни Устьяново рассказывали, что в кельях всегда горел огонек. Возможно, что этот маленький скит возник благодаря Шувойскому монастырю и первые подвижники пришли из него. В другой части Гуслиц, в районе знаменитого селения Беливо, выходцы из крупных

старообрядческих обителей основывали другие, дочерние монастыри. Точно так же могло произойти и здесь. Но более каких-либо подробностей о кельях возле Устьяново мы не знаем.

Однако, не взирая на весьма заметную роль Шувойской обители в становлении Устьяновского старообрядческого прихода, он имел и еще одну предысторию. Храмы-моленные в деревнях, которые непосредственно соседствовали с обителью – в Шувое и Нареево – истари имели с обителью одно посвящение во имя Живоначальной Троицы. Молитвенное же здание старообрядцев селения Устьяново всегда посвящалось Святителю Николе.

Древний Никольский храм в Ащерине

Все старообрядческие молитвенные здания в Устьяново истари были посвящены Святителю Николе. Никольскими также были и моленные в соседних деревнях Юрятино, Иванищево, Абрамовка. Но откуда здесь появилось это посвящение? В большинстве случаев было так, что старообрядцы посвящали свои моленные тому святому или празднику, которому был посвящен и древний дониконовский храм. Они как бы оспаривали у приверженцев официальной церкви право преемственности от древних престолов. Именно такой случай мы видим и в случае с Никольским посвящением в Устьяново.

В настоящее время в Гуслицах нет ни одного Никольского храма РПЦ. Однако в прошлом, в селении Ащерино, которое расположено недалеко от Устьяново, существовал древний храм во имя Святителя Николы. Вот что о нем писал в начале XX века священник господствующей церкви Н. Скворцов в своей книге «Уничтоженные в Богородском уезде церкви»:

«В Гуслицком приходе. В 4 верстах от церкви, есть сельцо Ащерино. Это – древнее село Ащерино-Захарьинское.

В 1492 году жена князя Ивана Васильевича с сыном своим Иваном Ивановичем отдала Богоявленскому монастырю село свое Захарьинское с лугами, и с лесами и со всеми угодьями, а дали то село по своему государе Иване Васильевиче и по своему сыне Михаиле Ивановиче. В 1512 году Василий Иоаннович несудимую грамоту утвердил за Богоявленским монастырем в Гуслице село

Захарьинское. В 1565 году оно было размежевано с землями великого князя. В 1594 году дьяком Иваном Максимовым построена здесь деревянная церковь во имя Николая чудотворца. В 1678 году в Ощерине числилось семь дворов крестьянских и бобыльских. По досмотру 1680 года оказалось, что «церковь ветха, попа нет; у той церкви близ кладбища построено 7 дворов крестьянских, пашни паханые и сенных покосов и лесу в длину на полторы версты, поперек на версту, и смежна та земля с государевою дворцовою, да Чудова монастыря деревни Семеновской с землями, а от Москвы та земля в 70 верстах, едучи по Касимовской дороге с Москвы на левой стороне с версту, промеж речек Гуслицы и Десны; а поселенные крестьяне сказали, поселены де они на той церковной земле издавна, а оброк платят в Богоявленский монастырь по 10 р. на год; а в близости та церковь и земля к церкви Илии пророка, что на речке Околице, в Гуслицкой волости». В 1704 году церковь Николая чудотворца стояла «без пения»... Позднейших сведений об этой церкви нет. На месте храма в Ащерине стоит деревянная часовня с колокольнею. В часовне есть старинный иконостас с царскими вратами, также древняя, уважаемая и раскольниками, икона Николы чудотворца, которая слывет по всему местному округу под именем «Николы Ащеринского».

Земля церковная, по отобрании у монастырей вотчин, поступила, вероятно, в казну вместе с монастырскою»⁶.

Этот материал дублирует и главка об Ащерине в известном труде знаменитых церковных историков Холмогоровых, из которых можно добавить, что в 1678 году, в упомянутых семи крестьянских и бобыльских дворах проживало 28 человек, а в 1704 году – 60 человек в 17 крестьянских дворах⁷. Разумеется, что это численность только населения собственно Ащерина, не включая приходских деревень, среди которых было и Устьяново.

Есть предположение, что Ащеринский приход был упразднен в результате того, что его причт и прихожане отказались принимать

⁶ Скворцов Н. Уничтоженные в Богородском уезде церкви. М., 1901. С. 11–12.

⁷ Холмогоровы В.и Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII столетий. М., 1892. Вып. 8. Пехрянская десятина. С. 222.

новины патриарха Никона. Местные священники могли, опасаясь репрессий со стороны никонианской духовной власти, уйти из Ащерино в другую населенную старообрядцами местность и храм остался «без пения». Иначе непонятно, почему в то время как дробились приходы древних погостов на более мелкие приходы, один древний приход, объединявший ряд деревень, прекращает свое существование. И по времени это совпадает с формированием Гуслиц как старообрядческого региона. Следует заметить, что впоследствии никонианские власти хорошо поработали с жителями самого Ащерино и оно стало наверное единственным селением в Гуслицах, где проживали только приверженцы официальной церкви.

Старожилы Ащерино и соседних деревень еще в конце XX века сохраняли память о том, что Никольский храм был перенесен в Ильинский погост. Это косвенно подтверждают и Холмогоровы. По их сведениям, при древнем храме Илии Пророка на этом погосте существовал Никольский придел. Но в новом пятиглавом церковном здании, построенном к 1710 году, его уже не упоминается. Зато в 1710 году «Да на том же погосте другая церковь во имя чудотворца Николая об одной главе». Храм этот упомянут ветхим и в 1730 году вместо него строится новая Никольская церковь⁸. Оба деревянных здания простояли в Ильинском погосте до первой половины XIX века, когда, в 1820–1840-х году был построен нынешний огромный Воскресенский храм, в трапезной части которого в память о древних церквях были устроены Никольский и Ильинский приделы.

Но, как мы видим, в Ащерино и после переноса из селения древнего храма оставался и древний иконостас с Царскими вратами, и древняя чтимая всеми икона Святителя Николы. О судьбе этой святыни после разорения часовни безбожниками ничего не известно.

Как мы видим из вышеприведенных текстов, приход при Никольском храме в селе Захарьинском-Ащерине являлся одним из древнейших в Гуслицах. В 1492 году, когда его впервые упомянули в историческом документе, и село, и храм без которого населенный пункт не считался бы «селом», уже существовали. Стояли они к тому времени здесь несколько или несколько десятков лет, уже нам не скажет никто. В 1594 году дьяк Иван Максимов построил очередное

⁸ Холмогоровы В.и Г. ... М., 1888. Вып. 6. Вохонская десятина. С. 22–27.

церковное здание взамен обветшавшего или исчезнувшего по какой-то другой причине. Позже, после упразднения в Ащерине собственного прихода, ветхий храм перенесли в Ильинский погост.

В начале XX столетия часовню в Ащерино снова сделали церковью господствующего исповедания, но самостоятельного прихода здесь уже не было, здесь служили священники из Ильинского погоста⁹.

Фактически, единственным прямым продолжением истории древнего дониконовского храма является история прихода при старообрядческом храме-моленной в селении Устьяново. Старообрядческая святыня унаследовала и посвящение древней церкви, и возникла примерно в те же годы, когда прекратил свое существование ащеринский приход.

История старообрядческого храма-моленной в Устьянове в XIX – начале XX вв.

Устьяново – значимая в прошлом в Гуслицком крае старообрядческая деревня, располагавшаяся на юге края, рядом с селениями Гридино, Нареево, Шувое, Цаплино, Юрятино, Иванищево. К началу XX столетия здесь уже проживало небольшое число приверженцев господствующей церкви, которые являли собой прежних старообрядцев, в разное время и по разным причинам изменивших вере предков. Но эти люди не были заметны на фоне старообрядческого большинства жителей Устьяново.

Деревня Устьяново существует на своем месте уже несколько веков. Как мы уже говорили выше, в главе о Шувойском монастыре, история старообрядчества в Устьяново восходит к первому после-раскольному периоду истории этой деревни.

После разделения бывшей прежде единым владением волости Гуслица на более мелкие вотчины, деревня Устьяново оказалась во владении князя Петра Алексеевича Голицына. Новые гуслицкие помещики практически не жили в крае и управляли местными вотчинами, собирали оброк через «бургомистров» и управляющих. В связи с

⁹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 477. Д. 9. Л.1–25.

этим здешние крепостные крестьяне не терпели выходки самодуров-дворян и жили практически как государственные крестьяне. Это позитивно повлияло и на развитие края, духовную и экономическую инициативу обитателей которого никто не сдерживал.

В книге К. Нистрема «Указатель селений и жителей Московской губернии», вышедшей в 1852 году, дана численность населения деревни Устьяново: 88 дворов, 352 мужчины и 365 женщин¹⁰. Согласно информации из «Памятной книжки Московской губернии на 1899 год», в деревне Устьяново, Беззубовской волости Богородского уезда, проживало 918 человек¹¹. Перед революцией 1917 года жители деревни Устьяново, как и обитатели многих других селений края, выращивали прекрасный гуслицкий хмель. Хмельники были за деревней, в сторону соседней деревни Иванищево. Урожай возили в Ильинский погост, где ранее находилась контора, переименованная в советское время в «Росхмель». Помимо сельскохозяйственных занятий, устьяновцы работали на дому на фабриканта. Ходили работать на фабрику Муравлевых в соседнюю Абрамовку. В каждом доме были ткацкие станы, на которых выделывали сарпинку. Еще Нистрем упоминает, что в Устьяново были два небольших производства, которые принадлежали братьям купцам Павлу Леонтьеву и Трофиму Леонтьеву Медведевым, которые выделывали ткань, именовавшуюся нанкой. Согласно «Сборнику статистических сведений по Московской губернии...» 1883 года, в Устьяново было 146 домохозяев, 130 из которых на дому держали 260 станов, т.е. в среднем по два стана на «кустарную избу», выделывавших сарпинку¹². Кроме того, жители Устьяново изготавливали чулки и носки.

Когда в селении Устьяново была построена первая общественная старообрядческая церковь-моленная, теперь уже выяснить не удастся. Судя по всему, в этом большом старообрядческом населенном пункте ее здание существовало с самого начала истории местно-го староверия. Самое первое обнаруженное нами упоминание о ней

¹⁰ Нистрем К. Указатель селений и жителей Московской губернии. М., 1852. С. 110, 167.

¹¹ Памятная книжка Московской губернии на 1899 год. М., 1899.

¹² Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. М., 1883. Т. VII, вып. V. С. 94.

находим в «Ведомости о состоящих в Москве и ее губернии старообрядческих и раскольнических часовнях и молеельнях...» составленная в 1826 году и хранящаяся в фонде Московского военного губернатора. Она показана существующей с давнего времени, устроенной самовольно и находящейся в прочном состоянии¹³. Здесь речь явно идет не о первой устьяновской моленной, а об очередном молитвенном здании. Каким оно было по счету, вторым, третьим или же десятым, так и останется тайной. Скорее всего, первое же здание моленной появилось еще в конце XVII века.

Изучать историю деревенских старообрядческих моленных в значительной степени затрудняет тот факт, что существовали они в лучшем случае на полулегальном положении. Старообрядцы старались сохранять в тайне какие-либо факты об их ремонте, перестройке или же строительстве новых зданий. Все это, согласно драконовским антистарообрядческим законам Российской Империи, действовавшим до конца XIX столетия, являлось «незаконным» и строго преследовалось. За ремонт моленной можно было попасть под суд, при этом само «незаконно» отремонтированное здание подлежало сносу, а его убранство конфискации. На страницы архивных документов моленные попадали преимущественно в том случае, если о подобных ремонтах или перестройках становилось известно властям. Поэтому о старообрядческой моленной, которая находилась в деревне Устьяново, мы обнаружили очень мало данных касательно периода ее истории в XIX веке. Жители деревни хорошо прятали свою святыню от полиции и духовенства господствующего исповедания.

Далее мы встречаем упоминание о моленной в Устьяново только в 1850-х гг. В «Ведомости о раскольнических молитвенных зданиях находящихся в Московской губернии», составленной в 1853 году, мы видим и моленную в деревне Устьяново, существующую без престола¹⁴. В ряде других источников тех лет, к примеру, 1850, 1856 и 1860 гг., устьяновская моленная также упомянута в списках старообрядческих молитвенных зданий, также не имеющих престолов¹⁵. Возможно, что в

¹³ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 4. Л.154 об.

¹⁴ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 536. Л. 2 об. – 3.

¹⁵ ЦИАМ. Ф.17. Оп. 13. Д. 21. Л. 57 об. – 59; Д. 259. Л. 130–132; Д. 451. Л.10 об.

1826 и 1850–1860 гг. упоминаются разные устьяновские моленные, которые сменяли друг друга по мере износа или пожара прежнего здания. Жители деревни хорошо прятали от властей какие-либо подробности. Так что следующий раз о моленной мы узнаем только в 1890-х гг., через сорок лет после предыдущего упоминания о ней.

Как нам рассказывают документы за более поздний период, общественная моленная в деревне Устьяново сделалась жертвой пожара в 1892 году¹⁶. После этого какое-то время в селении не было, по крайней мере официально, подобного сооружения и местные старообрядцы молились по домам своих односельчан.

В 2001 году издатели прекрасного краеведческого альманаха «Богородский край» был опубликован весьма важный документ из фонда канцелярии московского гражданского губернатора. Это список старообрядческих моленных находящихся в Богородском уезде, составленный местным уездным исправником Гранским в 1898 году. В это время содержать молитвенное здание уже не было так опасно как это было несколькими десятилетиями ранее и данные сведения являются очень подробными. Но среди моленных мы не находим стоящей в Устьяново¹⁷. Чуть ниже мы увидим, что за два года до написания Гранским списка моленных, в Устьяново как минимум одна все же существовала. Но, видимо, в 1898 году либо она была закрыта властями как «незаконная» и ее уже просто не существовало, либо Гранский о ней просто не знал.

В документах Московской Духовной Консистории есть информация о том, что в 1896 году устьяновские старообрядцы совершали богомоление в доме крестьянина Павла Терентьева Ефимова, который «...имеет для них значение общественной моленной...»¹⁸. Как мы увидим далее, в самом начале XX столетия место общественного богомоления старообрядцев селения Устьяново находилось при доме крестьянина Якова Григорьева Сорокина. Он же после 1906 года, когда на официальном уровне была устранена дискриминация русских старообрядцев, выступал как попечитель моленной и главный ходатай

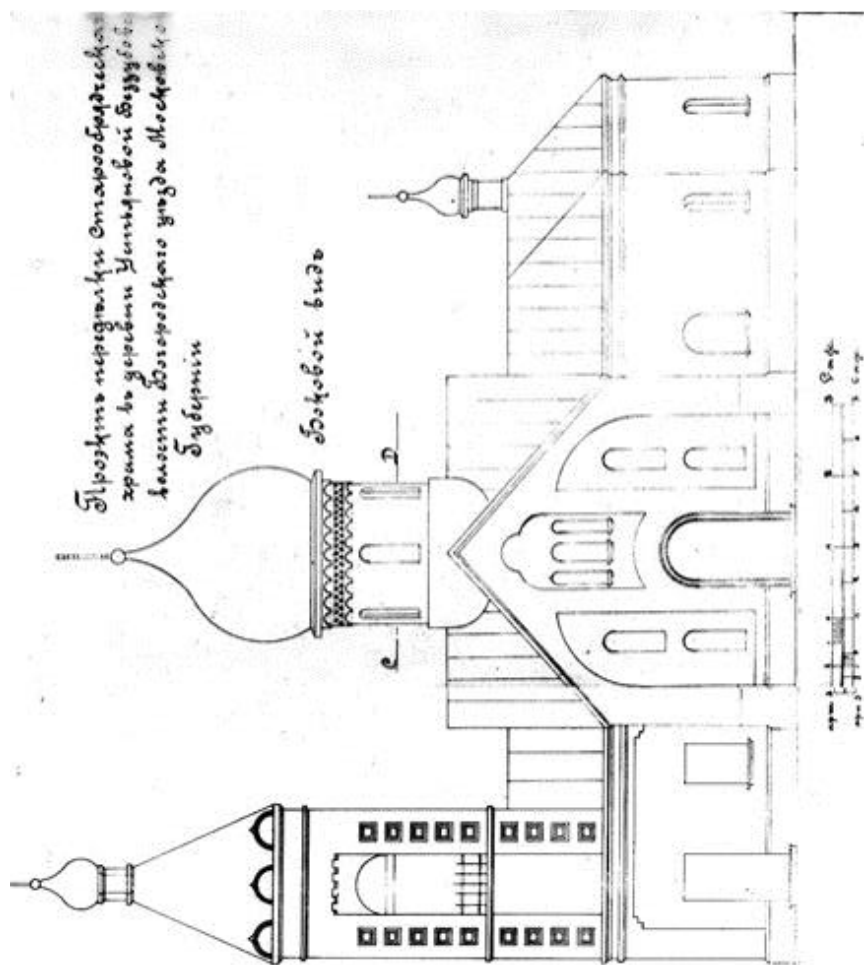
¹⁶ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 543. Д. 37. Л. 1.

¹⁷ «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край. Ногинск, 2001. № 1. С. 18–21.

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 390. Д. 96. Л. 1–3.

перед властными структурами о делах деревенского старообрядческого общества касающихся молитвенного здания и его прихода, как то: постройка деревянного и каменного храмов, колокольни, регистрация общины. Таким образом, возможно, что моленная при доме крестьянина Ефимова могла быть не единственной в Устьяново. Она просто могла единственной из существовавших попасть в поле зрения властей. Мы не знаем, какое семейство прежде было основным попечителем общественной моленной. Как правило, в Гуслицах молитвенные здания стояли позади крестьянских строений либо на общественной, либо на частной земле. Но даже в первом случае кто-то из селян был основным попечителем деревенской святыни. Возможно, что и предки Якова Сорокина заботились о молитвенном здании, однако не исключено, что ранее этим занимались другие устьяновские семьи.

Осенью 1901 года на имя министра внутренних дел подал прошение уполномоченный от общества крестьян-старообрядцев деревни Устьяново Иван Карпов, с просьбой разрешить его доверителям обратиться в моленную жилой дом упомянутого нами крестьянина Сорокина. В прошении указывалось, что прежняя моленная сгорела еще в 1892 году и просимое здание должно было восполнить ее отсутствие. Как делалось обычно в таких случаях, дело было переадресовано московскому губернатору. Последний сделал запрос в главное ведомство по делам господствующего исповедания в губернии – Московскую Духовную Консисторию, которая должна была вынести свой вердикт: нужно или не нужно старообрядцам здание общественной моленной. Консистория поручила разобраться с делами старообрядцев деревни Устьяново и необходимости устройства в ней моленной местному благочинному, священнику церкви села Карпово о. Михаилу Розанову. Последний прибыл на место 14 января (по старому стилю) следующего 1902 года, где произвел осмотр здания, принадлежащего крестьянину Сорокину. Согласно протоколу осмотра, сооружение представляло собой деревянное здание, на каменном фундаменте, крытое железом. Его длина была 14 аршин, Шарина – 12 аршин, при нем были сени 4 на 8 аршин. Дом этот отстоял от черты крестьянских строений на 46 сажен. Этот факт сразу же позволяет заподозрить, что это сооружение строилось специально для устройства в нем моленной, так как из-за постоянной опасности обнаружения

Проект каменного храма 1914 г.
ЦИАМ Ф. 54. Оп. 168. Д. 68. Л. 17

полицией и прочими властями, старообрядческие молитвенные здания в деревнях всегда прятали позади линии крестьянских домов. Мало того, о. розанов обнаружил, что внутри, на восточной стене уже висели иконы¹⁹.

Если бы указанное строение было бы новым, то бдительный священник господствующей церкви сразу бы это заметил. Следовательно дом на участке Сорокина был построен не в 1901 году, а как минимум на несколько лет ранее. Скорее всего, эта моленная была устроена сразу же после пожара предыдущей, еще в 1892 году. В рассматриваемое же время местное старообрядческое общество просто решило узаконить его существование. Возможно, в этой моленной служилась и литургия, но не стационарном престоле, а как это часто бывало у старообрядцев, в походной полотняной церкви, которую было очень легко прятать.

В документах Строительного Отделения Московского Губернского Правления за 1903 год сохранилось небольшое упоминание о направлении архитектора Поздеева в селение Устьяново для освидетельствования предполагаемого для обращения в моленную деревянного дома крестьянина Якова Григорьева Сорокина²⁰.

Одним из важных вопросов, касающихся истории Устьяновского старообрядческого общества, является и тот, когда это селение стало центром отдельного старообрядческого прихода. В старину в Гуслицах было всего несколько старообрядческих приходов, которые объединяли многие десятки селений: Беливский, Поминовский, Слободищенский, Шувойский. В первой половине XIX века уже существовал самостоятельный приход в селении Чёлохово, в который входили и некоторые старообрядческие деревни соседнего Егорьевского уезда. Такое малое число приходов на огромное число прихожан объясняется прежде всего тем, что до возникновения в 1846 году старообрядческой Белокриницкой иерархии в России было очень немного священников-старообрядцев. Зачастую один пастырь окормлял несколько губерний. Старинных дониконовских престолов и освященных Антиминсов для них было также очень мало. А полноценный храм, в котором служится Божественная Литургия, без

¹⁹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 543. Д. 31. Л. 1–19.

²⁰ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 157. Д. 31. Л. 39, 40.

Антиминса немислима. Поэтому до поры до времени открыть большое число приходских центров старообрядцы не могли. Однако, фактически старообрядческие общества, входившие в состав таких приходов, сами более напоминали приходские общины, которые жили своей автономной жизнью.

С появлением же Белокриницкой иерархии и восстановлением старообрядческого епископата была решена проблема старообрядческого священства: епископы теперь ставили нужное число священников для общин. Теперь можно было также освятить и необходимое для храмов число Антиминсов. Уже к началу XX столетия в Гуслицком крае и в соседних местностях число старообрядческих приходов было уже относительно большим. В это время самостоятельным приходом становится и селение Устьяново.

Прежде Устьяново входило в состав Шувойского старообрядческого прихода²¹. Жителей деревни окормляли шувойские священники. Старожилы сохранили память о том, что последним таким шувойским священником был отец Климент, а далее в Устьяново уже были свои пастыри.

Отец Климент (Климентий) Смирнов прослужил на Шувойском приходе четверть века. Он заступил на должность настоятеля сразу после смерти своего предшественника отца Симеона Смирнова в 1877 г. и умер в 1902 году²². Возможно, что Устьяновский приход стал самостоятельным вскоре после его смерти, возможно, что это произошло значительно ранее. Мы не знаем, кто был первым настоятелем Устьяновского прихода. В начале 1910-х гг., как мы увидим далее, здесь появляется священник о. Трифилий Емельянов, но у него в Устьяново явно были какие-то предшественники.

Через несколько лет после событий 1902 года в истории старообрядческой общины селения Устьяново, равно как и в истории всего русского старообрядчества, наступил новый период. Это было краткое время свобод, продолжавшееся всего двенадцать лет: с 1906 по 1917 год. Об этом периоде мы расскажем вам в следующей главе.

²¹ Церковь: Журн. М., 1911. № 43. С. 1044.

²² Приход Шувое-Нареево Московской области // Старообрядческий церковный календарь на 1949 год. М., б.г. С. 51.

Никольский старообрядческий храм в Устьянове и его приход в первой трети XX столетия

Начало XX столетия стало переломным этапом в истории старообрядчества России. Законодательные послабления стали появляться и ранее, но теперь были объявлены настоящие вероисповедные свободы. Напуганное ростом революционных настроений в российском обществе царское правительство стремилось успокоить народ, включая и многомиллионное старообрядчество. Старообрядцы до того момента являлись как бы находящимися вне закона. Теперь же положение хранителей исконного Русского Православия стало полностью легальным. В 1905 году, в день Жен Мироносиц, были распечатаны алтари храмов Рогожского кладбища. А в следующем, 1906 году, были объявлены полные вероисповедные свободы. Старообрядцы теперь могли не довольствоваться прежними моленными, напоминавшими внешне более жилые или хозяйственные постройки, а строить полноценные церковные здания, с куполами, крестами и колокольнями.

Старообрядцы Устьяновского общества решили воспользоваться дарованными им царским правительством правами через два года после объявления вероисповедных свобод. В ноябре 1908 года они подали через уполномоченного Якова Григорьевича Сорокина прошение в Московское губернское Правление с просьбой разрешить произвести перестройку деревянного молитвенного храма. Фактически же старообрядцы собирались строить новый храм. Весь предреволюционный период истории Устьяновского старообрядческого прихода ему покровительствовала известная московская старообрядческая благотворительница Федосья (Феодосия) Ермиловна Морозова. Благодаря ей само общество несло минимальные затраты на строительство и благо-

Печать Устьяновской общины

украшение строящихся в селении храмов. Старожилы рассказывали, что Яков Сорокин сам лично ездил в Москву к Морозовой просить деньги на храм, и сам лично эти деньги привозил. Про то, что Сорокин должен вернуться из Москвы с огромной суммой денег предназначенных для строительства храмового здания, узнали разбойники. Они утром сделали налет на дом Якова Григорьевича думая, что он вернулся накануне вечером. Но, Промыслом Божиим Сорокин заночевал по дороге у одного из своих знакомых. К тому же односельчанами вовремя была поднята тревога и злоумышленники были вынуждены бежать, успев убить некоторых членов семьи Сорокиных.

В деле о рассмотрении этого прошения есть и документы о строительстве при новом деревянном храме и каменной колокольни. Прощение о ее возведении Сорокин подал чуть позже, в начале мая 1910 года. Проект храма и колокольни был выполнен известным старообрядческим архитектором начала XX века Николаем Григорьевичем Мартыновым, который спроектировал немало новых храмов. Впоследствии, через несколько лет, он также спроектировал и существующий ныне храм в Устьяново. Проект колокольни был утвержден Строительным Отделением Московского Губернского Правления 18 мая 1910 года²³. Проект же самого храма утвердили годом ранее²⁴.

В 1909 году устьяновское старообрядческое общество получило щедрый дар от известной московской старообрядческой благотворительницы Федосьи Ермиловны Морозовой. Она пожертвовала 14000 рублей на «вечное» обеспечение при храме селения Устьяново старообрядческого священника. Проценты с этого, огромного по тем временам капитала, в размере 25 рублей в месяц, должны были идти священнику, а 60 рублей в год – уставщику, служившим при Никольском храме-моленной. Остальные проценты с капитала должны были регулярно поступать на ремонт самого храма, который также был выстроен на пожертвования Ф.Е. Морозовой. Отмечалось, что сами устьяновские старообрядцы в то время никак не могли остановить свой выбор на каком-либо лице достойном священного сана, который служил бы в их моленной²⁵. Несколько позже в качестве

²³ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 162, Д. 130, Л. 1–10.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 163. Д. 120. Л. 1–3 об.

²⁵ Церковь: Журн. М., 1909. № 31. С. 940.

настоятеля Никольского старообрядческого храма в Устьяново начинает фигурировать священник Трифилий Емельянов.

К лету 1910 года все необходимое к сооружению при деревянном устьяновском храме-моленной каменной колокольни было готово. 20 июня (по старому стилю) было совершено торжество ее закладки. На данном мероприятии присутствовали четыре священника (в заметке старообрядческого журнала «Церковь», повествующей об этом событии они не перечислены по именам и местам служения), диакон о. Иоанн Хрусталеv с Рогожского кладбища и двое стихарных.

Накануне в Никольском храме было отслужено Всенощное бдение. На утро, по окончании Божественной Литургии, на место закладки вышел крестный ход и по прибытии его на место был отслужен молебен с водоосвящением. По окончании молебна и по окроплении места святой водой, было совершена сама закладка. Затем. Диакон Хрусталеvым было провозглашено многолетие старообрядческому архиепископу Иоанну, Царствующему Дому, храмоздательнице Федосье Ермиловне Морозовой, на средства которой колокольня сооружалась, а также строителям храма. После окончания молебна и закладки крестный ход возвратился обратно в храм. Во время богослужений и торжества пели два хора из Москвы: из храмов Рогожского кладбища и Успенского храма на Апухтинке.

После окончания торжества, в доме одного из главных строителей Устьяновского храма Якова Григорьевича Сорокина всем участникам была предложена трапеза. Анонимный автор заметки отмечает, что во время закладки присутствовало большое число народа, включая и последователей господствующей церкви. Последние были проникнуты красотой старообрядческого богослужения и прекрасным стройным исполнением старообрядческого пения²⁶.

Работы были произведены очень быстро. Уже 20 сентября того же 1910 года богородский уездный исправник докладывал в Строительное Отделение Московского Губернского Правления, что все работы по сооружению колокольни при старообрядческом храме в селении Устьяново были закончены²⁷.

²⁶ Церковь: Журн. М., 1910. № 30. С. 760.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 162. Д. 130. Л. 10.

Вскоре, в сентябре следующего 1911 года состоялось и полное освящение деревянного храма во имя Святителя Николы. Согласно данным журнала «Церковь», оно состоялось 18 сентября (по старому стилю) 1911 года. Его совершил старообрядческие епископы Александр Рязанский и Егорьевский, а также Одесский и Измаильский Кирилл, находившийся в то время на своей родине – в гуслицком селении Мисцево. Им сослужили четыре священника, включая и местного устьяновского о. Трифилия Емельянова. В торжестве, как и во время закладки колокольни, принимали участие два московских хора – Рогожский и Апухтинский – *«На освящение храма были приглашены из г. Москвы два хора: один с Рогожского кладбища, другой из храма Успения Пресвятыя Богородицы, что на Апухтинке. Пели они на оба лика. Нужно отдать хорам заслуженную честь. Стройное, красивое пение их придавало служению особую торжественность. И в личных отношениях между собою певцы показали пример христианской любви и братского уважения»*

По окончании торжества его участники направили верноподданническую телеграмму на имя Императора. На нее вскоре последовал ответ через московского губернатора и богородского уездного исправника:

«Государь Император на всеподданнейшем докладе председателя совета министров о выражении всеподданнейших чувств старообрядческими епископами Александром и Кириллом, старообрядческим священником Трифилием и попечителем Яковом Сорокиным, по случаю освящения старообрядческого храма, во имя святителя и чудотворца Николы, что при деревне Устьяновой, Московской губернии, 23-го сентября сего года собственноручно начертать изволил: «Искренне всех благодарю». О таковой «Высочайшей милости» предложено вашему сиятельству объявить по принадлежности»²⁸.

Судя по всему, до освящения нового деревянного храма в Устьяново продолжала существовать прежняя моленная. Именно из нее выходил крестный ход на закладку каменной колокольни и именно в ней происходили все устьяновские события до сентября 1911 года. Моленная эта находилась рядом с сооружаемым новым храмом.

²⁸ Церковь: Журн. М., 1911. № 47. С. 1235.

В самой деревне, когда я бывал в Устьяново, мне показывали старинное двухэтажное каменное здание, которое находится перед храмом, между ним и основной сельской улицей. Некоторые бабушки-старообрядки упоминали, что в этом здании тоже когда-то была молельная. Здание это находится на прежнем участке Сорокиных и нахождение здесь молитвенного помещения вполне вероятно.

Однако новый деревянный храм удовлетворял прихожан Устьяновского прихода очень недолго. Уже через три года, также на крупное пожертвование Федосьи Ермиловны Морозовой, они собрались строить каменную церковную постройку.

Многие старообрядческие общества не сразу пошли на регистрацию. Старообрядцы прихода храма Николы в Устьяново решили зарегистрировать общину только в 1914 году. В Центральном историческом архиве Москвы сохранилось небольшое дело о регистрации «Устьяновской старообрядческой общины имени Святителя Николы». От имени местного общества в Московское Губернское Правление прошение о регистрации и внесении в соответствующий реестр подавал уполномоченный, крестьянин деревни Устьяново уже хорошо знакомый нам Яков Григорьевич Сорокин. Всего прошение, составленное 9 апреля 1914 года подписали 59 человек²⁹. К прошению также были приложены протокол схода 110 устьяновских домохозяев и чертежи предполагаемого нового каменного храма.

Община была зарегистрирована и внесена в реестр Московским Губернским Правлением журнальным определением от 26 апреля 1914 года³⁰

18 мая того же года зарегистрированная Устьяновская старообрядческая община собралась на свое первое общее собрание. Мы приведем полностью текст его протокола.

«ЗАПИСЬ

Суждений и постановлений 1-го общего (учредительного) собрания Устьяновской Старообрядческой имени Святителя Николы Общины, что в дер. Устьяново, Богородского уез. Моск. губ., 18 мая 1914 года.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177. Д. 3236. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 3–3 об.

На собрание, из 59 лиц подписавших заявление об открытии общины, явилось 26 челов. Подписавшихся о своем присутствии на особом листе. В виду такой наличности явившихся на собрание, собрание считается состоявшимся законно.

Оглашается содержание журнала Московского Губернского Правления от 26 апреля 1914 года о постановлении разрешить основать общину в дер. Устьяновой под именем «Старообрядческая Устьяновская Община имени Святителя Николы», а кратко: «Устьяновская Никольская Старообрядческая Община».

1., Вследствие сего предлагается избрать председателя и настоящее учредительное собрание.

Таковым единогласно избирается Макар Поликарпов Бояров.

2., Председатель, занимая председательское место, предлагает избрать Совет для управления Общиною.

По обсуждении сего вопроса постановляется: Членов должно быть 8 и 9 священник. Избираются на три года. Единогласно в члены Совета избираются: 1. Яков Григорьев Сорокин, 2. Макар Поликарпов Бояров, 3. Исаак Осипов Черкунов, 4. Ефим Пименов Хрусталева, 5. Авелий Ермилов Цулев, 6. Матвей Савельев Шаров, 7. Абрам Павлов Волков, 8. Тит Васильев Перваков. Священник входит в члены Совета по закону.

3., Предлагается избрать поверочную комиссию:

Избираются: Максим Александров Кашкин, Семен Семенович Киселев и Исаак Иванов Маланьин.

4., Священником (настоятелем) избирается единогласно крестьянин дер. Глазовой Серпуховского уез. Моск. губ., рукоположенный во священника Московским Старообрядческим Архиепископом Иоанном 8 августа 1913 года, Иаков Архипов Баранов.

5., Возраст для права решающего голоса определяется двадцать пять лет (для общих собраний).

6., Женщины в общем собрании права голоса не имеют.

7., Имущество на случай закрытия общины определено передать в заведывание Общины Старообрядческой св. Великомученика Георгия, что в г. Егорьевске Ряз. Губ.

8., Решено единогласно выстроить новый каменный храм на месте старого храма для чего старый храм сломать. Постройка

и все нужные ходатайства по сему предмету возлагаются на совет общины.

9., Яков Григорьев Сорокин желает всю землю принадлежащую ему и находящуюся под старым храмом, под училищем и под домом священника передать в общину.

Собрание это предложение принимает и приносит благодарность Я. Гр. Сорокину.

10., Единогласно постановляется принять в число членов Общины св. о. Иакова Архипова Баранова и крест. дер. Иванищево: Михаила Максимова Коблова, Степана Семенова Тихонова и Федора Казмина Лобастова.

11., По предложению Ефима Пименова Хрусталева единогласно избираются в число почетных членов общины: Архиепископ Московский Старообрядческий Иоанн, Епископ Рязанский Александр, Почетная гражданка Феодосия Ермильевна Морозова, Московский купец на должности Судебного Пристава, Иван Дмитриевич Бочаров и кр. Московск. губ. Никифор Димитриев Зенин.

12., Для оформления дела по приему земли поручается Совету Общины уполномочить из своей среды потребное число лиц по своему усмотрению.

13., Постановлено просить жертвовательницу Феодосию Ермильевну Морозову капитал в четырнадцать тысяч рублей внесенный ею на имя Московской Общины Рогожского храма в Государственный банк для нужд Устьяновского прихода в виду учреждения общины передать в Егорьевское Уездное Казначейство на хранение от имени Устьяновской Старообрядческой Св. Николы общины.

За исчерпанностью вопросов собрание объявляется закрытым.
Подлинную подписали:

Председатель Собрания Макар Поликарпов Бояров

Члены Собрания:

Я. Сорокин, И. Чиркунов, Е. Хрусталев,

С. Цулев, М. Шаров, А. Волков, Л. Гусев, Т.Перваков, В. Нешин,

А. Селин, А.Маслов, П. Фадеев, И. Маланьин, М. Нешин.

За неграмотных: Иван Максимов, Карев, Григорий Кочкин, Иван Кочкин, Тимофей Нешин, Петр Володин, Федул Просинин,

*Гавриил Трофимов, Родион Залочин, Кондратий Исаков. Расписывался Иван Макаров Бояров*³¹.

Относительно священника Никольского храма, отца Иакова (Якова) Архиповича Баранова, следует дополнить, что в Устьянове он служил с 1 октября 1913 года. К 14 августа 1914 года он, по непонятной причине, все еще не прошел регистрацию³². О нем также известно, что родился в 1880 году в старообрядческом селении Глазово Серпуховского уезда. В священный сан его рукополагал сам архиепископ Иоанн (Картушин) специально к Никольскому храму в Устьяново³³. Служил здесь он, по всей видимости до 1926 года, когда сюда был переведен местный уроженец о. Федор Грунин, о котором мы поговорим чуть ниже³⁴.

В Центральном Историческом Архиве Москвы сохранилось дело Московского Губернского Правления, которое рассматривалось по ходатайству Устьяновской старообрядческой общины о разрешении строительства нового каменного храма. Общество подало прошение, опять же через своего неутомимого уполномоченного представителя Якова Григорьевича Сорокина. Старообрядцы желали «деревянные части храма заменить каменными». К прошению прилагались чертежи, выполненные архитектором Н.Г. Мартьяновым. В деле также есть и приговор схода домохозяев-старообрядцев, состоявшегося в декабре 1914 года, которым Сорокину давались вышеупомянутые полномочия.

Проект был рассмотрен и утвержден протоколом совещательно присутствия Строительного Отделения Московского Губернского Правления за № 371 от 23 июня (по старому стилю) 1914 года³⁵.

Закладка каменного храма состоялась 13 июля (по старому стилю) 1914 года. На торжество прибыл архиепископ Московский Иоанн вместе с епископом Одесским Кириллом, несколькими священниками

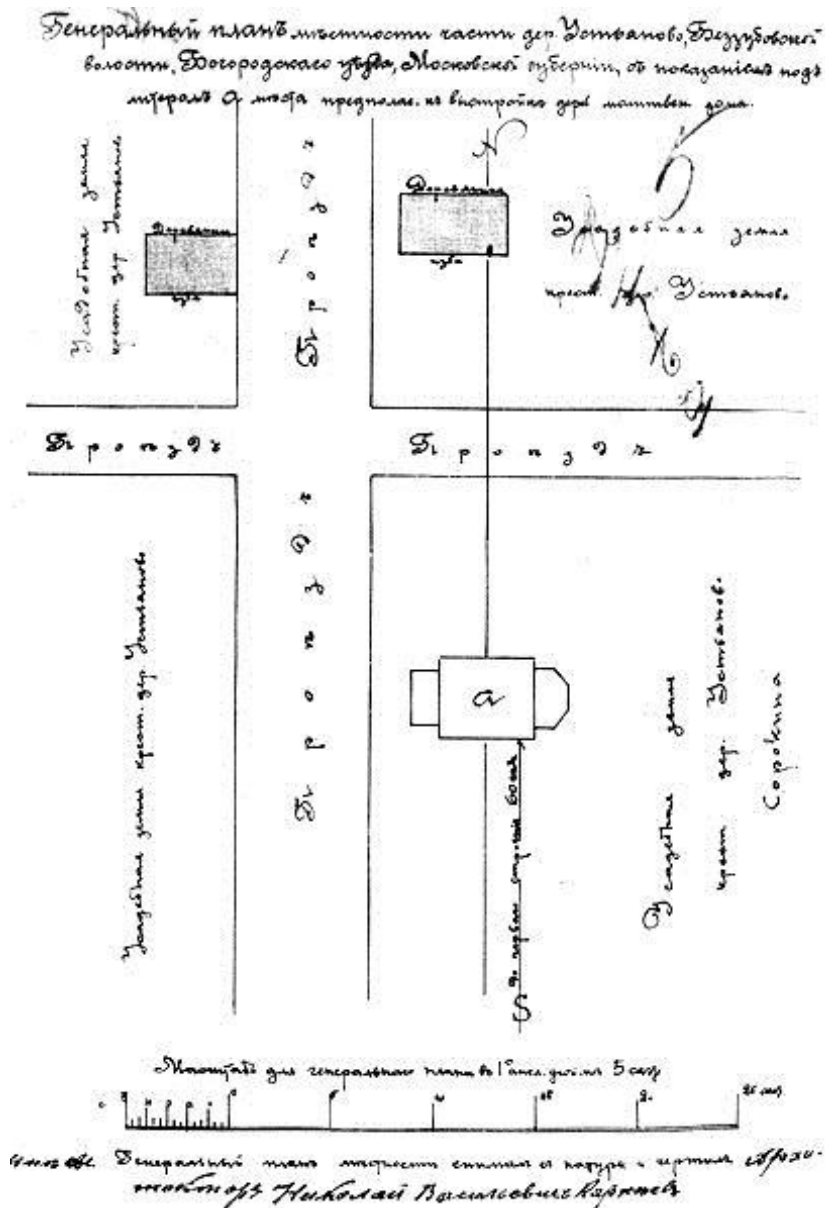
³¹ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177. Д. 3236. Л. 7–8.

³² Там же. Л. 13.

³³ «Мне хозяин – Бог, епископ и народ в его целом»: Письма протоиерея Дмитрия Варакина епископу Александру и архиепископу Мелетию // Во время оно. М., 2007. Вып. 4. С. 114.

³⁴ Там же. С. 103.

³⁵ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 168. Д. 68. Л. 1–17.

План села Устьянова со старобрядческим храмом.

ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 162. Д. 130. Л. 5.1

и диаконом И. Хрусталевым. Вместе с духовенством в Устьяново прибыли и два хора. Это все те же певчие из храмов Рогожского кладбища и Успения на Апухтинке. При многочисленном стечении прихожан, под специально установленным шатром была отслужена Литургия, по ее окончании – молебен. Уже после него и было приступлено к закладке храма. Первый камень в основании старообрядческой церкви Николы в Устьяново заложил сам архиепископ Иоанн, второй – епископ Кирилл. Далее, по очередности, камни закладывали: настоятель храма отец Иаков Баранов, почетный член Совета общины Иван Дмитриевич Бочаров, архитектор храма Н.Г. Мартьянов, Яков Григорьевич Сорокин и другие лица. По окончании закладки о. диаконом И. Хрусталевым были провозглашены все положенные многолетия, после которых архиепископ Иоанн с епископом Кириллом и духовенством, при пении духовных стихов, проследовали в дом Я.Г. Сорокина, где участникам торжества была предложена трапеза³⁶.

Интересно, но в сведениях о пожертвованиях поступивших на старообрядческие общины Московской губернии в 1914–1915 гг., относительно Устьяновского общества показано, что в этот период на него никаких пожертвований не поступало³⁷. Это кажется весьма странным, поскольку в данный период происходило строительство и обустройство нового каменного храма. Возможно, что средства поступали в обход официальных отчетов и чиновники Московского Губернского Правления о них ничего не знали.

Просматривая старообрядческую периодику за 1914–1918 гг., а именно журналы «Церковь», «Слово Церкви», «Голос Церкви» и «Старообрядческая мысль», мы не нашли информации и том, когда же Никольский храм был достроен и освящен. Ответ на этот вопрос нам дала регистрационная карточка на храм, которая была составлена уже в 1940–1960-х гг. Согласно ней, годом построения Устьяновской церкви является 1917-й³⁸. Получается, что храм строился и подготавливался к служению целых три года, что не является странным, учи-

³⁶ Церковь: Журн. М., 1912. № 32. С. 758.

³⁷ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 111. Д. 80. Л. 42.

³⁸ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 7383. Оп. 5. Д. 68. Л. 124.

тывая объем производимых работ и то, что в эти годы шла Первая мировая война.

В 2003 году мне на глаза попал интересный документ: «Подписной лист добровольных ежемесячных взносов духовенства и мирян старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию на нужды Архиепископии по управлению Московской епархии на время с 1 июня 1928 г. по 1-е июня 1929 г.». В этом документе конечно же фигурирует и Устьяновский приход, входящий в Гуслицкое благочиние. Здесь священствовал упомянутый нами выше отец Федор Грунин.

Служивший при Никольском старообрядческом храме в Устьяново в 1990-х гг. уставщиком Александр Владимирович Панкратов, ныне священноиерей Александр, настоятель старообрядческого храма в г. Великом Новгороде, посвятил этой святыне небольшое исследование. Оно вошло в вышедший в 2000 году сборник статей этого автора «От востока направо». Панкратов считает Устьяновский храм весьма интересным архитектурным памятником, который он именует не иначе, как «храм-музей». Будучи выпускником Российского Государственного Гуманитарного Университета, автор дает прекрасное профессиональное искусствоведческое описание церкви. Данное творение известного старообрядческого архитектора Н.Г. Мартьянова стоит в одном ряду с другими творениями как этого зодчего, так и других создателей старообрядческих молитвенных зданий начала XX века, которые были построены в Москве, Московской губернии и других уголках России. Но, в силу чего Панкратов определил Николу в Устьянове «храмом-музеем», последний одним из очень немногих сумел сохранить первоначальный не только внешний, но и внутренний стиль.

«...устьяновская колокольня украшена ордерными карнизами, ее общая форма, особенно в верхнем ярусе, который имеет форму четверика со скошенными угловыми плоскостями, весьма характерна для эклектики второй половины прошлого века. Собственно же храм, возведенный как уже говорилось позднее, в большей степени соответствует древним формам. За основу здесь взята типичный псково-новгородский храм XIV–XV веков – одноглавый, с восьмискатным покрытием «на четыре лица» и декорацией фасадов в виде лопаток, образующих три вертикально вытянутых углубления, которые венчаются по бокам полуарочными формами,

а в центре – трехлопастной фигурой. Ордерные украшения здесь крайне скромны: это лишь неширокие ступенчатые карнизы под свесами кровли, а также лепные обрамления оконных проемов. Крупный по размеру трехапсидный алтарь храма в элементах декора вновь обнаруживает черты эклектики. Так, киот в центре карниза главной апсиды почти повторяет аналогичное украшение на западном фасаде колокольни, над входом в церковь.

Таким образом, данный храм является оригинальной, интересной постройкой, во-первых, благодаря своей строительной истории, а во-вторых, потому что представляет собой вариацию на древнерусские темы архитектора-старообрядца, прошедшего светскую профессиональную подготовку. Стиль здания можно определить как эклектичный: налицо смешение ордерных и древнерусских форм с преобладанием последних...»³⁹

К сожалению, в новейшее время храм Николая в Устьянове неоднократно подвергался набегам святотатцев, которые похищали старинные иконы. В силу этого интерьер храма уже являет собой далеко не тот вид, который был изначально.

В самых последних клировых ведомостях церковью господствующего исповедания, составленных уже в 1920 году, мы видим, что в деревне Устьяново, входящей в состав прихода официальной церкви села Гридино, старообрядцев 88 дворов, в которых проживало 221 мужчина и 258 женщин⁴⁰. Скорее всего, примерно такая же картина сохранялась и все 1920-е и первую половину 1930-х гг., пока храм функционировал.

Как мы уже упомянули выше, в 1926 году в Устьяново, в местный старообрядческий храм был переведен священник Федор Александрович Грунин. Он родился в Устьяново 21 мая 1888 года. Какое-то время проживал в Москве, где пел в хоре, в храмах Рогожского кладбища. Здесь он обратил на себя внимание как прекрасный знаток службы и 28 декабря 1920 года епископ Донской Геронтий (Лакомкин) рукоположил его во священники к Никольскому храму хутора Горина станицы Пятиизбянской Области Войска Донского.

³⁹ Панкратов А. От востока направо: История, культура, современные вопросы старообрядчества. М., 2000. С. 175–183.

⁴⁰ ЦИАМ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 480. Л. 43.

В 1922 году отца Федора перевели поближе к родине, в храм во имя Димитрия Солунского селения Кельч-Острог, Волоколамского уезда Московской губернии. В 1926 году он был направлен для служения в родную деревню Устьяново. Здесь ему довелось немало претерпеть от распоясавшихся безбожников, решивших задавить священника непомерными налогами. Отец Федор Грунин в 1930-х гг. арестовывался дважды. Первый раз его недолго продержали в тюрьме, просто поугадили. Но выгнали из дома семью священника и отняли имущество. Во второй раз его уже осудили на десять лет лагерей по знаменитой 58-й «политической» статье. Из заключения он более уже не возвращался и погиб в лагерях где-то на Дальнем Востоке⁴¹.

Относительно повезло попечителю Устьяновского старообрядческого храма Якову Григорьевичу Сорокину. Он смог пережить и революцию, и коллективизацию и начало дикой борьбы с верой и умер в Устьяново своей смертью в 1930-х гг. Его могила сохранилась на деревенском кладбище.

После отца Федора, последним устьяновским священником, окормлявшим общину Никольского храма до его временного закрытия, был отец Василий Кузнецов, который пришел в этот приход из соседней Абрамовки. Точную дату начала его служения здесь мы выяснить к сожалению не смогли, но в 1931 году, когда в церкви крестили будущего отца Сергия Маругина, он уже был на Устьяновском приходе. Через пять лет его арестовали. Рассказывают, что за ним приехали и увезли его поздно вечером в конце лета 1936-го (по другим сведениям – 1937-го) года и более в Устьяново он не возвращался.

В отличие от большинства других моленных Гуслиц, о закрытии которых мы можем найти упоминания в архивах, храм в Устьяново официально своей деятельности не прекращал. Согласно сведениям уполномоченного Совета по делам культов по Москве и Московской области, датированным серединой 1940-х гг., хотя с 1936 года церковь не функционировала, никаких постановлений советских властей о ее изъятии у верующих старообрядцев не было⁴². По всей видимо-

⁴¹ «Мне хозяин – Бог, епископ и народ в его целом»... С. 103.

⁴² Центральный архив города Москвы (далее – ЦАГМ). Ф. 3004. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

сти, ее закрыли по собственному почину местные власти, в обход всех принятых процедур Президиума Исполкома Мособлсовета. До 1945 года в здании Никольской церкви веяли рожь и гречиху. В интерьере сохранялись почти все иконы и другие предметы интерьера. Рассказывают, что местный председатель начал рубить иконы топором. После этого он целых двенадцать лет лежал парализованным.

После закрытия Никольского старообрядческого храма в Устьяново, его прихожане ходили в остававшиеся открытыми еще несколько лет Троицкие храмы соседних деревень Шувое и Нареево. Когда же власти в 1940–1941 гг. закрыли и их, богомоления тайно совершались по домам верующих.

Так или иначе, Никольский храм в Устьяново возродился самым первым из тех, что открыли в Гуслицах с середины 1940-х гг. В сведениях о старообрядческих молитвенных зданиях по Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, храм в селении Устьяново, которое административно находилось в составе Куровского района, уже обозначен действующим⁴³.

Устьяновский старообрядческий приход в 1940-х – 2000-х гг.

В годы Великой Отечественной войны безбожное правительство Советского Союза было напугано свалившейся бедой. Поскольку очень многие восприняли тяжелейшие испытания выпавшие на долю страны, как кару за поругание храмов, аресты и расстрелы духовенства и верующих, уничтожение икон... В 1940-х гг. наступил период некоторого послабления верующим согражданам. Были открыты некоторые из поруганных в 1930-х гг. храмов. В Гуслицах в это время снова разрешили молиться в старообрядческих храмах в Слободищах, Шувое (Нареево), Загряжской. Рядом с Гуслицами снова открылись моленные в Губино, Андронове, был передан старообрядцам храм в Алешино. Тогда же появилась возможность снова возродить богомоление в Никольском храме в Устьяново. Местные старообрядцы подали прошение об открытии храма в начале 1945 года и уже 28 марта оно было удовлетворено. Согласно

⁴³ ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

официальным данным, в 1946 году в Устьяновский приход входило от 1500 до 2400 старообрядцев⁴⁴.

Первое время старообрядцы-гуслики пытались наладить духовную жизнь, подобную той, что была у них до безбожного разорения. В том же 1946 году устьяновские прихожане нашли возможность принять в своем храме для проведения молебна чтимую Казанскую Губинскую икону Пресвятыя Богородицы⁴⁵. Прежде, до прихода к власти безбожников, этот чудотворный образ регулярно носили по гуслицким селениям. Но после 1946 года власти пресекали попытки возродить эту старинную традицию.

Фото 1960-х гг. из архива У.Г. Андрияновой

Икона Казанской Губинской Пресвятыя Богородицы до сих пор находится в старообрядческом храме селения Губино (в прошлом – Губинская) Орехово-Зуевского района Подмосковья. Ранее это селение входило в состав Покровского уезда Владимирской губернии и было частью старинной старообрядческой местности «Патриаршина». О ее явлении существует следующее предание.

В начале XVIII века свирепствовала страшная моровая язва и ее конца не предвещало ничто. Эпидемия уже унесла много жизней

⁴⁴ ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 8. Л. 8–11.

⁴⁵ ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 7. Л. 21.

и каждый день умирали новые ее жертвы. Старообрядческое население деревни Губинская, которое также сильно страдало от болезни, решило сикать помощи свыше и написать образ Казанской Богородицы. С этой целью жители деревни выбрали из своей среды двоих ходоков, которые были командированы в соседние Гуслицы, славившиеся своими иконописцами. По дороге ходоки встретили человека, назвавшегося иконописцем. Он, расспросив губинцев откуда и зачем они идут, взялся сам написать просимый образ и принести в Губинскую. Ходоки возвратились в свою деревню и рассказали землякам о встрече. Прошло довольно много времени, но иконописец с иконой так и не появлялся. Народ стал роптать на ходоков и они отправились в сторону Гуслиц, искать своего нового знакомого. В случае неудачи в его поисках уполномоченные от общества уже подумывали о заказе и другого мастера. Но на том же месте им встретился все тот же человек, который передал им написанную икону Казанской Богородицы. С губинцев за работу он не взял ничего. Так, никто даже не узнал ни имени таинственного иконописца, ни откуда он был родом.

Ходоки же вернулись с иконой в Губинскую. Она была, как и полагается, была поставлена в местном старообрядческом храме-моленной, где она пребывала до пожара 1847 года.

Известной Казанская Губинская икона стала по следующему случаю. В Гуслицах разыгралась очередная эпидемия холеры. Год этого события народная память не сохранила. Эпидемия угрожала и большой гуслицкой деревне Слободищи. Жившей в ней глухонемой девушке во сне явился некий таинственный старец, который сказал ей, что дабы спасти деревню и ее жителей от смертельной опасности, грозившей от болезни, надо идти в деревню Губинская, взять из местного храма икону Казанской Богородицы и, принеся в Слободищи, помолиться перед ней. Уста девушки чудесным образом заговорили и она поведала своему отцу о ночном явлении. Отец сразу же рассказал обо всем остальным жителям деревни. Они направили в Губинскую посыльных, которые выпросили на время из моленной икону и привезли ее в Слободищи. Когда, по прибытию иконы в эту деревню, перед ней начали служить молебны, вокруг поднялся страшный шум и вихрь. Все заболевшие жители деревни остались живы и холера более никого в Слободищах не коснулась.

После этого Казанская Губинская икона стала очень почитаемой в Гуслицах и окрестных местностях. Она большую часть года находилась вне храма и путешествовала по старообрядческим храмам. Ежегодно ее носили по селениям Гуслиц и регулярно она бывала в Устьяново, 9 июля ежегодно, и перед ней служились молебны⁴⁶.

Почитание Казанской Губинской иконы Пресвятыя Богородицы в Устьяново перекликается с почитанием Богородичной Тихвинской иконы. День ее празднования в деревне считается «обреченным» днем. В 1920-х гг. в Устьяново случился сильнейший пожар, который мог уничтожить всю деревню. Жители, дабы избавиться от беды, «обреклись» молиться Тихвинской иконе, после чего пожар прекратился.

Рядом с деревней находился Святой родник, к которому регулярно, на Тихвинскую, ходили с иконами.

Первым священником возрожденного Никольского Устьяновского храма стал о. Глеб Иванович Власов, 1887 года рождения. В бумагах уполномоченного значится, что в 1913–1915 гг. он служил диаконом (где – не указано), а с 1915 года – священником. В 1933 году отец Глеб был осужден на пять лет по «знаменитой» «политической» 58-й статье. «Знает плотничье ремесло. Непосредственно участвовал в ремонте молитвенного здания в 1945 г., конечно за плату»⁴⁷.

В первые два года последовавшие за возрождением Устьяновского храма, в 1945–1946 гг., согласно официальным документам его посещало: 50-60 человек по воскресным дням, до 150 человек по двенадцатым праздникам и до 200 человек по «большим» праздникам. За 1947 год власти заметили снижаемость посещения храма прихожанами до 30-40 человек зимой и 15-20 человек летом по воскресным дням⁴⁸. Видимо многие старообрядцы, помнившие репрессии 1930-х гг. еще не преодолели страх и недоверие перед коммунистической властью и предпочитали молиться по домам.

В одном из отчетов уполномоченного Совета по делам культов, про прихожан Никольского старообрядческого храма в Устьяново дана следующая информация: *«Про население же дер. Устьяново говорят, что вместо того, чтобы идти на работу в колхоз, жители*

⁴⁶ Церковь: Журн. М., 1910. № 47. С. 1168.

⁴⁷ ЦАГМ. Ф. 3004. Оп.1. Д. 11. Л. 13–14.

⁴⁸ Там же. Л. 14.

ссылаются на наличие того или иного праздника. Однако снижение посещаемости молитвенного здания за последний год заставляет искать причину плохого отношения к работе в колхозе в другом. Может быть материальная выгода заставляет некоторых предпочитать колхозной работе другие занятия. Здесь, в прошлом, благодаря наличию большого количества кустарей-трикотажников, все поезда бывало встречались продавцами чулок, перчаток и т.п.»⁴⁹. Видимо, власти были озабочены заслуженным отношением селян к колхозу и пытались найти ему любое обоснование. Здесь, по их мнению, были виноваты и церковь, и кустари.

Фото 1960-х гг. из архива
У.Г. Андрияновой

В официальных сведениях за 1948 год, в самой деревне Устьяново было до 200 человек верующих-старообрядцев. Остальные прихожане из местного 2000-го прихода проживали в соседних деревнях Иванищево, Абрамовка, Юрятино, Цаплино и др.

В сентябре 1949 года к уполномоченному обратились старообрядцы входивших в Устьяновский приход деревень Барышево, Мосягино, Чичёво, с просьбой разрешить им посещать не Устьяновский, а Алёшинский храм. Они мотивировали свою просьбу тем, что в Алёшино им гораздо ближе и удобнее ходить⁵⁰.

О жизни старообрядческого религиозного общества в деревне Устьяново мы узнаем из документов фонда уполномоченного Совета по делам культов по Москве и Московской области. В отчете уполномоченного за 1-й квартал 1951 года о деятельности Устьяновского общества старообрядцев Белокриницкого согласия мы узнаем следующее:

О жизни старообрядческого религиозного общества в деревне Устьяново мы узнаем из документов фонда уполномоченного Совета по делам культов по Москве и Московской области. В отчете уполномоченного за 1-й квартал 1951 года о деятельности Устьяновского общества старообрядцев Белокриницкого согласия мы узнаем следующее:

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 14. Л. 13.

«Количество верующих, обслуживаемых молитвенных зданием 1500 человек.

Посещаемость за полугодие в большие праздники была такой: на Рождество 250 чел. Крещение 300 чел., Пасха 350 чел., Троица 200 чел. В другие двенадцатые праздники от 100 до 200 чел. По воскресным дням 50-60 чел. Первые годы по открытии церкви посещаемость была выше, за 1948–1950 гг. она снизилась. Напр., по двенадцатым праздникам число молящихся было 80-100 чел., а по воскресным дням 30-40 чел. Посещаемость за 1951 г. отмечена при другом священнике.

Количество обрядов за полугодие:

Крещений 30, браков 10, похорон 9. Число исповедников около 100. Сведения о количестве обрядов за предыдущие годы были значительно преуменьшены, почему и не приводятся здесь⁵¹.

Далее, в том же деле дан и другой отчет за 1951 год, только уже за его 2-е полугодие. Здесь мы видим следующее:

«Количество верующих, обслуживаемых молитвенным зданием, 1000 человек.

Посещаемость за 2-е полугодие по праздникам: Преображение – 180 чел., Успенье – 90 чел., Рождество Богородицы – 80 чел., Воздвижение – 75 чел., Покров – 70 чел., Никола – 110 чел. В воскресные дни в летние месяцы бывало в церкви по 30-40 чел., зимой – 50-60. Мужчины составляли около 20%. По возрасту молодежи до 25 лет вместе с детьми бывало около 15%, 25-40 л. также до 15%.

Количество выполненных обрядов за 2-е полугодие:

Крещений – 33;

Браков – 9;

Похорон – 11.

За весь 1951-й год было совершено:

Крещений – 63;

Браков – 19;

Похорон – 20.

Исповедников в Успенев пост не было⁵².

⁵¹ ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 14. Л. 47.

⁵² ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 24. Л. 50–51.

Однако не будем забывать, что официальные цифры – это лишь надводная часть айсберга. Старообрядцы не особенно стремились к совершению треб легально. Многие, особенно члены семей членов партии, комсомола и т.п., старались договориться со священником и сделать все необходимое тайком и множество таких треб прошло мимо отчетности. Слабая посещаемость храма по сравнению с общей численностью прихожан объясняется тем, что согласно с той же старообрядческой спецификой, в деревнях молились по домам, под началом своих уставщиков и начетчиков. В приходской же храм обращались к священнику в определенных ситуациях, как-то: крещение ребенка, венчание молодых, погребение усопшего. В последнем случае священник давал разрешительную молитву, а все остальное совершали деревенские уставщики, «читалки» и другие доверенные лица, которые имелись в каждом гуслицком селении. Они же руководили похоронами, поминками, панихидами. Большинство исповедников, особенно упомянутые выше категории, также не вносились в какие-либо ведомости. Поэтому к отчетам и прочим бумагам уполномоченного нельзя относиться как к документам, которые отражают полную картину того, что являл собой Устьяновский приход и того, что в нем происходило.

В документах фонда уполномоченного мы встречаем отчетность и за другие годы. Вот какая картина, также согласно официальным бумагам, наблюдалась в Устьяновском приходе в следующем десятилетии, в 1963 и 1964 гг. относительно треб⁵³:

<u>Год</u>	<u>Крестин</u>	<u>Венчаний</u>	<u>Погребений</u>	<u>Исповедников</u>	<u>Причастников</u>
1963	120	20	8	100	70
1964	149	25	40	87	69

В этом же отчете приводятся данные, также официальные, относительно посещаемости храма по некоторым дням, прежде всего Рождество Христово, Пасху, Престольный праздник⁵⁴:

<u>Год</u>	<u>Рождество Христово</u>	<u>Пасха</u>	<u>Престол</u>	<u>Воскресные дни</u>
1963	300	250	200	35
1964	250	200	150	35

⁵³ ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 84. Л. 47–48.

⁵⁴ Там же. Л. 50.

Но вернемся еще к временам отца Глеба Власова. В 2006 году, в приложении к современному старообрядческому журналу «Церковь» «Во время оно» были опубликованы отчеты епископа Геронтия (Лакомкина) архиепископу Московскому и всея Руси Иринарху о поездках по старообрядческим общинам. Здесь же есть и «Докладная записка о поездке в Егорьевск и с. Устьяново» в июне 1948 года. Про пребывание Владыки в Устьянове в опубликованном документе есть очень немного. Мы приведем этот кусочек полностью:

«В пятницу за мной нарочито прибыл по договоренности с Вами протоиерей о. Глеб Власов, и вечером мы отправились к ним в Устьяново. В Устьянове также радушно встретили и совершали богослужение: на воскресенье 13 июня – всенощную, а в воскресенье в 6 час. утра литургию с молебствием Пресв. Богородице, иконе Божией Матери Казанской. Молящихся собралось очень много. В поучениях пришлось сделать объяснение и строгое назидание, чтобы миряне никогда не позволяли совершать крестного хода без священника и без разрешения, как это было сделано в прошлую Пасху. Виновные просили прощения и обещали, что впредь этого не повторится. Они решили, что беспоповцы без священников совершают все, и они решили, не зная канонов и правил церкви, 42 главы книги Кормчей и др. указаний.

В поучениях был особый призыв честно сугубо трудиться и быть хорошими, образцовыми гражданами нашей дорогой страны, и быть хорошими христианами, избегая всего греховного.

По окончании богослужения в облачении торжественно проводили меня в квартиру о. Глеба Власова, где была приготовлена скромная трапеза. Со слезами благодарности просили и впредь почаще посещать их...⁵⁵

Здесь же, в сборнике «Во время оно», немного говорится и об самом отце Глебе Ивановиче Власове. Здесь, помимо указания на год рождения – 1887-й – поясняется, что родился он в деревне

Острая Лука Медынского уезда Калужской губернии. В сан диакона, в 1913 году, его рукополагал старообрядческий епископ Калужско-Смоленский Павел (Силаев). В 1915 году он же рукоположил отца

⁵⁵ «Молящимися храм был переполнен...»: Отчеты епископа Геронтия о командировках по стране // Во время оно. М., 2006. Вып. 3. С. 125.

Фото 1960-х гг. из архива У.Г. Андряновой

Глеба во священники к храму села Дворцы Калужского уезда. В 1929 году он вернулся на приход родного селения Острая Лука. В 1933 году отца Глеба осудили на пять лет, но уже в августе 1936 года освободили. В 1941 году, во время наступления немецко-фашистских войск, он эвакуировался в Горьковскую (ныне – Нижегородскую) область, где работал плотником на строительстве Перевозской ГЭС.

В ноябре 1944 года отец Глеб Власов перебрался в Москву, где с декабря месяца он работал сторожем при Покровском кафедральном соборе на Рогожском кладбище. В апреле следующего 1945 года отца Глеба направили на служение в только что возродившийся приход Никольского храма селения Устьяново Куровского района Московской области, в Гуслицы. Здесь он прослужил до 16 ноября 1950 года, когда, под предлогом того, что ему отказано во временной прописке, отцу Глебу Власову было предложено властями в течении 24 часов покинуть Московскую область. После этого он какое-то время проживал в поселке Оболенское Малоярославецкого района Калужской области, а затем был направлен на служение в старообрядческий храм села Пилипоновка Винницкой области Украины. Умер он в 1963 году⁵⁶.

⁵⁶ «Молящимися храм был переполнен...» С. 125–126.

Основной причиной нелюбви властей к отцу Глебу было то, что практически сразу же оказавшись на Устьяновском приходе, он начал заниматься деятельностью, которая, по мнению советских чиновников, выходила за допустимые рамки компетенции священника. Отец Глеб не удовлетворялся только исполнением богослужений и треб, посему занялся в приходе работой с молодежью. Он организовал при храме прекрасный молодежный хор, в который входил и будущий священник Сергей Маругин. Местный председатель грозил священнику, что если тот не перестанет учить вере детей и работать с молодежью, он вообще не сможет служить в церкви. Властям также очень не нравилось и то, что отец Глеб посещал с целью совершения богослужений и духовных треб местности, где проживало много старообрядцев и не было ни одного старообрядческого храма. Законами тех лет подобное строго запрещалось. Отцу Глебу Власову власти неоднократно делали предупреждения. В конце концов они решили убрать из Устьяново деятельно священника.

Вместо «снятого с регистрации» отца Глеба Власова, в Устьяновском старообрядческом религиозном обществе в 1-м квартале 1951 года был зарегистрирован священник Василий Иванович Тихонов, 1889 года рождения. В документах уполномоченного о нем также говорилось, что он происходит из рабочих, имеет образование в виде трех классов церковно-приходской школы, в сане с 1923 года «со стажем служителя культа 6 лет», не судим⁵⁷.

Отец Василий сразу же стал продолжать практику своего предшественника и, тайком от властей, стал выезжать за дозволенные границы своего прихода по населенным пунктам Куровского района, где совершал требы: «Утверждают, что священник Тихонов, благодаря уставщику Кареву Д.К., ознакомился с практикой бывшего настоятеля церкви Власова Г.И. и воспринял его приемы»⁵⁸.

Но и священник В.И. Тихонов прослужил на Устьяновском приходе недолго. 24 июня 1953 года он был снят с регистрации «вследствии оставления службы по болезни». Вместо него здесь был зарегистрирован священник Иван Иванович Лоскутов, 1883 года рождения⁵⁹.

⁵⁷ ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 24. Л. 24.

⁵⁸ Там же. Л. 93.

⁵⁹ ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 37. Л. 9.

Фото 2000-х гг. из архива У.Г. Андрияновой

В сборнике «Во время оно» о нем есть немного информации, о том, что родился отец Иван (Иоанн) не в 1883-м (здесь скорее всего мы видим простую опечатку), а в 1888 году в деревне Квакино Алексинского уезда Тульской губернии. 18 июля 1923 года епископ Геронтий (Лакомкин) рукоположил его диаконом к Первому Покровскому старообрядческому храму города Ржева Тверской губернии. В 1928 году был арестован. После выхода на свободу он вернулся в Ржев, где продолжал службу диаконом до 1953 года⁶⁰. документах уполномоченного сказано, что диаконом (без указания места) о. И. Лоскутов служил до мая 1930 года. В сан священника для Устьяновского храма он был рукоположен в августе 1953 года⁶¹.

В 1960-х гг. в Устьяново какое-то время служил священник Авраамий Панин, бывший родом из деревни Селиваниха. В Государственном архиве Российской Федерации нами обнаружены протоколы Освященного Собора старообрядческой Церкви в Москве 17 июня 1969 года, где упоминается запрещенный священник Авраамий Митрофанович Панин, дерзнувший священнодействовать невзирая на

⁶⁰ Во время оно. М., 2006. Вып. 3. С. 188.

⁶¹ ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 37. Л. 9.

запрещение. Протоколом Собора было определено данного запрещенного священника подвергнуть извержению из сана⁶².

В 1977 году в Никольский храм в Устьяново был поставлен во священника отец Петр Половинкин, который прослужил здесь шесть лет. Хиротонисали в священнический сан его одновременно с отцом Сергием Маругиным, назначенным на приход в Алёшино.

После отца Петра Половинкина Устьяновский храм восемнадцать лет был без священника и приход обслуживался настоятелями ближайших старообрядческих храмов из селений Алёшино и Слободищи.

В 1999 году главой Русской Православной Старообрядческой Церкви Митрополитом Алимпием (Гусевым) на Устьяновский приход был поставлен священник о. Алексей Михеев, правнук благочинного старообрядческих храмов Московской области в 1940-х – 1950-х гг. В жизни старинного прихода началась новая страница.

⁶² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 266. Л. 28.

А.И. Шатохин

г. Меленки Владимирской области

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ЕПИСКОП ВЛАДИМИРСКИЙ И ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ КАЛЛИСТ

В истории старообрядчества Владимирской губернии, а с 1929 года Ивановского промышленной области, был единственный епископ – это Каллист. О нём и пойдёт этот рассказ.

Родился будущий епископ Владимирский и Иваново-Вознесенский в знаменитом для старообрядцев месте – в Гуслице. Родился в 1860 году в деревне Цаплино Беззубовской волости Богородского уезда Московской губернии, в миру его звали Макаров Кирилл Ермилович. Приведу некоторые документы относительно его семьи:

1869–71 г. – Подворная перепись населения д. Цаплино;

Ермил Иванович (отец) – 34 года;

Домна Иудовна (мать) – 35 лет;

Кирилл – 10 лет;

Анна – 6 лет;

Пелагея – 2 года.

1901 г. – Списки старообрядцев (по архиву раскольников)
д. Цаплино:

Макаров Ермил Иванович – 67 лет;

Макарова Домна Иудовна – 68 лет;

Сын Кирилл – 41 год.

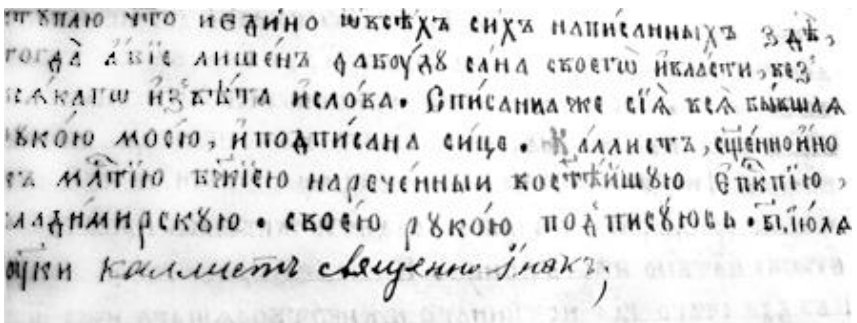

Фото 1

Долгое время Гуслицы были охвачены раздором между окружниками и неокружниками. Этот период непонимания между старообрядцами продолжался около 50-60 лет и совпал с юностью, а далее и зрелостью Крилла Ермиловича.

В этом периоде жизни, Когда Макаров Кирилл Ермилович был неокружником, нам мало известен. В сан дьякона он был рукоположен, пребывая в противоокружничестве. В 1909 году Кирилл Ермилович перешёл под омофор Московской архиепископии, а 3 декабря 1914 года был пострижен в иноки епископом Александром (Боготенковым). На следующий день им же рукоположен во священноиноки. А с 1915 года значился в числе кандидатов в епископы. 25 июля 1920 года Кирилл Ермилович Макаров был рукоположен во епископа на Владимирскую и Иваново-Вознесенскую губернии с именем по монашеству Каллист.

Произошло это событие в Москве, на Рогожском кладбище в Покровском соборе (фото 1). Этому событию предшествовал опрос среди старообрядческих общин Владимирской и Иваново-Вознесенской губернии. Почти единогласно старообрядцы приняли решение, что Владимирской и Иваново-Вознесенской губерниям необходим свой епископ (фото 2).

После 25 июля 1920 года встал вопрос, где будет центр епархии – и этим центром стал не Владимир и не Иваново-Вознесенск, а город Меленки. Это было сделано не случайно, а по следующим причинам:

1. В г. Меленки была старообрядческая община, а вокруг города четыре старообрядческих храма с большими общинами до 700 человек каждая.

2. Епископ Каллист был официально приглашён меленковской купчихой Зайцевой Анастасией Ильиничной, которая подарила ему один из своих домов.

3. Этот подаренный ему дом Каллист переделал в храм. Именно в нём прошли его последние 11 лет духовной жизни (фото 3).

О старообрядцах купцах Зайцевых из города Меленки модно и нужно писать отдельный рассказ. Я лишь остановлюсь на личности Анастасии Ильиничны Зайцевой (фото 4). Фот она сидит в центре. Один из её сыновей был преподавателем в Старообрядческом институте на Рогожском кладбище. Она до самой смерти не боялась

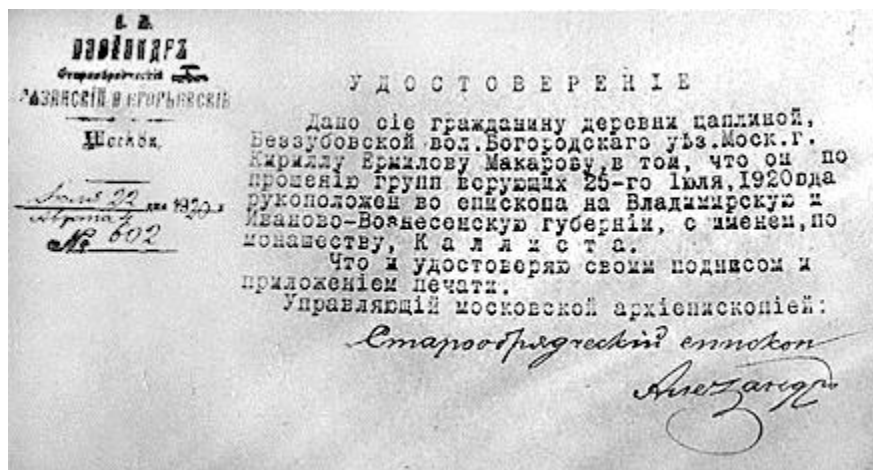

Фото 2

Фото 3

Фото 4

10. Епископы – участники Освященного Собора 1925 г. у стен храма Рождства Христова на Рогожском кладбище, Москва.

Фото 5

подписываться купчихой. Умерла А.И Зайцева в 1937 году и похоронена на Рогожском кладбище.

В тяжелейший период встал во главе Владимирских и Иваново-Вознесенских старообрядцев Каллист, когда закрывались храмы, прихожане разгонялись, а особенно упорные физически уничтожались. В середине 20-х годов старанием Каллиста создаются новые две старообрядческие общины, которые территориально находились вокруг города Муром. Первая – в селе Борис-Глеб – священник Иван Васильевич Сидоров. Вторая – в селе Старое Ратово – священник Иван Леонтьевич Патрикеев.

Епископ Каллист был участником всех старообрядческих соборов 20-х годов на Рогожском кладбище (фото 5). Перед нами фотография епископов, которые участвовали в соборе 1925 года. Точно известно, что в первом ряду сидит и епископ Каллист, но как он выглядит, мы не знаем.

17 декабря 1931 года закончился жизненный путь Каллиста. На старообрядческом кладбище в г. Меленки (не сохранилось) он и был похоронен.

В.А.Соколов
г. Казань

МАСЛОВЫ И ДРУГИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ФАМИЛИИ ДЕРЕВНИ КУЗЯЕВО

Материалы эти лежали у меня почти полтора года и ждали своего часа.

Ревизия 1834 года: *«февраля 26 дня Московской губернии Богородского уезда с. Игнатьева, деревень Фрязиной, Коломиной и Кузьяевой госпожи Коллежской Осессории Анны Ивановны Шевич о состоянии мужского и женского пола крепостных, доставшихся по наследству после родительницы ее Коллежской Осессории Екатерины Дмитриевны Власовой в 1824 году».*

И подворная перепись 1869–1871 годов деревни Кузьяево:

«Ведомость о селении Кузьяевского сельского общества Карповской волости с. Кузьяево

1. *От большого Касимовского тракта, идущего в г. Егорьевск в 3 верстах.*

2. *От Коломенского шоссе в 24 верстах.*

3. *От станции Богородск Нижегородской железной дороги в 13 верстах.*

4. *Близ ручья старой дороги водой пользуются из колодца.*

5. *В 4 верстах от волостного правления.*

6. *В селе Игнате в полутора верстах во имя Великомученика Георгия приходская церковь.*

7. *Богоугодных заведений нет.*

8. *Школ нет.*

9. *Общественных зданий нет.*

10. *Казенных зданий нет.*

11. *Лавок в селении 1, питейный дом 1, постоялый двор 1, трактира и харчевни нет.*

12. *Мельниц нет.*

13. *Три фабрики фарфорово-фаянсовых для выделывания фарфоровой посуды и двух глиняных для выделывания глиняной посуды.*

14. *В селе грамотных мужчин 95, женщин 6.*

15. Селению принадлежит 907 десятин 50 саженой земли. Из сего числа пахотной 302 десятины 1200 саженой.

16. На десятину высевается ржи 1 четверть с 8 мерами, овса 2 четверти.

17. В сем селении высевается ржи 101 четверть, овса 202 четверти».

Нет, я заглядывал, конечно, в эти документы и убеждался, что все на месте, лежат оцифрованные. Двор моих Масловых установлен. Но по-настоящему я их обрабатывать не мог. Двух материалов, да еще с разбегом в 35 лет слишком мало для анализа. Но наступил день, когда Галина провезла мне из московских архивов новый пакет документов, а среди них списки избирателей по выборам в уездное земство 1917 года по деревне Кузьяево.

До приезда Галины я твердо знал две кузьяевские фамилии: Масловы и Прошкины, но исключительно по рассказам. Ныне же их у меня множество. Представленные большим числом персоналий (а, следовательно, могут оказаться коренными кузьяевскими), я приведу: Блинковы, Ванины, Грязновы, Гордяковы, Ермаковы, Исаевы, Кононовы, Корсаковы, Люсины, Мазовы, Мироновы, Мокеевы, Никоновы, Пузановы, Ригины, Сизовы, Стенякины, Фомины, Чинцовы, Чижовы, Шошковы, Широковы.

Степан

Вначале никакого Степана и в помине не было. А был Михаил Фомич, мой прадед, что в деревне Кузьяево когда-то жил, работал у Матвея Сидоровича Кузнецова на фарфоровом заводе в Дулево и был его доверенным лицом. Как сообщают семейные легенды, слыл человеком немислимой честности. Хотя, говорят, было это в среде старообрядческих промышленников нормальным явлением. Впрочем, не мешало это тем краям прославиться и лихим разбоем, и промыслом в сфере фальшивых денег. Видимо, немислимая честность одних и разбойный промысел других старообрядцев как-то своеобразно уживалось вместе.

Но Михаил Фомич, если верить рассказам семейным, эти нормы обычной старообрядческой честности превосходил, а в разбоях и прочих лукавых промыслах замечен не был. Когда сделка крупная

намечалась, то на подписание бумаг договорных было принято звать Михаила Фомича, как гаранта надежной сделки. По сему поводу за ним брочку или подводу посылали, что уж под рукой оказывалось.

Было у Михаила Фомича с его женой Дарьей Афанасьевной три дочери, одна из которых, Наталья Михайловна, мне родной бабушкой приходится. Две других – Мария и Евдокия, о существовании которых, я к своему искреннему смущению, не так давно и узнал – соответственно бабушками двоюродными.

Весной 2009 года появилась у меня выписка из исповедной ведомости 1785 года:

«Исповедная ведомость Георгиевской что на Глинках церкви 1785 год: бывшие у исповеди:

*...раскольники: ...вдова Авдотья Ларионова 69 лет,
у нее дети Иван 30 Иван же 27 лет Степановы,
у большого Ивана жена Ксения Васильева 28 лет у них дети:
Василий 11 Макар 9 Ларион 5 лет,
у меньшого Ивана жена Настасья Кузмина 25».*

Ну, вот, наконец-то вся семья собралась вместе. Выяснилось, что было два брата Ивана (старшой и меньшей) и был у них отцом Степан.

Очень важными персонами выступают в данном случае все женщины в семье. Если Степана попытаться выяснить, то в этом случае нам Авдотья Ларионова будет незаменимой. Чтобы определить, у какого же из Иванов в 1792 году мой Петр родился – Ксения Васильева с Настасьей Кузминой нам помогут. Но все это в том случае состоится, если ревизия 1816 года найдется.

Ровно год спустя, в апреле 2010 у меня появилась выписка из 7 ревизии 1816 года. И есть в этой выписке два двора Масловых, каждый из которых начинается Иваном Степановым: Иван Степанов 1757 года рождения и Иван Степанов 1759 года рождения.

Вначале я, надо сказать, насторожился, когда в каждом из дворов Иванов Степановых по Петру обнаружил. Ну, думаю, все, беда, неужели в такой ситуации надежно не смогу идентифицировать своего Петра. Стал разбираться...

У меньшого Ивана Степанова с женой Настасьей *«сын Петр 27 лет в ополчении с 1813 года не воротился»*. Поскольку 27 лет Петру

было на предыдущую шестую ревизию, то, стало быть, он 1785 года рождения. Да еще и не воротился...

А у старшего Ивана Степанова с женой Акулиной сыну Петру 24 года в седьмую ревизию, следовательно, он 1792 года рождения. Мой!

Положим, с Иванами Степановыми все удачно разрешилось, а вот с самим Степаном большие проблемы возникли. Я вынужден констатировать, что в «заразных скасках» 1773 года семья в Кузьево отсутствует. Сами посмотрите – записаны в ней два Ивана Степановых в разных семьях:

В первой семье: *«Степан Тимофеев 30–41 у него жена Наталья Козмина 40 умре в 771 от заразы у Степана жена Дарья Игнатова 30 взята в Москве сын Иван Степанов 2»*. Ничего не подходит: ни возраст Степана и жены, ни возраст самого Ивана, у которого в 1774 году первенец Василий должен родиться.

Вторая семья: *«Иван Степанов 19–30 у него жена Авдотья Андреева 23 из игнатьевского у них дети Иван 3 и Анисья 1»*. И вновь осечка! Иван Степанов на 12 лет старше, чем нужно, да и жена, Авдотья Андреева, вовсе не Ксения Васильева.

И вот здесь ситуация стала приобретать серьезный оборот. Дело в том, что сказка второй ревизии 1748 года не учитывает женщин, поэтому моя Авдотья Ларионовна помочь нам никак не может. Может спасти нас только какая-либо исповедная ведомость 1750-ых годов – в ней есть надежда на то, что мы отчество Степана сможем определить.

Некрополь в Кузьево

В центральной, самой высокой части старообрядческого кладбища деревни Кузьево находятся захоронения Храпуновых-Новых – самого Якова Герасимовича и близких его.

Но в дальней части некрополя есть еще три памятника, относящиеся к этой же семье. Чтобы разобрать надписи, нам с Галиной пришлось хорошенько потрудиться над тем, чтобы их очистить. Правда, и после этого надписи оказались трудно различимыми, хотя прочесть их нам все-таки частично удалось. К сожалению, через несколько лет эти надписи, возможно, не удастся прочитать вовсе. И сейчас мы не все смогли прочитать на двух памятниках. Но то, что сумели, выглядит следующим образом:

«Храпунов-Новый Иван Яковлевич ск. 1920;
Храпунов-Новый Тимофей
Иванович 1883–1914;

Храпунова-Новая Мария Григорьевна ск. 1926».

Иван Яковлевич и Мария Григорьевна есть в списках избирателей 1917 года. Оба они с 1857 года, если верить спискам. Но им верить сложно, я не раз убеждался в том, что возраст в этих списках указан недостаточно точно. Иван Яковлевич – сын Якова Герасимовича и Агафьи Григорьевны Храпуновых-Новых. В подворной переписи 1869 года он записан в возрасте 17 лет. Не исключено, что Мария Григорьевна является его женой, а Тимофей Иванович – их сыном. Подходящей Марии Григорьевны в Кузьяево мне найти не удалось.

Но у нас была и главная задача – найти захоронения моих Масловых. Где захоронен мой прадед Михаил Фомич Маслов, никому известно не было.

Было жарко. Часов через пять поисков подошли практически к выходу с кладбища. Моих Масловых так и не обнаружили. И здесь встретили жителей Кузьяево Пузановых. Тогда я еще не знал, что Пузановы мне достаточно близкая родственная фамилия.

В этих местах строго с ударениями. Нас не раз поправляли: Речицы – ударение, пожалуйста, на второй слог, Масловы – тоже на второй (когда, я помню, ошибся во второй раз, то в голосе женщины, нас поправляющей, уже читалось легкое раздражение). Пузановы – учтите, ударный слог третий.

Пояснили, что ищем Масловых. Нам твердо заявили: в этой части некрополя их нет. Я вздохнул про себя, поскольку уже знал, захоронения каких Масловых должны быть по другую сторону центральной дорожки. Кстати, как оказалось позднее, ошибался!

Фото 1. Храпунов Яков Герасимович, ск. 19 ноября 1901 года и было ему 75 лет 1 месяц и (неразборчиво) дней.

Мы сказали, что в деревне собирались зайти к Маслову Константину Карповичу. Разговор велся совсем близко от входа на кладбище, и с этого места просматривались задворки деревни, поэтому наши собеседники просто указали: вон его Мария Назаровна сено собирает на задках дома. Мы давно заметили работающую в поле женщину, и поражались, что пока сами относительно неспешно и в тени занимались поиском, она пять часов провела на открытом солнце, а было порядка 30 градусов в тени!

Распрощались с Пузановыми, и я безнадежно говорю Галине: «Вон у того креста мы еще не были» (метрах в пяти от места, где разговаривали с Пузановыми).

Да уж... во-первых, там все заросло, во-вторых, к нужной ограде было не попасть и пришлось перелезть через соседние ограды. Но зато это стоило всех наших усилий!

...Я выпил восьмую чашку чая. Мария Назаровна давно уже позвонила Константину Карповичу на сотовый: «У нас гости из Казани, давай приезжай скорее!»...

Приехал Константин Карпович. Он на пенсии, но поддался настоятельным уговорам поработать еще немного и вот теперь ездит в Москву.

Надвигалась гроза. Мы пошли с ним отвезти на сеновал заготовленные Марией Назаровной валки сена. Присели. И тогда я сказал: «Мы нашли захоронение Михаила Фомича Маслова... и Пермских... они у самого входа...».

...Родственники ли мы с Масловым Константином Карповичем, я тогда мог только предполагать.

Его веточка, начиная с отца, такая: Карп Зиновьев – Зиновий Кузьмин – Кузьма Панфилов – Панфил Васильев – **Василий Иванов** 1774 года рождения.

У меня, начиная с бабушки: Наталья Михайлова, Михаил Фомин, Фома Петров, **Петр Иванов** 1792 года рождения. Разница в возрасте между его Василием и моим Петром составляет 18 лет. Они вполне могут быть братьями, правда, доказать это нелегко. Если удастся выйти на ревизию 1812 года, то можно ожидать найти Петра 19 лет, скорее всего, неженатого, а, если очень повезет, то и Василий найдется в возрасте 37 лет еще в отцовском доме...

«Да как так!» – сокрушается Константин Карпович: «Я всю жизнь живу в Кузьяево и не знаю, где похоронен Михаил Фомич! Мы ведь только к Зиновию и ходим». Зиновий, его дед, был иереем старообрядческой церкви, что стояла в Игнатьево.

Нам не удалось найти захоронение Зиновия Кузьмича. Позднее я вспомнил тот момент наших поисков. Это было в самом конце, в самой крайней части некрополя, когда мы уже порядком устали. «Нам туда» – сказала Галина. Но мне показалось, что я там уже был... и мы не пошли.

«Ну, нет!» – сказал, Константин Карпович: «Так не пойдет. Едем!». Мы погрузились в машину и направились на кладбище вновь... Вначале показывали мы. Здесь похоронены:

Пермский Ермий Андреевич, 24.5.1882–3.1.1971, житие его было 88 лет;

Пермская Мария Михайловна, 18.6.1879–2.2.1966;

Маслов Михаил Фомич, 1.11.1845–29.1.1921;

Маслова Дарья Афанасьевна, 19.3.1845–1.11.1889;

Пермская Екатерина Еремеевна, 15.11.1908–5.5.1982.

Справа стоит еще один крест, к сожалению, безымянный.

Мария Михайловна – дочь Михаила Фомича и Дарьи Афанасьевны, жена Ермия Андреевича и мать Екатерины Еремеевны, а также моя двоюродная бабушка. Пермские из деревни Коломино, это рядом, километра 2-3 от Кузьяево.

В другом конце кладбища скромный крест последнего иерея старообрядческой церкви в Игнатьево Маслова Зиновия Кузьмича (1872–1934).

Фото 2. Захоронение Масловых Михаила Фомича и Дарьи Афанасьевны.

Старообрядческие метрические книги общины деревни Кузьяево

Есть у меня на руках список совершенно необычного документа! Это старообрядческие метрические книги общины деревни Кузьяево

за 1906–1920 году. Список, к сожалению, не полный по разным там обстоятельствам, и вернуться к нему пока не представляется возможным. Мало того, когда я увидел почерк человека, который переписывал этот документ, я просто ахнул и решил, что в таких закорючках разобраться никак не возможно. Затем был период освоения почерка, и я понемногу стал разбирать написанное. В общем, преодолел я и логический расклад материала, и почерк осилил, и стал читать.

Фото 3. Семья Маслова Зиновия Кузьмича: Зиновий Кузьмич, матушка Александра Полиектовна, их дочери (слева направо): Агафья, Евдокия, Софья, Анастасия (крайняя справа), сын Карп Зиновьевич, внучка Зиновия Кузьмича Настя.

Подобных документов ранее не встречалось. Выполненный иереем старообрядческой церкви (уж не моим ли Зиновием Масловым?) документ этот имеет необычную структуру, принцип которой не сразу и уловишь. Представьте себе старообрядческие метрические книги общин в Молоково и Смолево, да и Рогожского кладбища: все понятно и логично – там записи в Книгах о бракосочетаниях, Книгах о рождениях и Книгах об умерших, во-первых, разделены по годам,

во-вторых, идут в хронологической последовательности. А как, спрашивается, иначе, разве по-другому бывает?

«Ну, отец Зиновий!» – в пору было восклицать мне. Но позднее я пришел к мысли, что, скорее всего, такая необычная форма метрических записей – придумка предшественника Зиновия Кузьмича. Не исключен и такой вариант, что документ, попавший мне в руки, может быть вторичным, то есть собран из более ранних записей, хотя сама метрическая книга, наверное, руки отца Зиновия. Чтобы понять, какую форму метрической книги он (или какой другой иерей) придумал, я позволю предложить вашему вниманию отрывок из нее:

«Л. 4

Арсений Стефанов и законная его жена Марина Тимофеева.

1906 года декабря 28 родился Феопент крестился того же дня восприемники Андрей Пучкин и Мария Зиняева.

1908 июля 19 родился Ермолай крестился того же дни восприемники Игнатий Стефанов Пучкин и девица Мария Тимофеевна Зиняева помер 1909 ноября 24.

1909 года июля 27 родился Антоний крестился того же дня восприемники Игнатий Стефанов Пучкин и Анна Акимовна Пучкина помер 1913 12 декабря.

1912 года июля 16 родился Апалинарий крестился того же дня восприемники Тимофей Ермолаев Зиняев крестьянин д. Коломино и (здесь переход на другой фотоотпечаток) ...девица Мария Демидовна Кочанкова крестьянка д. Коломино. 1919 года ноября 6 помер.

1914 года апреля 19 родился Василий крестился того дня восприемники Феопент Арсеньев Пучкин и девица Анна Ивановна Монахова крестьянка д. Коломино помер 1919 года ноября 22.

1918 года мая 14 родилась Елена восприемники Феопент Ансением Пучкин и девица Мария Савельевна Демидова крестьянка д. Кузяево 1918 июля 3 померла.

1919 года сентября 3 родилась Анна восприемники Феопент Пучкин и Анна Саксимовна Зиняева».

Так построена вся метрическая книга. По сути дела, это некая история родословных событий в конкретной старообрядческой семье

(по крайней мере, в части рождений детей). Скажем, родился у Арсения Стефанова и законной его жены Марины Тимофеевой 27 июля 1909 года сын Антоний, но прожил только 5 с небольшим лет. Следовательно, либо ведущий записи иерей через пять с лишним лет возвращается к сделанной им когда-то записи и вносит добавление о смерти, либо эта запись обобщающая и сделана рукой другого иерея.

Но представьте, сколько семейных пар было только в Кузьяево, не говоря уже о старообрядцах соседних деревень! Трудно сказать, облегчала ли такая придумка ведение книг, но чтение записей с точки зрения родословной истории семьи оказалось для меня весьма удобным.

В связи с такой системой сложно определить период ведения метрической книги, но записи как за 1906, так и за 1921 год я встретил. Кстати, отнести эти записи исключительно к общине Кузьяево невозможно, не меньше записей касалось старообрядческих семей селений Коломино, Фрязево, Мещер, Володино, Игнатьевского.

К сожалению, записи оказались таковы, что довольно быстро заполнились моими вопросительными знаками или восклицаниями «а это что?». Что означает, скажем, среди восприемников *«Михаил Иванов Макаров Самохин»* – двое их что ли? Или вот еще: *«Иван Тимофеев Антропов Баринов»*. Можно было бы принять за ошибку (не «Макаров», а «Макар», не «Антропов», а «Антроп»), но записи именно в таком виде повторяются дважды.

К не меньшему сожалению оказалась и склонность записывать семейные пары или восприемников не полностью, например: *«Леонтий Крючков законная его жена Наталия»*. Иногда пропускается и имя: *«...восприемники Арефьев Зиняев и Марина Тимофеевна Пучкина»* или *«восприемники Сорокин и девица Анна Лаврентьевна Вахина»*.

Зато, совершенно замечательно указание девичьих фамилий жен, что, конечно, заметно облегчает поиск, например: *«Деревни Максимовой Кузьма Симаков и жена его Ксения Алексеевна Белова»* или *«Георгий Федоров Мазов и законная его жена Мария Деметьевна Канавова»*.

Эти метрические книги очень интересны. Они, кстати, помогают определить ту часть семей деревни Кузьяево, которые были старообрядцами.

В поисках родственных фамилий

Ванины. В Кузьево проще всего попасть по шоссе от Игнатьево. После железнодорожного переезда до первых домов западной окраины Кузьево, как мне показалось, метров 300-400. Но, если вы прибыли на электричке и вышли на платформе Кузьево, и никто вас на машине не встречает, то придется идти достаточно долго по деревне. На этом пути вам встретиться памятник не вернувшимся с Отечественной войны. А среди фамилий найдете и фамилию Ванин...

К сожалению, имена и отчества, которые, по-моему, в таких случаях уместно было бы писать полностью, как и на большинстве подобных памятников, представлены инициалами. В частности, написано – Ванин П.А.

Я думаю, что фамилия Ванин в Кузьево появилась впервые у Антона Андреевича 1801 года рождения. В документах фамилия встречается только в метрических книгах (после 1906 года) и в списках избирателей 1917 года. И, тем не менее, предполагаю, что она произошла от имени Иван, а отчество отца Антона Андреевича было как раз Иванович.

В переписи 1869–1871 годов в Кузьево можно найти лишь сыновей Антона Андреевича – Назара Антоновича и Давыда Антоновича. Давыд женится на Анне Васильевой неизвестного для меня происхождения. В 1917 году в списки избирателей внесен только один их сын Иван в возрасте 51 года.

Вторая веточка Ваниных (от Назара Антоновича) прослеживается в Кузьево так: около 1845 года женился Назар Антонович на Ирине Петровне, было им в ту пору по 22 года. И дети появились у них. Известно пятеро: Елена, Авдотья, Анна, Анисья и Кузьма. Далее я могу рассказать только про Кузьму. В 1885 году он женился на Фекле Тихоновне. Фекла не из Кузьево, иначе ее в возрасте примерно лет шести можно было бы найти в подворной переписи Кузьево 1869–1871 годов. У Кузьмы Назаровича мне известны два сына, Андрей и Семен. У Андрея с его женой Анной Петровной – три сына, Петр, Иван и Григорий. У Семена дочь Вера.

Осталось добавить самое главное (для меня): Ванины – мои родственники по бабушкиной линии. Ирина Петровна, что вышла

замуж за Ванина Назара Антоновича, одновременно является тетей моему прадеду Михаилу Фомичу Маслову.

Следовательно, на старообрядческом кладбище в Кузьево есть захоронения:

моих четвероюродных дедов:

Ванина Андрея Кузьмича (умер в 1944 году) вместе с Ваниной Анной Петровной (умерла 28.08.1967),

Ванина Семена Кузьмича (26.01.1895–28.07.1965) вместе с Ваниной Марией Яковлевной (13.12.1890–27.12.1965) и Ваниной Верой Семеновной (25.10.1922–26.08.1966),

и моих четвероюродных дядей:

Ванина Ивана Андреевича (31.08.1916–24.04.1994) вместе с Ваниной Таисией Семеновной (21.10.1914–06.03.1989) и с Люсиной Лидией Ивановной (06.03.1939–20.08.2007),

Ванина Григория Андреевича (03.12.1920–20.09.1998), рядом захоронение Ваниной Инны Александровны (25.10.1923– 26.10.1990), вероятно, жены.

Ванин П.А. (Петр Андреевич) – также мой четвероюродный дядя. Он родился в 1910 году. Был призван в 1941 году Раменским РВК. Красноармеец 281 стрелкового полка 341 стрелковой дивизии. Пропал без вести в июле 1942 года в г. Тим Курской области.

Исаевы. В своих тетрадах я нашел записи, сделанные мной во время наших поисков на кладбище в Кузьево:

Исаев Александр Васильевич 9.1888–29.1.1963,

Исаев Василий Александрович (без дат),

Исаев Владимир Васильевич 26.11.1949–16.7.1993,

Исаев Константин Александрович 3.6.1922–2.12.1994.

Далее я, естественно, к спискам избирателей 1917 года обратился.

Исаевых было в Кузьево две разных семьи – редкий случай однофамильцев в одной деревне. Одна семья Исаевых записана в подворной переписи 1869–1871 годов так:

«Коломенского уезда Федосьинской волости дер. Жукова крестьянин Николай Иванов 35 лет, его жена Татьяна Гаврилова 40, их дети Григорий 17, Осип 7. Занятие – расписыванием фарфоровой посуды Николай, Григорий. В Кузьево по годовому паспорту выданному из Федосьинского волостного правления 8.11.1868 за № 730».

Разговор о другой семте Исаевых я начну с интересного разговора с Сапожниковой Лидией Осиповной, что в Игнатьево возле храма живет. Вот что мне рассказала Лидия Осиповна: «...У Трофима дети такие были: Мария, Феодосия, Акулина и Андрей... Иосиф еще. Трофима в старой церкви отпевали (имеется в виду старообрядческая церковь, где Зиновий Кузьмич иереем служил)... а у Марии тоже дети: Константин, Василий, Нина, Анна, Елена».

Посмотрите, какие общие захоронения на кладбище в Кузьево есть:

Исаева Мария Трофимовна (25.06.1890–31.01.1986) и Акимова Елена Александровна (1914–1986), а также Исаевы Анна Александровна (05.07.1916–02.05.1992) и Нина Александровна (25.01.1923–01.03.1993). Следовательно, учитывая приведенные выше записи о захоронениях Константина и Василия Исаевых, можно утверждать, что речь идет об одной семье: родителях (Алекサンドре Васильевиче и Марии Трофимовне) и их детях (Константине, Василии, Нине, Анне и Елене).

Но вся важность в том, что рассказывает-то Лидия Осиповна про семью Масловых, потому что Трофим никто иной, как Трофим Викулович Маслов! Стало быть, Мария Трофимовна по отцу Маслова, это означает, например, что моя бабушка Соколова (Маслова) Наталья Михайловна приходится Марии Трофимовне четвероюродной тетей...

Остается только привести выдержку из комментария правнучки Марии Трофимовны:

«Здравствуйте, Владимир! Здорово Вы раскрутили завязочку с фамилией Исаевы и Масловы! Мария Трофимовна – это моя любимая прабабушка. Вы, наверное, не знаете ничего про нее: она была старообрядкой, умела заговаривать болезни. К ней приезжали с разных концов нашей страны. Баба Маша (как мы все её звали) никому не отказывала в лечении и ничего взамен не просила: люди сами благодарили её сладостями, вкусным чаем, продуктами и т.п. Она и меня в детстве заговорила от ангины, только спустя несколько лет после её смерти я стала болеть... Мне было лет 9, когда хоронили бабу Машу: но я помню, что все было как-то необычно, по канонам старообрядчества. Дети Марии Трофимовны и Александра Васильевича Константин и Василий (мой дед) участвовали в битве

на Курской дуге. Константин дошел до Берлина, а Василий был тяжело ранен, и работал в тылу. Анна служила до конца своих дней в Игнатъевской церкви, пела. Елена жила и умерла в Ленинграде...».

Прошкины. Было так: еще до моего посещения Смолево приехала к Инне Ивановне Галина. Причем дважды: в октябре 2006 года, а первый раз в январе того же года, когда они с Инной Ивановной вокруг Смолево по сугробам бродили, деревню рассматривая. И в этот первый свой приезд Галина разговор в отношении Кузьево завела, рассказывая, что бабушка Володина из той деревни.

Ну, так вот, завела Галина разговор про Кузьево, а Инна Ивановна и говорит: «Кстати! А у меня в Кузьево родственница есть, Анна Родионовна. Вот сейчас возьмем и поедем к ней разговаривать!». Инна Ивановна, надо сказать, человек энергичный, хотя спокойна и движения у нее как бы неторопливые, но столько всего за день успевает – чудо! Вот и в тот раз. «Давай-ка, Женя...» – сыну говорит: «...мы Анну Родионовну, что в деревне Кузьево живет, проведаем». Женя – сын Инны Ивановны – человек доброты и покладистости необыкновенной, совершенно непривычно при таких качествах неженатый, машину тут же из гаража выкатил, и направились они в Кузьево.

Деда Анны Родионовны звали Гаврила Ларионов (Илларионов), он в подворной переписи 1869–1871 годов в возрасте одного года уже прописан. Его отец, а, следовательно, прадед Анны Родионовны, Ларион Петров обзавелся к тому времени семьей, да и лет ему уже немало было – 27. Но Гаврила у Лариона Петрова с женой его Агафьей Яковлевной, судя по всему, первенец.

Родительская семья Агафьи Яковлевны интересна. Во-первых, именами мужскими, так как отца Агафьи зовут Яков Калистратов, а деда 1786 года рождения – Калистрат Львов. Во-вторых, у Якова Калистратова Ирина Гаврилова уже третья жена!

Смотрите: в ревизской сказке 1834 года женой Якова Калистратова записана Настасья 24 лет, самому Якову 25 лет. В книге бракосочетаний Рогожского кладбища 25 апреля 1843 года зафиксирован его брак с Екатериной Никоновой 20 лет, а в ревизской сказке 1850 года появляется с ним рядом уже третья жена Ирина Гаврилова 36 лет. Видимо, Агафья 4 лет дочь именно этой пары...

Напомню, что речь идет о старообрядческих семьях. Причем, если о Смолево и Молоково в ревизских сказках пишется: «Вся деревня в расколе и священство приемлет», то в Кузеево иначе: половина деревни – старообрядческие семьи, половина – православные. Здесь уже в отношении каждого двора старообрядческого пишется: «Все в расколе и священство приемлют», в двух местах, видимо, в отношении православного двора записано: «Женщины все в расколе и священство приемлют». А в одном случае совсем замечательно: про Марфу Иванову 55 лет, жену Андреяна Степанова, запись «Раскольница и священство приемлющая». Одна в семье!

Фамилия Прошкиных также могла произойти от имени. Например, Прохор – Прошка – Прошкины. Подходящий Прохор Михайлов 1761 года рождения в семье будущих Прошкиных есть. Веточка Прошкиных, о которой мы речь ведем, формировалась следующим образом: Прохор Михайлов – Иван Прохоров – Петр Иванов – Ларион Петров. Фамилия, скорее всего, могла появиться у внука Прохора Михайлова Петра Иванова...

У Прошкина Лариона Петрова помимо Гаврилы (и других детей) рождается дочь Мария, которой Анна Родионовна внучатой племянницей приходится... Мария Илларионовна, первый раз вышла замуж за Маслова Ивана Максимовича, племянника моего прадеда Михаила Фомича, а второй раз – за Карпова Федота Ильича в Смолево. Кстати, мать Анны Родионовой, Лукерья Федосеевна, по отцу Тыркина из Смолево, а Тыркина – родная для меня фамилия...

Устиновы. Нет, не найдете вы Устиновых в деревне Кузеево ни в ревизии 1834, ни в ревизии 1850 года. Но самое главное, такой фамилии нет в списках избирателей 1917 года. Понятно, что ее не может быть и в подворной переписи 1869–1871 годов, поскольку там просто нет фамилий. А других документов этого периода, например, ревизии 1858 года, где я мог бы встретить фамилии, у меня, к сожалению, и нет.

Тогда, спрашивается о чем вообще речь идет, о каких таких Устиновых, которых нигде и нет? Устиновы появляются только в старообрядческих метрических книгах Кузеево, о своеобразии которых я вам уже поведал. Вот выписки из метрических книг:

Л. 3: «Филипп Петров Устинов и законная его жена Ирина Николаевна.

1906 года декабря 23 родился Пимен крестился того же дни восприемники Селиверст Шешков и Анна Устинова.

1909 года октября 11 родился Лука крестился того же дни восприемники Селиверст Григорьев Шишков и девица Анна Петровна Устинова.

1912 года марта 25 родился Евфимий крестился того же дни восприемники Павел Петров Устинов и Любовь Петровна Устинова.

1916 года января 4 родился Михаил восприемники Григорий Филиппов Устинов и девица Стефанида Петровна Устинова крестьяне д. Кузьяево».

Л. 6 об.: «Ванин Андрей Козмич и законная его жена Анна Федоровна Устинова.

1911 года января 25 родился Петр крестился 26 числа восприемники Симеон Козмич Ванин и девица Стефанида Петровна Устинова.

1912 года ноября 9 родился Александр крестился того дни восприемники Симеон Козмич Ванин и девица Иульяния Козьминовна Ванина крестьяне д. Кузьяево.

1914 года июня 3 родился Кирилл крестился того дни восприемники Симеон Кузьмич Ванин и девица Стефанида Петровна Устинова. Помер 1915 года февраля 9.

1916 года августа 31 родился Иван восприемники Григорий Филиппов Устинов и девица Стефанида Петровна Устинова.

1919 года февраля 19 родился Василий восприемники Симеон Кузьмич Ванин и Любовь Петровна Здобнова помер 1919 года декабря 16 дня.

1921 года января 3 родилась Татьяна восприемники (имя пропущено) Арефьев Зиняев и Марина Тимофеевна Пучкина».

Если сравнивать записи из метрических книг и списки избирателей 1917 года, то обращают на себя внимание такие совпадения: в метрических книгах есть Устиновы: Филипп Петров с женой Ириной Николаевной, Павел Петров, Григорий Филиппов и Стефанида Петрова, а в списке избирателей Королевы соответственно: Филипп Петров 43 лет с женой Ириной Николаевной 40 лет, Павел Петров 30 лет, Егор Филиппов 21 года и Степанида Петрова 22 лет.

Нет никаких сомнений, что речь идет об одной и той же семье. Получается, что после августа 1916 года и до составления списков избирателей 1917 года по неизвестным причинам фамилия семьи меняется с Устиновых на Королевых. Итак, с этим мы разобрались: Королевы – это в прошлом Устиновы. Хорошо бы найти эту семью в подворной переписи 1869–1871 годов, да и в ревизиях 1850 и 1834 годов. Я рассуждал так: фамилия, по-видимому, произошла от некого Устина, его и нужно искать.

Обнаруживаем единственного Устина в подворной переписи – Устина Михайлова 35 лет. Впору радоваться. Но пока подождем.

В ревизии 1850 года находим сразу двух Устинов Михайловых 20 и 16,5 лет (1830 и примерно 1834 года рождения соответственно). Посмотрите – Устин Михайлов из подворной переписи должен быть 1834 года рождения. Является ли это основанием выбрать определенного Устина Михайлова из этих двоих? Если сравнивались две ревизии, то да, конечно, совпадение по возрасту – аргумент убедительный. Но сравнивать ревизию с переписью нелегко – возраст в такой паре документов может «плавать» и насколько сильно, сказать сложно.

Нужно нам искать дополнительный аргумент. И такая зацепка находится в подворной переписи, да еще какая: У Устина Михайлова 35 лет записан старший брат Ефим 45 лет! Он-то точно должен быть в ревизии 1850 года.

У Устина Михайлова 1830 года рождения старшего брата вообще не указано, а есть только младший – Савва 17 лет. У другого Устина Михайлова старший брат имеется, но зовут его Ермил Михайлов, ему 24 лет. Он, кстати, полностью подходит по возрасту Ефиму Михайлову из подворной переписи 1869–1871 годов. Но особенно важно то, что у него жена записана – Домна Михайлова 29 лет. Вот оно, думаю: уж Домна Михайлова нас не подведет и окажется решающим и, безусловно, достаточным аргументом.

Вновь заглядываю в подворную перепись, но... жена у Ефима Михайлова не указана. Тем не менее, вздохнув, что Домна Михайлова не обнаружилась, я решил, что нужный нам Устин Михайлов – это тот, что записан в ревизии 1850 года в возрасте 16,5 лет вместе со своим братом Ермилом-Ефимом и отцом Михайлой Зотовым. А куда исчез другой Устин Михайлов 20 лет в ревизии 1850 года, я не знаю.

Помните, что происхождение фамилии Устинов от некого Устина я обозначил как предположение. Нам же надо найти эту связку Устин-Устиновы! А дело это непростое: сложность в том, что самому старшему из Устиновых-Королевых, Филиппу Петрову, в 1917 году всего лишь 43 лет, то есть он 1874 года рождения, поэтому обнаружить его в подворной переписи 1869–1871 годов невозможно. Нужно искать его отца Петра. Если Филипп родился в 1874 году, то Петр должен быть в подворной переписи в возрасте как минимум лет 11-12, а, может быть, и более. Вся проблема в том, что у найденного нами Устина Михайлова сыновей вообще не записано, а есть только три дочери: Анна, Екатерина и Соломонида. Что же выходит – не наш это Устин?

Но унывать я не стал, а вспомнил, что у меня есть копия еще одного документа. Называется он *«Статистическая ведомость Богородского уезда Карповской волости Кузьяевского сельского общества селения Кузьяево»* и составлен 14 мая 1883 года. В этом документе краткие сведения о всех 136 дворах деревни Кузьяево, с указанием старших по дворам. Например, во дворе 103 старшим записан Устин Михайлов. Душ у него во дворе пять, одна мужская (он сам) и четыре женских. В числе «женских душ», возможно, жена Устина Авдотья Ефимова 44 лет и, наверное, дочери.

Но сына, на которого мы рассчитывали, во дворе Устина нет. А нет его потому, дорогие читатели, что записан наш Петр Устинов отдельно от семьи отца. Вот двор 92, где он во главе большой семьи: двое мужчин и шестеро женщин. Думаю, что в «мужчинах», кроме самого Петра еще его сын Филипп 9 лет. Остальные сыновья и дочери, знакомые нам по материалам этой статьи, к 1883 году еще не родились. Именно, у них, детей Петра, и должна была появиться фамилия Устиновы...

Вот воистину удивительное ощущение: как бы далеко ты не продвинулся в своем поиске, неизменно чувствуешь, что ты в самом его начале!

Как всегда, с благодарностью вспоминаю всех, кто помог мне с материалами по ЦИАМ и РГАДА: Ирину Фещенко, Ольгу Мокрушину, Галину Соколову, Светлану Ковалеву. Спасибо им большое!

ПРИЛОЖЕНИЯ

**Поколенная роспись от Степана
около 1715 года рождения из деревни Кузьево.
Масловы**

1. Степан (около 1715 – после 1758), прож.: Кузьево, жена: Авдотья Ларионовна (1716 – после 1785), дети: Иван, Иван.

2–1. Маслов Иван Степанович (1755–1836), прож.: Кузьево, жена 1: Маслова (неизв.) Ксения Васильевна (1757 – между 1780 и 1787), жена 2: Маслова (неизв.) Аксинья (1759 – между 1816 и 1834), дети от первого брака: Василий, Макар, Ларион, дети от второго брака: Яков, Федот, Петр, Данила, Ларион, Иван, Матрена.

4–2(1). Маслов Василий Иванович (1774–1835), прож.: Кузьево, жена: Маслова (неизв.) Авдотья (1774 – после 1834), дети: Анна, Панфил.

19–4. Казакова (Маслова) Анна Васильевна (1807 – после 1860), прож.: Кузьево, Молоково, муж 1: Казаков Михаил Матвеевич из деревни Молоково (1804–1828), муж 2: Кирилл Панкратович из деревни Минино (1810 – после 1860), от первого брака сын Лаврентий, дети от второго брака: Агап, Антон, Кузьма, Роман.

62–19. Казаков Лаврентий Михайлович (1826–1854), прож.: Молоково, жена: Казакова (неизв.) Прасковья Петровна (1830 – после 1869), дети: Федор, Марья.

119–62. Казаков Федор Лаврентьевич (1848 – после 1869), прож.: Молоково, семья неизв.

120–62. Казакова Марья Лаврентьевна (1850 – после 1869), прож.: Молоково, семья неизв.

63–19. Казаков Агап Кириллович (1831 – после 1858), прож.: Молоково, жена: Казакова (неизв.) Афимья Федоровна (1833 – после 1858), дочь Марфа.

121–63. Казакова Марфа (1857 – после 1858), прож.: Молоково.

64–19. Казаков Антон Кириллович (1834–1847), прож.: Молоково.

65–19. Казаков Кузьма Кириллович (1838 – после 1885), прож.: Молоково, жена неизв., дети: Тимофей, Иван.

122–65. Казаков Тимофей Кузьмич (1871 – после 1917), прож.: Молоково, семья неизв.

123–65. Казаков Иван Кузьмич (1885 – после 1917), проживал: Молоково, жена: Казакова (неизв.) Прасковья Петровна (1886 – после 1917), дочь Ксения (19.01.1915 – ?).

66–19. Казаков Роман Кириллович (1842 – после 1887), прож.: Молоково, жена: Казакова (неизв.) Федосья Андреевна (1841 – после 1887), дети: Марья, Макар, Степан, Иван, Василий, Федор.

124–66. Казакова Марья Романовна (1861 – после 1869), прож.: Молоково.

125–66. Казаков Макар Романович (1864 – после 1869), прож.: Молоково.

126–66. Казаков Степан Романович (1867 – после 1917), прож.: Молоково, семья неизв.

127–66. Казаков Иван Романович (1869 – ?), прож.: Молоково.

128–66. Казаков Василий Романович (1881 – после 1917), прож.: Молоково, семья неизв.

129–66. Казаков Федор Романович (1887 – после 1917), прож.: Молоково, семья неизв.

20–4. Маслов Панфил Васильевич (1806 – после 1869), прож.: Кузяево, жена 1: Маслова (неизв.) Анна (1809 – после 1834), жена 2: Маслова (неизв.) Марина Михайловна (1806 – после 1869), дети от первого брака: Иван, Кузьма, Егор, дети от второго брака: Викул, Дарья, Анна, Федор, Февронья.

67–20(1). Маслов Иван Панфилович (1830–1835), прож.: Кузяево.

68–20(1). Маслов Егор Панфилович (12.1833–1836), прож.: Кузяево.

69–20(2). Маслов Кузьма Панфилович (1834 – после 1869), прож.: Кузяево, жена неизв., дети: Акси́нья, Татьяна, Елена, Зиновий.

130–69. Маслова Акси́нья Кузьминична (1858 – после 1869), прож.: Кузяево, семья неизв.

13–69. Ушакова (Маслова) Татьяна Кузьминична (1863–После 1917), прож.: Кузяево, муж: Ушаков Петр Васильевич из деревни Кузяево (1862 – после 1917), дети неизвестны.

132–69. Мосалова (Маслова) Елена Кузьминична (1867 – после 1900), прож.: Кузяево, Гора, муж: Мосалов Мефодий Карпович из деревни Гора (1860 – после 1907), дети: Анна, Домника, Игнат, Анна Кирилл.

165–132. Мосалова Анна Мефодьевна (1888 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

166–132. Мосалова Домника Мефодьевна (1893 – после 1900), прож.: Гора.

167–132. Мосалов Игнат Мефодьевич (1895 – после 1900), прож.: Гора.

168–132. Мосалова Анна Мефодьевна (1899 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

169–132. Мосалов Кирилл Мефодьевич (1907–20.02.1943), прож.: Гора, призван в 1941 году Куровским РВК, красноармеец олб 235 сд, погиб в бою 20 февраля 1943 года, похоронен: д. Старо Старорусского р-на Новгородской области, семья неизв.

133–69. Маслов Зиновий Кузьмич (1872–1934), прож.: Кузяево, с 1923 по 1931 год был иереем старообрядческой церкви в Игнатьево, жена: Маслова (Нестерова) Александра Полиэктовна из деревни Коломино (1874–1957), дети: Мария, Евдокия, Карп, Агафья, Софья. Анастасия.

170–133. Бубнова (Маслова) Мария Зиновьевна (04.08.1896–08.10.1986), прож.: Кузяево, муж: Бубнов Иван Федотович из деревни Смолево (21.01.1886–10.03.1969), дети: Анастасия, Александра, Анна, Алексей, Григорий.

207–170. Бубнова Анастасия Ивановна (01.01.1923–01.06.1971), прож.: Смолево, семьи не было.

208–170. Кобозева (Бубнова) Александра Ивановна (01.12.1924–06.12.2006), прож.: Смолево, семья неизв.

209–170. Старкова (Бубнова) Анна Ивановна (1926 – около 1972), прож.: Смолево, Минино, семья неизв.

210–170. Бубнов Алексей Иванович (22.03.1928–08.1994), прож.: Смолево, Москва, жена: Бубнова (неизв.) Адель Эдуардовна (11.03.1930–19.10.1999), дети неизв.

211–170. Бубнов Григорий Иванович (1930 – после 1980), прож.: Смолево, Москва, семья неизв.

171–133. Белова (Маслова) Евдокия Зиновьевна (1903–1973), прож.: Кузьево, Пласкинино, Москва, муж: Белов Федор Иванович из деревни Пласкинино (Около 1900 – после 1925), дети неизв.

172–133. Маслов Карп Зиновьевич (06.10.1906–31.12.1943), прож.: Кузьево, красноармеец, призван в 1941 году Раменским РВК, умер в 344 лагере для военнопленных в Польше, жена неизв., дети: Константин (1931), Евгения (Около 1935), Александр (28.02.1939–09.09.1999).

173–133. Дербукова (Маслова) Агафья Зиновьевна (04.02.1913–23.12.1988), прож.: Кузьево, семья неизв.

174–133. Наумова (Маслова) Софья Зиновьевна (13.09.1915–2005), прож.: Кузьево, в первом браке Гальчина, муж 1: Гальчин Петр из деревни Кузьево (около 1915 – после 1950), муж 2: Наумов Петр Андреевич (около 1915 – после 1945), дети от первого брака: Любовь, Людмила, Вера, Наталья, дети от второго брака неизвестны.

175–133. Маслова Анастасия Зиновьевна (около 1925 – ?), прож.: Кузьево.

70–20(2). Маслов Викул Панфилович (1836 – после 1883), прож.: Кузьево, жена: Маслова (неизв.) Екатерина Тимофеевна из деревни Кузьево (1836 – после 1869), дети: Никита, Трофим, Лукерья.

134–70. Маслов Никита Викулович (1858 – после 1869), прож.: Кузьево, семья неизв.

135–70. Маслов Трофим Викулович (1863–1929),
прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Анна (около
1865 – после 1910), дети: Мария, Иосиф, Федосья,
Акулина, Андрей.

176–135. Исаева (Маслова) Мария Трофимовна
(25.06.1890–31.01.1988), прож.: Кузяево, муж: Иса-
ев Александр Васильевич из деревни Кузяево
(09.1888–29.01.1963), дети: Елена (1914–1986), Ан-
на (05.09.1916–02.05.1992), Константин (03.06.1922–
02.12.1994), Василий (около 1925 – после 1949),
Нина (25.01.1925–01.03.1993).

177–135. Маслов Иосиф Трофимович
(1900–06.11.1941), прож.: Кузяево, призван Рамен-
ским РВК в 1941 году, красноармеец, погиб в бою
6 ноября 1943 года, жена 1: Маслова (неизв.)
Прасковья Степановна (около 1910–1930), жена 2:
Маслова (неизв.) Екатерина из села Игнатьево
(около 1910 – после 1933), дети от первого брака:
Василий (09.05.1925–09.02.1989), Лидия, сын от
второго брака Александр (1933).

178–135. (Маслова) Федосья Трофимовна (около
1910 – после 1935), прож.: Кузяево, муж неизве-
стен, дети: Нина, Григорий, Вера.

179–135. (Маслова) Акулина Трофимовна (около
1910 – после 1930), прож.: Кузяево, муж неизве-
стен, дети: Сергей, Евгения.

180–135. Маслов Андрей Трофимович
(1906–09.1941), прож.: Кузяево, жена неизв., дети:
Виктор, Нина.

136–70. Мазова (Маслова) Лукерья Викуловна (1868 –
после 1917), прож.: Кузяево, муж: Мазов Михаил

Васильевич из деревни Кузьяево (1862 – после 1917),
дети: Яков, Арсений.

181–136. Мазов Яков Михайлович (1895 – после
1917), прож.: Кузьяево, семья неизв.

182–136. Мазов Арсений Михайлович (1897 – по-
сле 1917), прож.: Кузьяево, семья неизв.

71–20(2). Маслова Дарья Панфиловна
(1839 – после 1850), прож.: Кузьяево, семья неизв.

72–20(2). Маслова Анна Панфиловна
(1842 – после 1850), прож.: Кузьяево.

73–20(2). Маслов Федор Панфилович
(1846 – после 1850), прож.: Кузьяево.

74–20(2). Ермакова (Маслова) Февронья Панфиловна
(1849 – после 1917), прож.: Кузьяево, семья неизв.

5–2(1). Маслов Макар Иванович (1776 – после 1785), прож.:
Кузьяево, семья неизв.

6–2(1). Маслов Ларион Иванович (1780–1844), прож.: Кузьяево,
жена: Маслова (неизв.) Анна (1782 – между 1834 и 1850), дети:
Андрей, Прокофий, Акусья, Иван, Пимен, Екатерина.

21–6. Маслов Андрей Ларионович (1804 – после 1850),
прож.: Кузьяево, жена: Маслова (неизв.) Матрена Павловна
(1805 – после 1850), дети: Агрипина, Федосья, Григорий,
Лука, Емельян, Ион.

75–21. Маслова Агрипина Андреевна (1820 – после
1834), прож.: Кузьяево, семья неизв.

76–21. (Маслова) Федосья Андреевна (1831 – после
1850), прож.: Кузьяево, муж: Сергей Матвеевич из дерев-
ни Кузьяево (1829 – после 1850), дети неизвестны.

77–21. Маслов Григорий Андреевич (11.1833 – после 1850), прож.: Кузяево, семья неизв.

78–21. Маслов Лука Андреевич (1834 – после 1882), прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Елена Самойловна (1844 – после 1882), дети: Евдокия, Трифон.

137–78. Маслов Трифон Лукич (1882 – после 1917), прож.: Кузяево, семья неизв.

79–21. Маслов Емельян Андреевич (1841 – после 1869), прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Авдотья Семеновна (1844 – после 1869), дети: Акакий, Дарья.

138–79. Маслов Акакий Емельянович (1865 – после 1883), прож.: Кузяево, семья неизв.

139–79. Гальчина (Маслова) Дарья Емельяновна (1869 – после 1917), прож.: Кузяево, муж: Гальчин Фирс Ефремович из деревни Кузяево (1867 – после 1917), дети: Николай, Пелагея.

183–139. Гальчин Николай Фирсович (1893 – после 1917), прож.: Кузяево, семья неизв.

184–139. Гальчина Пелагея Фирсовна (1896 – после 1917), прож.: Кузяево, семья неизв.

80–21. Маслов Ион Андреевич (1847 – после 1882), прож.: Кузяево, жена: Маслова (Чинцова) Анна Ивановна из деревни Кузяево (1849 – после 1882), дочь Наталья.

140–80. Ригина (Маслова) Наталья Ионовна (1882 – после 1917), прож.: Кузяево, муж: Ригин Аким Миронович из деревни Кузяево (1879 – после 1917), дети неизв.

22–6. Маслов Прокофий Ларионович (1807 – после 1869), прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Софья Гавриловна (1810 – между 1850 и 1869), дети: Яков, Анна.

81–22. Маслов Яков Прокофьевич (1830 – после 1883),
прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Мавра Петровна
(1832 – после 1869), дети: Степан, Александра.

141–81. Маслов Степан Яковлевич
(1860 – после 1869), прож.: Кузяево, семья неизв.

142–81. Маслова Александра Яковлевна (1868 – ?),
прож.: Кузяево.

82–22. Маслова Анна Прокофьевна (22.07.1850 – ?),
прож.: Кузяево.

23–6. Маслова Аксинья Ларионовна (1808 – после 1834),
прож.: Кузяево, семья неизв.

24–6. Маслов Иван Ларионович (1812–1840), прож.: Кузяево,
семья неизв.

25–6. Маслов Пимен Ларионович (1815–1816), прож.: Кузяево.

26–6. Стенякина (Маслова) Екатерина Ларионовна (1820 –
после 1869), прож.: Кузяево, муж: Стенякин Антип Степано-
вич из деревни Кузяево (1817 – между 1854 и 1869), дети:
Никита, Алексей, Авдотья, Михаил.

83–26. Стенякин Никита Антипович (1839 – после 1883),
прож.: Кузяево, жена: Стенякина (неизв.) Афимья Дмит-
риевна (1839 – после 1869). Дети неизвестны.

84–26. Стенякин Алексей Антипович (1844 – после 1869),
прож.: Кузяево, жена: Стенякина (неизв.) Марья Григорь-
евна (1844 – после 1869), сын Никифор.

143–84. Стенякин Никифор Алексеевич (1868 – после
1869), прож.: Кузяево.

85–26. Стенякина Авдотья Антиповна (1849 – после
1850), прож.: Кузяево.

86–26. Стенякин Михаил Антипович (1854 – после 1917), прож.: Кузяево, жена: Стенякина (неизв.) Мавра Корниловна (1854 – после 1917), дети неизвестны.

7–2(2). Маслов Яков Иванович (1787–1827), прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Агафья Григорьевна (1788 – после 1850), дети: Екатерина, Дарья, Авдотья, Домна, Евфимия, Прасковья, Авдотья.

27–7. (Маслова) Екатерина Яковлевна (1804 – после 1869), прож.: Кузяево, муж: Симеон Матвеевич из деревни Кузяево (1799 – после 1834), дети: Устинья, Марья, Алексей.

87–27. Коновова (неизв.) Устинья Симеоновна (1827 – после 1869), прож.: Кузяево, муж: Коновов Степан Демидович из деревни Кузяево (1835 – после 1883), дочь Анна.

144–87. Коновова Анна Степановна (1864 – после 1869), прож.: Кузяево.

88–27. Марья Симеоновна (1831 – после 1834), прож.: Кузяево.

89–27. Алексей Симеонович (1831 – после 1858), прож.: Кузяево, жена: Акси́нья Иовлевна (1822 – после 1850), дети: Анна, Пелагея, Анна, Лазарь.

145–89. Анна Алексеевна (14.01.1850 – ?), прож.: Кузяево.

146–89. Пелагея Алексеевна (1851 – после 1869), прож.: Кузяево, семья неизв.

147–89. Анна Алексеевна (1855 – после 1869), прож.: Кузяево, семья неизв.

148–89. Лазарь Алексеевич (1858 – после 1869), прож.: Кузяево, семья неизв.

28–7. Маслова Дарья Яковлевна (1805 – после 1816), прож.: Кузяево, семья неизв.

29–7. (Маслова) Авдотья Яковлевна (1809 – после 1850), прож.: Кузяево, Коломино, муж: Лаврентий Никитович из деревни Коломино (1810 – после 1850), дети: Аверьян, Поликарп.

30–7. (Маслова) Домна Яковлевна (1814 – после 1869), прож.: Кузяево, муж: Василий Карпович из деревни Кузяево (1812 – после 1855), дети: Степанида, Матвей, Авдотья, Мирон.

90–30. Широкова (неизв.) Степанида Васильевна (11.1833 – после 1896), прож.: Кузяево, муж: Широков Ефим Полиектович из деревни Кузяево (1829 – после 1896), дети: Семен, Авдотья, Иван, Иван, Иван, Марья.

149–90. Широков Семен Ефимович (1861 – после 1869), прож.: Кузяево.

150–90. Широкова Авдотья Ефимовна (1869 – ?), прож.: Кузяево.

151–90. Широков Иван Ефимович (1877 – после 1917), прож.: Кузяево, семья неизв.

152–90. Широков Иван Ефимович (1882 – после 1917), прож.: Кузяево, семья неизв.

153–90. Широков Иван Ефимович (1892 – после 1917), прож.: Кузяево, семья неизв.

154–90. Широкова Марья Ефимовна (1896 – после 1917), прож.: Кузяево, семья неизв.

91–30. Матвей Васильевич (03.08.1849 – до 1917), прож.: Кузяево, семья неизв.

92–30. Авдотья Васильевна (1851 – после 1869), прож.: Кузяево, семья неизв.

93–30. Мирон Васильевич (1855 – после 1869), прож.: Кузяево, семья неизв.

31–7. Евфимия Яковлевна (1818 – после 1834), прож.: Кузяево, семья неизв.

32–7. Чинцова (Маслова) Прасковья Яковлевна (1822 – после 1869), прож.: Кузяево, муж: Чинцов Григорий Дмитриевич из деревни Кузяево (1821 – после 1869), дети неизвестны.

33–7. Авдотья Яковлевна (1828 – после 1834), прож.: Кузяево.

8–2(2). Маслов Федот Иванович (1791 – после 1850), прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Василиса Архиповна (1788 – после 1850), дети: Ефросинья, Леонтий, Дементий, Ульяна.

34–8. (Маслова) Ефросинья Федотовна (1809 – после 1869), прож.: Кузяево, муж: Симеон Дмитриевич из деревни Кузяево, отдан в рекруты в 1836 году (1806 – после 1836), сын Иван, дети Симеона Дмитриевича от первого брака: Григорий (1826 – после 1850), Максим (1830–1836).

94–34. Иван Симеонович (1834 – после 1869), прож.: Кузяево, семья неизв.

35–8. Маслов Леонтий Федотович (1814–1818), прож.: Кузяево.

36–8. Маслов Дементий Федотович (1818–1840), прож.: Кузяево, семья неизв.

37–8. Маслова Ульяна Федотовна (1820 – после 1834), прож.: Кузяево, семья неизв.

9–2(2). Маслов Петр Иванович (1792–1845), прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Анна Федоровна (1791 – между 1850 и 1869), дети: Симеон, Карп, Марфа, Иван, Фома, Евфимия, Ирина, Григорий, Фекла, Петр, Устинья.

38–9. Маслов Симеон Петрович (1811–1812), прож.: Кузяево.

39–9. Маслов Карп Петрович (1812 – после 1850), прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Домна Ивановна из деревни Кузяево (1818 – после 1850), дети: Аксинья, Василий, Никола.

95–39. Ушакова (Маслова) Аксинья Карповна (1843 – после 1869), прож.: Кузяево, муж: Ушаков Афанасий Афанасьевич из деревни Кузяево (1842 – после 1869), дети неизвестны.

96–39. Маслов Василий Карпович (06.1847 – после 1850), прож.: Кузяево.

97–39. Маслов Никола Карпович (26.07.1850 – после 09.1850), прож.: Кузяево.

40–9. Маслова Марфа Петровна (1814 – после 1816), прож.: Кузяево.

41–9. Маслов Иван Петрович (1818 – после 1850), прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Анна Ананьевна из деревни Кузяево (1823 – после 1850), дети: Василий, Егор.

98–41. Маслов Василий Иванович (1839 – после 1850), прож.: Кузяево, семья неизв.

99–41. Маслов Егор Иванович (1849 – после 1850), прож.: Кузяево.

42–9. Маслов Фома Петрович (1820 – между 1869 и 1883), прож.: Кузяево, жена: Маслова (Казакова) Матрена Андреевна

из деревни Кузьяево (1823 – после 1869), дети: Михаил, Акси́нья, Иван, Максим, Анна.

100–42. Маслов Михаил Фомич (01.11.1845–29.01.1921), прож.: Кузьяево, жена: Маслова (неизв.) Дарья Афанасьевна (19.03.1845–01.11.1889), дети: Наталья, Мария, Евдокия.

155–100. Соколова (Маслова) Наталья Михайловна (1873–03.02.1953), прож.: Кузьяево, Смолево, Казань, муж: Соколов Тимофей Иванович из деревни Смолево (1870–1929), дети: Иван, Николай, Евдокия, Евдокия, Григорий, Яков, Александр, Андрей, Наталья.

185–155. Соколов Иван Тимофеевич (1893 – до 1993), прож.: Смолеко, Вербилки, Москва, жена 1: Соколова Татьяна Максимовна из деревни Смолево (1894 – до 1995), жена 2: Соколова Екатерина Максимовна из деревни Смолево (около 1905 – после 1940), дочь от первого брака Зоя, дети от второго брака: Людмила, Владимир.

212–185. Соколова Зоя Ивановна (около 1925), прож.: Москва, семья неизв.

213–185. Соколова Людмила Ивановна (после 1938), прож.: Москва, семья неизв.

214–185. Соколов Владимир Иванович (после 1940), прож.: Москва, семья неизв.

186–155. Соколов Николай Тимофеевич (1895–1920), прож.: Смолево, семьи не было.

187–155. Волкова (Соколова) Евдокия Тимофеевна (1899–1956), прож.: Смолево, Москва, муж: Волков Ивли́й Ювенальевич из деревни Смолево (05.1895–10.1958), дети: Надежда, Алексей, Елена.

215–187. Белякова (Волкова) Надежда Ивлиевна (1924–26.07.1991), прож.: Смолево, Москва, муж: Беляков Константин Иванович (около 1920–17.10.1972), сын Виктор.

227–215. Беляков Виктор Константинович (после 1945), прож.: Москва, жена неизв., дочь Лукерья.

216–187. Волков Алексей Ивлиевич (около 1927 – ?), прож.: Москва.

217–187. Волкова Елена Ивлиевна (17.05.1931), прож.: Москва, дети: Вера, Наталья .

228–217. Андрошина (Котылева) Вера Борисовна (1960), прож.: Москва, дочь Елизавета.

229–218. Котылева Наталья Борисовна (06.04.1963), прож.: Москва, сын Илья.

188–155. Соколов Григорий Тимофеевич (около 1904–17.10.1971), прож.: Смолево, Казань, Жуковский, жена: Соколова (Чистова) Анфиса Васильевна из деревни Смолево (около 1915–10.1993), дети: Нина, Валерий.

218–188. (Соколова) Нина Григорьевна (после 1920), прож.: Казань, Жуковский, семья неизв.

219–188. Соколов Валерий Григорьевич (около 1930 – около 2002), прож.: Жуковский, семья неизв.

189–155. Соколов Яков Тимофеевич (около 1906–1942), прож.: Смолево, Душанбе, Москва, семья неизв.

190–155. Соколов Александр Тимофеевич (20.04.1907–22.12.1913), прож.: Смолево.

191–155. Соколов Андрей Тимофеевич (08.08.1910–03.08.1996), прож.: Смолево, Казань, жена: Соколова (Башашина) Любовь Кирилловна из деревни Корнево Игнатьевской волости (14.09.1914–25.02.2007), дети: Людмила, Владимир.

220–191. Кудрявцева (Соколова) Людмила Андреевна (13.11.1937–28.03.2008), прож.: Казань, муж: Кудрявцев Борис Васильевич (04.05.1937), дети: Наталья, Дмитрий.

221–191. Соколов Владимир Андреевич (19.04.1948), прож.: Казань, Жена: Соколова (Антонова) Галина Федоровна (10.09.1947), дети: Константин, Мария.

192–155. Кабанова (Соколова) Наталья Тимофеевна (16.03.1913 – около 2000), прож.: Смолево, Москва, муж: Кабанов Степан Иванович (1914–03.12.1981), сын Виктор.

222–192. Кабанов Виктор Степанович (после 1937–12.2007), прож.: Москва, семья неизв.

193–155. Тараканова (Соколова) Евдокия Тимофеевна (1895–1955), прож.: Смолево, Меткамелино, муж: Тараканов Ермил Семенович (1895–1980), дети: Андрей, Иван, Григорий.

223–193. Тараканов Андрей Ермилович (1929), прож.: Меткамелино, жена: Тараканова (неизв.) Лидия Федоровна (около 1930), сын Сергей.

224–193. Тараканов Иван Ермилович (около 1930–1989), прож.: Меткамелино, жена: Тараканова

нова (Чехова) Нина Капитоновна (08.03.1932)
из деревни Меткамелино, дочь Любовь.

225–193. Тараканов Григорий Ермилович
(12.08.1933–28.01.2005), прож.: Меткамелино,
жена: Тараканова Лидия Никитична
(09.09.1935–27.06.2004), сын Владимир.

156–100. Пермская (Маслова) Мария Михайловна
(18.06.1879–02.02.1966), прож.: Кузяево, Коломино,
муж: Пермский Ермий Андреевич из деревни Коломино
(24.05.1882–03.01.1971), дети: Степан, Екатерина.

194–156. Пермский Степан Еремеевич (1906 –
после 1955), прож.: Коломино, жена: Пермская (Жу-
кова) Евдокия Михайловна из деревни Турыгино
(около 1905 – после 1955), сын Константин.

195–156. Пермская Екатерина Еремеевна
(15.11.1908–05.05.1982), прож.: Коломино, семья
неизв.

157–100. Конькова (Маслова) Евдокия Михайловна
(около 1880–1949), прож.: Кузяево, Новохаритоново,
муж: Коньков Николай Андреевич (Андреянович) из
деревни Кузяево (1879–1946), сын Евсей.

196–157. Акулин (Коньков) Евсей Николаевич
(1903–1969), прож.: Кузяево, Новохаритоново, же-
на: Акулина (Кустарева) Анфиса Ивановна из
деревни Володино (1901–1962), дети: Зинаида,
Раиса, Надежда.

101–42. Маслова Аксинья Фоминична
(1846 – после 1850), прож.: Кузяево.

102–42. Маслов Иван Фомич (14.07.1850 – по 1869),
прож.: Кузяево, семья неизв.

103–42. Маслов Максим Фомич (11.11.1851–07.02.1919), прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Наталья Гавриловна (1851 – после 1917), дети: Иван, Лаврентий (08.1878–10.04.1912, место: Рига).

158–103. Маслов Иван Максимович (1875–1936), прож.: Кузяево, жена: Карпова (Прошкина) Мария Илларионовна (1882–10.06.1970), развод до 1914 года, дети неизвестны, муж Марии Илларионовны во втором браке: Карпов Федот Ильич (1874–06.02.1947), дети от второго брака: Евдокия, Евдокия, Федор, Зинаида.

197–158. Карпова Евдокия Федотовна (10.02.1914–16.02.1914), прож.: Смолево.

198–158. Кулькова (Карпова) Евдокия Федотовна (17.08.1919–10.06.2001), прож.: Смолево, Яковлевская, муж: Кульков Антон Иванович из деревни Яковлевская (около 1918–1962), дети: Алексей, Виктор, Анатолий, Евгений, Геннадий, Николай, Михаил.

199–158. Карпов Федор Федотович (1922–1985), прож.: Смолево, жена: Карпова (Муратова) Ксения Акифьевна (06.11.1923–02.05.2004), дети: Михаил 1949, Александр 1951, Лидия 1953 года рождения.

200–158. Соколова (Карпова) Зинаида Федотовна (14.10.1924–21.01.1979), прож.: Смолево, муж: Соколов Матвей Иванович из деревни Смолево (15.08.1918–10.03.1985), дети: Людмила 1949, Валентина 1951, Зинаида 1953, Любовь 1958 года рождения.

104–42. Маслова Анна Фоминична (1861 – после 1869), прож.: Кузяево.

43–9. Маслова Евфимия Петровна (1821 – после 1834),
прож.: Кузяево, семья неизв.

44–9. Ванина (Маслова) Ирина Петровна (1823 – после
1869), прож.: Кузяево, муж: Ванин Назар Антонович из де-
ревни Кузяево (1823 – после 1869), дети: Авдотья, Анна,
Анисья, Кузьма.

105–44. Ванина Елена Назаровна (16.05.1850 – до 1869),
прож.: Кузяево, семья неизв.

106–44. Ванина Авдотья Назаровна (1852 – после 1869),
прож.: Кузяево, семья неизв.

107–44. Ванина Анна Назаровна (1856 – после 1869),
прож.: Кузяево, семья неизв.

108–44. Ванина Анисья Назаровна (1862 – после 1869),
прож.: Кузяево, семья неизв.

109–44. Ванин Кузьма Назарович (1864 – после 1917),
прож.: Кузяево, жена: Ванина (неизв.) Фекла Тихоновна
(1863 – после 1917), дети: Андрей, Ульяна, Семен.

159–109. Ванин Андрей Кузьмич (1890–1944), прож.:
Кузяево, жена: Ванина (Устинова) Анна Петровна из
деревни Кузяево (1890–28.08.1967), дети: Петр, Алек-
сандр, Кирилл, Иван, Василий, Григорий.

201–159. Ванин Петр Андреевич (25.01.1911–
1941), прож.: Кузяево, семья неизв.

202–159. Ванин Александр Андреевич
(09.11.1912 – ?), прож.: Кузяево.

199–159. Ванин Кирилл Андреевич
(03.06.1914 – ?), прож.: Кузяево.

203–159. Ванин Иван Андреевич
(31.08.1916–24.04.1994), прож.: Кузяево, жена: Ванина (неизв.) Таисия Семеновна (21.10.1914–06.03.1989), дочь Лидия.

226–200. Люсина (Ванина) Лидия Ивановна
(06.03.1939–20.08.2007), прож.: Кузяево, семья неизв.

204–159. Ванин Василий Андреевич (19.02.1919–16.12.1919), прож.: Кузяево.

205–159. Ванин Григорий Андреевич (03.12.1920–20.09.1998), прож.: Кузяево, жена: Ванина (неизв.) Инна Александровна (05.01.1923–26.10.1990), дети неизв.

160–109. Ванина Ульяна Кузьминична (около 1895 – после 1917), прож.: Кузяево, семья неизв.

161–109. Ванин Семен Кузьмич (26.01.1895–28.07.1965), прож.: Кузяево, жена: Ванина (неизв.) Мария Яковлевна (13.12.1890–27.12.1965), дочь Вера.

206–161. Ванина Вера Семеновна (25.10.1922–26.08.1966), прож.: Кузяево, семья неизв.

45–9. Маслов Григорий Петрович (1825 – после 1865), прож.: Кузяево, жена: Маслова (Блинкова) Анна Афанасьевна из деревни Кузяево (1827–20.01.1900), дети: Дарья, Тимофей, Федор, Петр.

110–45. Маслова Дарья Григорьевна (03.03.1850 – после 09.1850), прож.: Кузяево.

111–45. Маслов Тимофей Григорьевич (около 1860 – после 1896), прож.: Кузяево, Рига, в 1896 году числился формовщиком со стажем работы 10 лет на фарфорофоянсовой фабрике в Риге.

112–45. Маслов Федор Григорьевич (1862 – после 1917), прож.: Кузяево, Дулево, заведующий художественной частью живописного отделения, был включен в список работников Дулевской фабрики на «исходотайствование» званий «потомственный почетный гражданин» и «личный почетный гражданин» за 1902–1916 годы, награжден большой серебряной медалью за службу церковным старостой, в 1896 году числился смотрителем со стажем работы 23 года, семья неизв.

113–45. Маслов Петр Григорьевич (1865 – после 1917), прож.: Кузяево, жена неизв., дети: Иван, Иван, Антонина.

162–113. Маслов Иван Петрович
(08.1888–15.06.1892), прож.: Кузяево.

163–113. Маслов Иван Петрович
(02.1893–06.05.1894), прож.: Кузяево.

164–113. Маслова Антонина Петровна
(03.1895–16.05.1896), прож.: Кузяево.

46–9. Ермакова (Маслова) Фекла Петровна (1831 – после 1869), прож.: Кузяево, муж: Ермаков Тимофей Иванович из деревни Кузяево (1831 – после 1869), дети неизвестны.

47–9. Маслов Петр Петрович (около 1835 – до 1869), прож.: Кузяево, жена неизв., дочь Анна.

114–47. Маслова Анна Петровна (1852 – после 1869), прож.: Кузяево, семья неизв.

48–9. Маслова Устинья Петровна (1836 – после 1850), прож.: Кузяево, семья неизв.

10–2(2). Маслов Данила Иванович (1793–1830), прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Василиса (1791 – после 1834), дети: Кузьма, Григорий.

49–10. Маслов Кузьма Данилович (1824 – после 1869), прож.: Кузяево, семья неизв.

50–10. Маслов Григорий Данилович (1830 – после 1883), прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Анна Васильевна (1831 – после 1869), дети: Федор, Федосья, Тимофей, Ларион.

115–50. Маслов Федор Григорьевич (1856 – после 1869), прож.: Кузяево, семья неизв.

116–50. Маслова Федосья Григорьевна (1858 – после 1869), прож.: Кузяево, семья неизв.

117–50. Маслов Тимофей Григорьевич (1861 – после 1869), прож.: Кузяево.

118–50. Маслов Ларион Григорьевич (1867 – после 1869), прож.: Кузяево.

11–2(2). Маслов Ларион Иванович (1807 – после 1850), прож.: Кузяево, жена: Маслова (неизв.) Агафья Кононовна из деревни Кузяево (1803 – после 1869), дети: Ольга, Григорий, Прасковья, Петр, Иван.

51–11. (Маслова) Ольга Ларионовна (1824 – после 1850), прож.: Кузяево, Коломино, муж: Ефим Лаврентьевич из деревни Коломино (1819 – после 1850), дети: Пелагея, Игнат, Артемий.

52–11. Маслов Григорий Ларионович (1826-После 1850), прож.: Кузяево, семья неизв.

53–11. Маслова Прасковья Ларионовна (1843 – после 1869), прож.: Кузяево, семья неизв.

54–11. Маслов Петр Ларионович (1845 – после 1850), прож.: Кузяево.

55–11. Маслов Иван Ларионович (08.1850 – после 09.1850), прож.: Кузьяево.

12–2(2). Маслов Иван Иванович (1808 – после 1850), прож.: Кузьяево, жена: Маслова (неизв.) Агафья Андреевна из деревни Кузьяево (1806 – после 1869), дети: Надежда, Анна, Василий.

56–12. (Маслова) Надежда Ивановна (08.1833 – после 1869), прож.: Кузьяево, муж: Леонтий Семенович из деревни Кузьяево (1838 – после 1869), дочь Аксинья.

57–12. (Маслова) Анна Ивановна (1843 – после 1869), прож.: Кузьяево, муж: Никита Ларионович из деревни Кузьяево (1834 – после 1869), дети неизвестны.

58–12. Маслов Василий Иванович (1846 – после 1850), прож.: Кузьяево.

13–2(2). Маслова Матрена Ивановна (1809 – после 1816), прож.: Кузьяево.

3–1. Иван Степанович (1758–1815), прож.: Кузьяево, жена: Настасья Кузьминична (1760 – после 1834), дети: Петр, Василиса, Иван, Наталья, Ларион.

14–3. Петр Иванович (1784 – после 1813), прож.: Кузьяево, в ополчении с 1813 года, из ополчения не вернулся, жена: Марья Анисимовна (1786 – после 1850), дети: Илья, Матрена, Авдотья.

59–14. Илья Петрович (1809–1840), прож.: Кузьяево, жена: Афимья Ивановна (1809 – после 1869), дочь Прасковья (1831 – после 1869).

60–14. Матрена Петровна (1811 – после 1850), прож.: Кузьяево, муж: Василий Кирьянович из деревни Кузьяево (1819 – после 1850), дети неизв.

61–14. Авдотья Петровна (1814 – после 1816), прож.: Кузьяево.

15–3. Василиса Ивановна (1786 – после 1834), прож.: Кузяево, семья неизв.

16–3. Крюков Иван Иванович (1789 – после 1834), прож.: Кузяево, жена: Крюкова (неизв.) Матрена (1786 – после 1834), дети неизвестны.

17–3. Наталья Ивановна (1793 – после 1816), прож.: Кузяево, семья неизв.

18–3. Ларион Иванович (1798 – после 1850), прож.: Кузяево, жена: Анна Ивановна (1797 – после 1869), сын Никита.

Перечень использованных архивных источников

ЦИАМ. Ф. 2336. Оп. 1. Д. 88. Списки избирателей по выборам в уездное Земство Богородского уезда Московской губернии. (1917 год). Л. 9–18 об. Селения Кузяево.

ЦИАМ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 535. Л. 3–31. Метрические книги рождений старообрядческой общины деревни Кузяевой. 1906–1920 г.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 394. Ревизская сказка 1850 года 10 октября. Статской советницы А.И.Шевич села Игнатьева с деревнями Фрязиной, Коломиной и Кузяевой. Л. 1081 об. – 1126. Кузяево.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 180. Тысяча восемьсот тридцать четвертого года февраля 26 дня Московской губернии Богородского уезда с. Игнатьева, деревень Фрязиной, Коломиной и Кузяевой госпожи Коллежской Осессории Инны Ивановны Шевич о состоянии мужского и женского пола крепостных, доставшихся по наследству после родительницы ее Коллежской Осессории Екатерины Дмитриевны Власовой в 1824 году. Л. 1213 об. – 1246. Кузяево.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 63. Ревизские сказки крестьян, принадлежащих помещикам с фамилиями на буквы А-Г, 1816 г. Л. 257 об. – 296. Коллежской ассессорши Ек. Дмит. Власьевой. Село Игнатьево, приселок Игнатьевский, Кузяево, Коломино, Фрязино.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Д. 1016. Метрические книги церкви Великомученика Георгия что на Глинках за 1808 год. Л. 677 об. – 692 об. Вотчины господина премьер-майора Дмитрия Федоровича Бехтеева деревни Кузяева.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Д. 968. Метрические книги церкви Великомученика Георгия что на Глинках за 1804 год. Л. 669–672 об. Вотчины господина премьер-майора Дмитрия Федоровича Бехтеева деревни Кузяева.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 544. Исповедная ведомость Георгиевской что на Глинках церкви, 1785 год. Л. 26 об. – 30. Д. Кузяева.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1870. Дворцовая Гжельская волость. Л. 1047 об. – 1058 об. 1773-го года апреля 27-го дня вотчины госпожи церемонимейстерши Екатерины Емельяновны Бехтеевой Московского уезда Жданского стана деревни Кузяева.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1816. Первая ревизия 1719 года. Гжельская волость. Л. 928–929. Д. Кузяева.

В.А. Соколов
г. Казань

СТАРООБРЯДЦЫ ДЕРЕВНИ КОРНЕВО

Дом Башашиных на Корневской улице в Павловском Посаде, где родилась мама, я увидел второй раз в 2008 году. Но впервые я побывал в нем лет 55 назад...

О детских впечатлениях, которые также, безусловно, важны. Их несколько.

...Во-первых, сам дом на улице Корневская. В тот далекий приезд мы останавливались у тети Маруси, ее дом был совсем рядом с вокзалом. А к дяде Коле, Николаю Кирилловичу, который с семьей жил в доме на Корневской, ходили в гости. Просторный, в четыре окна по фасаду, дом все же не производил впечатление огромного. Пройдя несколько метров вдоль стены с небольшим оконцем, подходишь к крыльцу в четыре или пять ступенек. Здесь тоже ничего особенного, хотя именно под крыльцом начинается то, что уже можно назвать подклетом. Но далее дорожка вдоль дома заметно уходит вниз, к саду, а дом буквально вырастает с каждым шагом. И постепенно подклет превращается в полноценный первый этаж высотой более трех метров, полностью отданный под хозяйственные нужды...

...За домом сад. Тенистый, просторный с множеством деревьев. Какое-то фантастически идеальное место для игр. Если земельные наделы здесь, в Корнево, были раньше такие же, как, например, в Смолево, по 40-50 соток, то сад должен был тянуться далеко в сторону Клязьмы. Сейчас сад намного меньше, а между дальним его забором и рекой появились сараи и жилые двухэтажные дома...

...В моих воспоминаниях присутствует еще один дом то ли на этой улице, то ли на параллельной ей. Во дворе там была какая-то абсолютная тишина, а на сложенных в мой детский рост бревнах у стены дома лежала кошка. Она была большая, красивая, бесконечно царственная и сыто-безразличная ко всему окружающему. Обращать внимание на меня – такую мелочь – в ее планы также не входило. Когда позднее я спрашивал, в чьем же доме мы

побывали: «Ну, там еще была КОШКА!», все недоуменно пожимали плечами: во всех домах были кошки. Сейчас и чисто логически я думаю, что мы были в доме у тети Вали...

...Еще мы смотрели какую-то футбольную встречу. Мне кажется, в 50-е годы, существовал особый интерес к футболу, а в небольших подмосковных городках – особенно. Было, по-видимому, делом чести располагать городу неплохой, а, главное, азартно играющей футбольной командой. Также как и болеть «за своих». Были все атрибуты плановой встречи: строгое судейство с криками «Судью на мыло!», отчаянными воплями зрителей и мокрыми от усердия футболистами. Были простенькие, в четыре или пять рядов, трибуны по длинным сторонам поля, Было солнечно, по-вечернему, нежарко, зато достаточно пыльно, поскольку трава была изрядно вытоптанной...

В прошлом году, уезжая из Павловского Посада мы с Галиной отговорили Лиду провожать нас на платформу Ленская к электричке из Электрогорска. Платформа действительно была рядом, а, со слов Лиды, заблудиться было просто негде: «Увидите, куда идет народ...». Но нам не повезло, шли мы заранее, народу практически не было. Мы пристроились за какими-то двумя-тремя шедшими впереди нас, а они, к нашему удивлению, перешли через железную дорогу. Правда, платформа уже была видна, к ней и отправились. Зато за железной дорогой я увидел футбольное поле! Память на него отозвалась с некоторым сомнением, поскольку переход через железную дорогу я совершенно не помнил. Я даже проверил в Интернете, когда была построена ветка Павловский Посад – Электрозаводск, но оказалось, что это случилось задолго до моего рождения. И, тем не менее, я думаю, что я увидел ТО САМОЕ футбольное поле...

...Первой из главных корневских находок была «Ведомость Богородицерождественской на Уполозах Московской епархии Богородского уезда церкви за 1912 год... Обретающимся при оной церкви в приходе нижеявленных чинов людям, со изъявлением против коегождо имени о бытии их в святую четырехдесятницу у исповеди и святых таин причастия, и ктож исповедался токмо, а не причастился, и ктож не исповедался... Игнатъевской волости деревни Корневой крестьяне...».

А среди этих крестьян деревни Корневой нашлась вот такая семья:
«Вдова Ирина Матвеева 66.

сын ее Кирилл 47,

жена его Татиана Зиновьева 41,

дети их Анна 18, Василий 17, Николай 11, Мария 10, Валентина 5».

Следует оговорить, что далее в статье будут встречаться как отчества, так и полуотчества – в соответствии с тем, как они приводятся в документах. Отчества вместо полуотчеств появляются в документах после 1900 года, да и то не во всех. Как мы видим, в исповедной ведомости 1912 года так же пишутся полуотчества.

Желая специально сохранить «для истории» эмоциональный настрой, я привожу свой собственный (путанный и потому забавный) комментарий того времени практически без сокращений:

«Башашины! Кирилл Иванович – мой дед. В 1900 году есть Башашин Иван Перфильевич 62 лет, поскольку Ирина Матвеевна вдова, а Башашина Ивана Перфильевича в 1912 году в других дворах нет, следовательно, это косвенное доказательство того, что именно он являлся мужем Ирины Матвеевны».

Следует заметить, что в этой исповедной ведомости уже отсутствует раздел «записных раскольников», как это было ранее, в исповедных ведомостях 18 и 19 веков. Поэтому выглядит все чинно и благородно: все явились к исповеди, а раскольников (ой, прошу прощения – старообрядцев) вообще в этой самой деревни Корнево будто бы и не водится. Да ничего подобного! Не далее, как в это же самое время в Корнево строится старообрядческая церковь...

Сегодня в Павловском Посаде действует старообрядческий храм Рождества Пресвятой Богородицы, настоятель – отец Михаил (Егоров). Известно, что построен он на месте старой деревянной церкви, сгоревшей в 1993 году. Освящен храм в 1997 году. Когда был построен деревянный храм, я точно не знаю, но где-то сразу после 1910 года. Что интересно, церковь эта старая, будучи окружной, никогда не закрывалась в годы Советской власти, а, например, в 1944 году была одна из трех действующих старообрядческих церквей Московской области, наряду с храмами в Орехово-Зуево и Верее.

Фото 1. Старая старообрядческая церковь Рождества Богородицы в деревне Корнево.

Вернусь к выписке из исповедной ведомости 1912 года. Детей в семье Кирилла Ивановича и Татьяны Зиновьевны было не пятеро, как указано в документе, а шестеро. Просто самая младшая – Любовь, моя мама, на тот год еще не родилась. А когда она родилась в 1914 году, то приняла крещение в новообрядческой церкви Рождества Богородицы погоста Уполозы, о чем соответствующий документ в семейном архиве хранится.

Кирилла Ивановича не стало, когда маме было меньше года. Татьяна Зиновьевна осталась одна с ватагой детей, из которых,

Фото 2. Башашина
Татьяна Зиновьевна (1872–1939).

правда, Анна и Василий были уже достаточно взрослыми, чтобы помогать. Но как у них складывались дела с семейным бюджетом, я совершенно не знаю...

А вот дальше нашлась исповедная ведомость 1865 года. И семья в ней выглядела уже следующим образом:

«Вдова Гликерия Терентиева 82,

дети ея Терентьевы: Перфил 62, Емельян 54.

Перфилия жена Евдокия Никифорова 52,

дети их: Иван 26, Василий 22, Иван 20, Евдокия 19, Илия 12, Феодор 6.

Ивана жена Ирина Матвеева 23, сын их Адриан 2».

Обратите внимание, насколько важна была исповедная ведомость 1912 года. Искал бы я своего прадеда Ивана среди множества Иванов 1865 года. Да и к тому же Кирилл, хотя он 1865 года рождения, в исповедной ведомости еще не записан. Но положение, безусловно, спасает жена Ивана, Ирина Матвеева, которая присутствует в том и другом документе.

Но самое важное, как выяснилось, впереди, поскольку прочтению выписки из исповедной ведомости 1865 года предшествовала небольшая наша с Ириной переписка. Я ее письма, которые носят прямо-таки исторический для меня характер, сохранил. Вот что она пишет: *«А, забыла: Башашины-то твои – раскольники!».*

Мое ответное письмо я не нашел, но, по всей видимости, я ответил, что нет, дескать, они не старообрядцы, они православные, ну, и так далее, причем (я точно это помню), с явным сожалением, что вот смолевских кровей я чистый старообрядец получаюсь, а с павлопосадскими неувязочка вышла...

Но спустя полчаса получаю новое письмо: *«Говорят тебе – раскольники!!! В тексте – исповедка 1865 года с этой семьей. В графе – раскольники...»*.

Вот так: выходит я полный и законченный со всех сторон старообрядец по всем своим дедам, прадедам, бабушкам, прабабушкам и дальним предкам. Кирилл, рожденный в старообрядческой семье, наверняка был крещен по старому чину, да и жена его, Татьяна Зиновьевна, скорее всего, также из старообрядческой семьи. Что уж там дальше в семье Башашиных произошло, и почему маму крестили в новообрядческой церкви в Уполозах, я не знаю. Но, размышляя, прихожу к выводу: других-то аргументов, что семья перешла в новообрядчество, у меня, в общем-то, и не было до поры до времени. Лишь чуть позднее удалось уточнить картину с новообрядчеством среди Башашиных.

Так, в частности, в бракосочетаниях и крещениях по никонианскому чину в церквах Павловского Посада участвовали:

в качестве одного из родителей: Яков Романов Башашин 15.11.1899, 26.04.1901 и Алексей Романов Башашин 15.02.1903;

в качестве восприемников: Иван Алексеев Башашин 18.02.1901, Иван Федоров Башашин 26.06.1897, 30.08.1899, 06.03.1900, Григорий Яковлев Башашин 30.11.1900, Сергей Емельянов Башашин 29.10.1906 и Тимофей Сергеевич Башашин 20.10.1906;

в качестве свидетеля бракосочетания Иван Перфилов Башашин 14.04.1883, 08.06.1894.

Забавно наблюдать за собой: словно ищешь оправдание своим Башашиным – они же преимущественно восприемниками или свидетелями! Но, понятно, что часть Башашиных по каким-то соображениям все же ушла к концу 19 века от старообрядчества...

Ко всему этому хочу добавить вот какую историю. «Да, кстати, Володя» – говорит мне Лида: «Ко мне ведь отец Михаил из старообрядческой церкви заходил!». Следует пояснить, что Лида с отцом Михаилом давно знакома чуть ли не школьных лет.

Самое интересное – это причина, по которой навещал ее отец Михаил. Как оказалось, интересовался отец Михаил Башашиными вообще, поскольку хранилась у него ранее некая бумага, связанная со строительством старой старообрядческой церкви и фигурировала

там фамилия «Башашин» то ли в связи со спонсорством, то ли в связи с организацией самого строительства. Но, поскольку бумага пропала, отец Михаил и хотел навести справки у Лиды, но ничего выяснить не смог. Зато мы с Галиной тут же сообразили: самое время к отцу Михаилу в гости попроситься, благо – всего лишь дорогу перейти, и разговор с ним обстоятельный составить. Лида мигом все нам организовала, и мы действительно и неспешно обо всем поговорили с отцом Михаилом у него дома. Правда, что был за документ, в котором упоминался в связи с церковью кто-то из Башашиных, выяснить не удалось.

Сию я и листаю книгу Виктора Ситнова о павловопосадских обывателях в поисках знакомых фамилий.

Фамилии знакомые, конечно, обнаруживаются. Например, Бобковы – они и в Костино и в Горе жили. Я, естественно, к базе своей обратился и в отношении Бобкова Николая Прохоровича, что у Ситнова записан, поиск учинил. Поиск, кстати сказать, на этот раз бесполезный. Ладно, думаю, кто еще у нас записан? А на той же странице у Виктора Ситнова еще одна фамилия знакомая: Березин. Так и есть: Березин Даниил Ильич 1880 года рождения, из крестьян деревни Корнево. *«...до 1912 года работал набойщиком на местной ф-ке Абрамова, затем в красильном отделе ф-ки Богородско-Глуховской мануфактуры...».*

На мануфактуре Богородско-Глуховской Даниил Ильич долго не проработал, а стал с 1915 года служить диаконом в храме св. Анны Кашинской в Кузнецях. И вот с этих слов заинтересовал меня Даниил Ильич.

Церковь св. Анны Кашинской в Кузнецях: построена на средства А. И. Морозова в 1909–1913, принадлежала окружнической общине. Закрыта не позже сер. 1930-х, с 1980-х заброшена... Но сейчас начато восстановление церкви.

25 июня 2007 года на торжественное богослужение и официальную передачу церковного здания верующим приезжал глава Русской Православной Старообрядческой Церкви митрополит Московский и всея Руси преосвященнейший Корнилий, а также представители местной власти и древлеправославного духовенства, гости из московских старообрядческих приходов.

В день празднования памяти святой (25 июня 2011 года), возрождающийся храм, накануне украшенный новым иконостасом, вновь посетил и провёл здесь молебен с водосвятием первый иерарх РПСЦ преосвященнейший владыка Корнилий.

Служил Даниил Ильич не только в Кузнецях, но и в старообрядческой церкви деревни Глазово под Серпуховым. Старообрядческая община в селении Глазово Высоцкой волости Серпуховского уезда Московской губернии известна со второй половины XVII столетия.

Поскольку все интереснее мне наш корневский старообрядец Даниил Ильич становился, решил я проследить его родословную.

В исповедной ведомости 1912 года семьи Даниила Ильича в Корнево нет. Причем, в 1900 году в Корнево шесть дворов Березиных: Михаила Ивановича, Федула Павловича, Зота Федоровича, Никиты Васильевича, Ефрема Васильевича, Петра Никитича. А в 1912 никого из них я не нахожу, ну разве что двор Якова Никитина, возможно, сына Никиты Васильевича. Видимо, все или почти все Березины из Корнево куда-то разъехались.

Следующий документ у меня на руках – исповедная ведомость 1865 года. Искать в ней Даниила, как вы понимаете, бесполезно, а вот его отца очень даже можно. И нахожу я двор, в котором и Михаил Иванов, и Федор Иванов с сыном Зотом 3 лет прописаны. Но меня, прежде всего, интересует их старший брат Павел Иванов 35 лет, он старший по двору. Федул родится у него только год спустя, в 1866, зато в этой исповедной ведомости у Павла записан Илья 17 лет, причем, с ошибкой, как будто бы он брат, но на самом деле сын Павла – ревизия 1858 года все расставляет на свои места – в ней Илья однозначно сыном Павла указан. Так вот у этого Ильи спустя 15 лет и родится сын Даниил. Это так, никакого второго Ильи ни среди Березиных, что двумя большими дворами среди «раскольников» представлены, ни вообще в Корнево, больше нет. Вот чем и хороши небольшие деревни, что слово «единственный» частенько произносить удается.

Стало быть, мы узнали, что у Даниила Ильича был дед Павел Иванов 1830 года рождения. Но ревизия 1858 года нас поправляет: Павел Иванов не 1830 года, а 1835, а Илья не 1848 года, как утверждает исповедная ведомость, а 1855. Понятно, что доверия к ревизиям у нас несравненно больше, чем к исповедным ведомостям.

В ревизии 1858 года по Корнево есть двор, в котором Павел Иванов записан племянником Федора Федорова 60 лет, а у Федора Федорова и жена указана – Варвара Сысоева.

Самое время заглянуть в исповедную ведомость 1830 года, которая, слава богу, тоже у меня есть. Конечно, Павла мы там не найдем, но рассчитываем найти Федора Федорова с женой Варварой Сысоевой. На Варвару Сысоеву я особые надежды возлагаю. И не зря! Есть такая Варвара Сысоева 31 года в 1830 году. Мужа у нее зовут Федором (отчество не указано), а брата мужа – Иваном! Хорошо, что мы помним отчество у Федора – Федоров, поскольку отца его в исповедной ведомости нет, а есть его жена вдова Татьяна Григорьева 62 лет. Ну, что ж мы уже знаем Ивана Федорова 1803 года рождения! Что у нас еще в запасе? А в запасе есть ревизия 1811 года. Татьяну Григорьеву мы там не найдем, а ее мужа Федора в возрасте примерно 40 лет с двумя сыновьями, Федором и Иваном, должны найти.

Ревизия 1811 года. Что-то все слишком просто получается, даже думать не приходится: вот он Федор Никифоров 41 года, а вот его сыновья: Федору 15 лет, а Ивану – 10. Итак, деда Павла Иванова звали Федором Никифоровым. Далее нашлась исповедная ведомость 1792 года, в которой мы находим нужный нам двор: Никифор Семенов 48 лет, а у него сын Федор 24 лет, а у Федора жена Татьяна 25 лет. Таким образом, от Никифора Семенова до Даниила Ильича у нас определилось семь поколений. Но и везение наше, на этом, похоже, готово закончиться, так как далее у меня на руках первая ревизия 1722 года. Ищем Семена, у которого в 1744 году мог родиться сын Никифор. Он, этот Семен, может и быть в первой ревизии, но, не исключено, что еще не родился. Отмечаем лишь, что среди 11 дворов Корнево в исповедной ведомости 1792 года полуотчество Семенов есть только у Никифора.

Первая ревизия 1722 годов. Девять дворов в Корнево. Понятно, что записаны только мужчины – в пяти дворах по одному мужчине, может быть, семьи маленькие. Есть двор будущих Башашиных. И есть два двора, где записаны Семены. Давайте разбираться.

Во-первых, записан Семен Константинов 42 лет. Исходя из этого документа, в 1744 году, когда рождается Никифор, Семену Константинову должно быть 66 лет. Несколько многовато, но на самом

деле, возможность рождения у него сына определяется возрастом жены. Кроме того, это период, когда возраст значительно изменяется от документа к документу. Например, Семену Константинову в переписных книгах 1704 года всего 15 лет, а, если принимать эту запись верной, то в 1744 году ему должно быть 55 лет.

Во-вторых, в первой ревизии числится еще один Семен – Семен Гаврилов. Его возраст (30 лет) указан с явной ошибкой, если учитывать два обстоятельства: его отцу, Гавриле Петрову, в том же документе всего 30 лет, а сам Семен записан между старшим братом (Яковом, которому 20 лет) и младшим, семилетним Козмой. Но, что особенно интересно, в переписных книгах 1704 года у Гаврилы Петрова вообще не указаны сыновья, по-видимому, они еще не родились. Поэтому отцовство Семена Гаврилова для Никифора Семенова кажется мне заметно более вероятным, чем отцовство Семена Константинова.

Так что примем второй вариант как наиболее вероятный. Следовательно, и для Никифора Семенова обнаружился его потенциально очень вероятный дед – Гаврила Петров. Да что там дед! В пяти дворах Корнево, что внесены в переписные книги 1678 года, есть единственный Петр – Петрушка Родионов. И пусть Гаврила вместе с ним еще не записан (потому, что еще не родился), а числятся только сыновья Фролка да Иванка, мы не сомневаемся – это искомый Петрушка – десятое поколение для Даниила Ильича.

Вы меня спросите: а что это я так разволновался по поводу Даниила Ильича. Ну, служил понемногу в старообрядческих церквях св. Анны Кашинской в Кузнецках, да Успения, что в Глазово. Но я вам отвечу, в чем дело. Родился Даниил Ильич еще в царствование Александра II, а умер, когда вел нашу страну по пути развитого социализма Леонид Ильич Брежнев, в 1979 году. Это год, когда СССР ввел свои войска в Афганистан, когда США и СССР подписали договор ОСВ-2, когда в небе на Днепродзержинском столкнулись два самолета и погибла футбольная команда «Пахтакор» из Ташкента, когда, наконец, вышли многие замечательные отечественные фильмы: «Сталкер», «Тот самый Мюнхгаузен», «Москва слезам не верит», «Шерлок Холмс и доктор Ватсон» и др. И все при жизни одного человека. Но самое главное, что я хотел сказать: Даниил Ильич был бесменным настоятелем старообрядческого храма во имя Рождества

Богородицы в Корнево (Павловском Посаде) с 1920 по 1979 год. 59 лет на службе старообрядческой вере, причем в самые лихие 30-е годы и гонений в период Никиты Хрущева.

Вернемся к моей прабабушке Ирине Матвеевой: в ревизии 1865 года она среди всех моих «раскольников» в возрасте 23 лет уже прописана.

Благодаря рукописным деяниям священника Богородицерождественской, что в Уполозах, церкви, нашлась исповедная ведомость 1860 года, а в ней записан двор Матфея Иванова 62 лет с женой его Ксенией Алексеевой 50 лет и дочерью Ириной 18 лет. Другой Ирины Матвеевой в документе нет. Так в мой круг поиска вошла деревня Улитино, поскольку Матфей с Ксенией и родственниками числом 11 человек именно там и проживали. Год назад я вообще ни про какое Улитино не думал, хотя на название внимание обращал – оно мне нравилось.

Деревня Улитино. К. Нистрем (1854): *«Улитино, деревня 1-го стана, Госуд. Имущ., 128 душ м.п., 130 ж., 34 двора, 81 верста от столицы и 23 от уездн. гор., близ Коломен. Тракта».*

Ирина Матвеева из деревни Улитино вышла замуж за моего прадеда Башашина Иван Перфильева. Прадед Ирины Матвеевой, Федор Данилов есть в исповедной ведомости 1792 года в возрасте 78 лет. Собственно, его возраст и оказался для меня необычайным везением, поскольку следующим после исповедной ведомости 1792 года документом на руках была только первая ревизия 1722 года. Там и нашлась запись по деревне Улитино: *«Данила Иванов 35 а у него сын Федор 5 лет».*

В писцовой книге 1704 года вообще интересно: *«Мина Павлов у него внучата Данила 30 лет да Остафий семи лет Ивановы».* Сразу два новых для меня поколения. Наконец, в писцовых книгах 1678 года читаю: *«двор Минька Павлов у него ж братья Стенько да Микифорко да Офрейко у Миньки сын Минька ж семи лет у Стеньки сын Гурько осьми лет у Микифорка сын Якушка четырех лет».*

Ну, вот и появились живущие одним двором Мина, Степан, Никифор и Анофрий Павловы – сыновья самого дальнего моего предка из деревни Улитино – Павла.

Виктором Ситновым подготовлен очередной выпуск Словаря-справочника фамилий обывателей Павловского Посада до 1917 года. Поскольку Павловский Посад от меня далеко, я попросил Виктора Ситнова прислать список домовладельцев деревень Улитино и Гора. Расчет мой был на выяснение девичьей фамилии моей прабабушки Ирины Матвеевны. И вот этот список у меня на руках. Нужный мне двор в 1858 году так записан:

«Матвей Иванов 59–66, Матвея Иванова втораго брака жена Аксинья Алексеева 47, его дочь Ирина 14, его сын Федор 3–10, Матвея Иванова брат Давыд Иванов 50–57, Давыда Иванова жена Анна Захарова 58, его дочь Авдотья 17, Давыда Иванова сын Самсон 22–29, Самсона Давыдова жена Евгения Иванова 27, его дочери: Афимья 5, Анна 4, Самсона Давыдова сын Афонасий новорожденный 2».

Меня в первую очередь мужская половина семьи интересует, да к тому же еще и младшая, чтобы в подходящем возрасте в список домохозяев в начале 20 века попасть. Я даже присмотрел для этой цели Федора Матвеева и Афанасия Самсонова, уверенно полагая, что кто-то из них непременно в списке окажется. Оказались в списке оба, да как интересно: Матвеев Федор Матвеевич 55 лет и Давыдов Афанасий Самсонович 45 лет. Таким образом, я не только фамилию Ирины Матвеевны установил – Матвеева, но и обнаружил, что фамилии в семье появились: Матвеевы – в поколении Ирины с братом Федором – от имени отца, Давыдовы – у детей или внуков Давыда (Давыдовы).

Когда-то у нас с Ириной забавный случай произошел. Она по сходству названий переписала вместо жителей Горы Запонорской волости, которой я интересовался, жителей Горы Игнатъевской волости. И позднее, когда у нее на руках оказывались документы по тем местам, мы с ней посмеялись: ты, пожалуйста, «ту Гору» посмотри, а «не ту Гору» – не надо. Тем не менее, по деревне Гора Игнатъевской волости у меня появилось два документа: Списки избирателей по выборам в Учредительное собрание Игнатъевской волости 1917 года и исповедная ведомость «Богородской округи, Вохонской десятины, Церкви Рождества пресвятыя Богородицы, что в Уполозах» 1830 года.

Деревня Гора

К. Нистрем (1854): *«Гора, деревня 1-го стана, Госуд. Имуц., 56 душ м.п., 77 ж., 19 дворов, 68 верст от столицы и 22 от уездн. гор., на Коломен. тракте».*

Затем я обнаружил, что у меня со временем накопилось еще некоторое количество документов по Игнатьевской (ранее – Вохонской) волости. Настала пора женщин «привязывать» – замужних к родительским семьям, а девочек – к будущим мужьям. Вот так и сравнивал разные по времени документы – сотни полторы персон женского пола я в поиск включил. Никогда раньше такой поиск не был столь мало результативным, как в этот раз: из этих полутора сотен нашлось всего два случая: некто Варвара Петрова и Прасковья Петрова определились со своими родителями. Но когда стал вдумываться, я понял, как мне повезло.

Итак, начнем с Прасковьи Петровой. Она вышла замуж за Башашина Емельяна Терентьева, родного брата моего прапрадеда Ивана Терентьева. Да, но это только полдела. А вторая половина дела в том, что Варвара и Прасковья родные сестры, дочери Петра Гаврилова и Марины Егоровой. И вопрос третий: откуда эта семья (Петр с Мариной)? Конечно, вы, учитывая мою преамбулу, уже догадалась – семья эта из «не той Горы». О Варваре Петровне я расскажу ниже.

Гора и Улитино – две деревни, которые не просто рядом расположены, а едва ли не слились друг с другом. И они сейчас для меня большой интерес представляют. В деревне Гора 1678 года всего три двора: Васки Герасимова, Митки Макарова да Левки Матвеева. Весьма большая вероятность, что кто-то из них также моим прямым предком окажется.

Определение фамилии в семье Петра Гаврилова в деревне Гора более сложным делом оказалось, по той причине, что самого Петра Гаврилова мы только в исповедной ведомости 1830 года встречаем в возрасте 36 лет, и надеяться найти его в списках домохозяев деревни Гора в 1904 году невозможно. Зато можно думать, что в 1904 году будет жив кто-то из его детей (с отчеством Петрович). Ситуация, правда, в этой семье для нас непростая: у Петра Гаврилова с женой Мариной Егоровой записано семеро дочерей и ни одного сына! Что ж, будем надеяться, что хотя бы один сын да родился позднее 1830 года. Хорошо было бы для такого случая в ревизию

1850 и 1858 годов заглянуть, чтобы убедиться в появлении наследника мужского пола, но пока такой возможности у меня нет.

В списках домохозяев 1904 года я обнаружил всего одного Петровича: Сатарова Николая Петровича 60 лет. То, что Петрович всего один – это хорошо, но является ли он сыном Петра Гаврилова – вот в чем вопрос. Если бы Петр Гаврилов был единственным Петром в деревне Гора в 1830 году, то тогда, конечно, все сходилось бы в нашу пользу. Но есть в деревне Гора еще один Петр: Петр Михайлов 52 лет.

Давайте рассуждать. Часть этого двора (с Петром Михайловым) записана следующим образом:

«...914 – вдова Дарья Михайлова – 88;

834 – сын их Петр Михайлов – 52;

915 – дети их Прасковья – 25;

835 – Максим – 18;

836 – Захар – 14...».

Сквозную нумерацию в исповедной ведомости я специально оставил – она нам очень даже помочь может. Нумерация, обращаю ваше внимание, сквозная не только для дворов отдельной деревни, но и общая для других деревень прихода, да еще и раздельная для мужчин и женщин. Я вначале подумал, что, если исходить из написанного «*дети их*» после упоминания «*сын их Петр Михайлов 52*», то можно предположить, что при переписывании могла быть пропущена жена Петра. Но это не так – нумерация-то не прерывается по «женскому» списку – после 914 номера идет 915. Мало того, и в других дворах постоянно встречается оборот «дети их» или «сын их» в тех случаях, когда из родителей остается только кто-то один. Это явно стилистика того, кто составлял исповедную ведомость.

Скорее всего, никто в записи двора не пропущен, а Петр Михайлов вдов. В принципе он еще может найти себе жену (ну, 52 года – разве это возраст для мужчины!) и спустя 10 лет обзавестись сыном. Да, может – сохраним как версию. Но, вместе с тем – не поискать ли нам его возможных детей и внуков, чтобы узнать – что там у них с фамилией? В списке домовладельцев в 1904 году мы находим Малышева Максима Максимовича 55 лет, Малышева Арефия Максимовича 53 лет, Малышева Федота Максимовича 45 лет, а также Малышева Евдокима Захаровича 52 лет.

Все они – явно внуки Петра Михайлова. Это означает, что его дети Максим и Захар носили одну фамилию, поэтому крайне маловероятно, что, если у Петра Михайлова в 1840 году родился бы сын, то он стал носить фамилию не Малышев, а Сатаров. Нет, у нас выстраивается достаточно обоснованная версия, что Сатаров Николай Петрович был сыном Петра Гаврилова.

Осталось два слова добавить о том, куда переселилась Варвара Петрова, дочь Петра Гаврилова из деревни Гора. В 1858 году в возрасте 42 лет находим ее в деревне Филимоново женой Максима Васильева Ремезова. Варвара Петрова – бабушка моей Татьяны Зиновьевны, что вышла замуж за Башашина Кирилла Ивановича в Корнево, или моя прапрабабушка!

Я приношу свою искреннюю благодарность Ирине Фещенко и Светлане Ковалевой, взявшим на себя всю работу по поиску и переписыванию архивных документов, благодаря чему и появилась как данная статья, так и поколенные росписи, представленные ниже.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Поколенная роспись от Кондратия Тихонова 1663 года рождения из деревни Корнево.

Башашины, Сысоевы, Парнюженкины, Потаповы (из Корнево), Баулины

1. Кондратий Тихонович (1663 – после 1720), прож.: Корнево, жена неизв., дети: Степан, Спиридон, Иван.

2–1. Степан Кондратьевич (1708 – после 1730), прож.: Корнево, жена неизв., дети: Егор, Андрей.

5–2. Егор Степанович (1728–1806), прож.: Корнево, жена: Екатерина Егоровна (1728 – после 1792), дети: Лаврентий, Потап.

8–5. Лаврентий Егорович (1754 – после 1811), прож.: Корнево, жена: Марина (1758-После 1792), дети: Яков, Филипп, Яков, Сысой.

15–8. Яков Лаврентьевич (1780–1852), прож.: Корнево, жена: Степанида Алексеевна (1784 – после 1830), дети: Петр, Варвара, Петр.

29–15. Петр Яковлевич (1807–1855), прож.: Корнево, жена: Матрона Ивановна (1808 – после 1830), дети неизвестны.

30–15. Варвара Яковлевна (1810 – после 1830), прож.: Корнево, семья неизв.

31–15. Парнюженкин Петр Яковлевич (1816–1856), прож.: Корнево, жена: Парнюженкина (неизв.) Авдотья Прохоровна (1816 – после 1865), дети: Максим, Егор, Анна, Лука.

64–31. Парнюженкин Максим Петрович (1843 – после 1900), прож.: Корнево, жена: Парнюженкина (неизв.) Александра Семеновна (1836 – после 1865), сын Михаил.

98–64. Парнюженкин Михаил Максимович (1861 – после 1912), прож.: Корнево, жена: Парнюженкина (неизв.) Татьяна Ефимовна (1866 – после 1912), дети: Мария, Екатерина, Клавдия, Николай, Анна.

132–98. Парнюженкина Мария Михайловна (1889 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

133–98. Парнюженкина Екатерина Михайловна (1900 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

134–98. Парнюженкина Клавдия Михайловна (1902 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

135–98. Парнюженкин Николай Михайлович (1905 – после 1912), прож.: Корнево.

136–98. Парнюженкина Анна Михайловна (1908 – после 1912), прож.: Корнево.

65–31. Парнюженкин Егор Петрович (1849 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.

66–31. Парнюженкина Анна Петровна (1851 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.

67–31. Парнюженкин Лука Петрович (1853 – после 1873), прож.: Корнево, жена неизв., сын Тимофей.

99–67. Парнюженкин Тимофей Лукич (1873 – после 1912), прож.: Корнево, жена: Парнюженкина (неизв.) Дарья Григорьевна (1873 – после 1912), дети: Николай, Клавдия, Василий, Анна, Валентина.

137–99. Парнюженкин Николай Тимофеевич (1895 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

138–99. Парнюженкина Клавдия Тимофеевна (1898 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

139–99. Парнюженкин Василий Тимофеевич (1902 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

140–99. Парнюженкина Анна Тимофеевна (1903 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

141–99. Парнюженкина Валентина Тимофеевна (1909–1912), прож.: Корнево.

16–8. Филипп Лаврентьевич (1782 – после 1830), прож.: Корнево, жена: Пелагея Яковлевна (1785 – после 1830), дети: Ирина, Михаил, Иван.

32–16. Ирина Филипповна (1812 – после 1830), прож.: Корнево, семья неизв.

33–16. Михаил Филиппович (1817 – после 1830), прож.: Корнево, семья неизв.

34–16. Иван Филиппович (1819 – после 1865), прож.: Корнево, жена: Авдотья Дмитриевна (1824 – после 1865), дети: Елена, Иван, Афи́мья, Иосиф.

68–34. Елена Ивановна (1851 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.

69–34. Иван Иванович (1852 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.

70–34. Афи́мья Ивановна (1857 – после 1865), прож.: Корнево.

71–34. Баулин Иосиф Иванович (1859 – после 1900), прож.: Корнево, жена неизв., сын Александр.

100–71. Баулин Александр Иосифович (1882 – после 1912), прож.: Корнево, жена: Баулина

(неизв.) Мария Федоровна (1884 – после 1912),
Алексей, Анатолий, Ираида.

142–100. Баулин Алексей Александрович
(1904 – после 1912), прож.: Корнево.

143–100. Баулин Анатолий Александрович
(1910 – после 1912), прож.: Корнево.

144–100. Баулина Ираида Александровна
(1911 – после 1912), прож.: Корнево.

17–8. Яков Лаврентьевич (1785 – после 1811), прож.:
Корнево, семья неизв.

18–8. Сысой Лаврентьевич (1790–1855), прож.: Корнево,
жена: Устинья Михайловна (1792 – после 1865), дети:
Наталья, Василий, Ксения.

35–18. Наталья Сысоевна (1816 – после 1830), прож.:
Корнево, семья неизв.

36–18. Василий Сысоевич (1819 – после 1866), прож.:
Корнево, жена 1: Дарья Васильевна (1823 – между
1858 и 1864), жена 2: Екатерина Парфеновна (1838 –
после 1866), дети от первого брака неизвестны, дети
от второго брака: Павел, Никифор.

72–36(2). Сысоев Павел Васильевич (1864 – после
1908), прож.: Корнево, жена: Сысоева (неизв.)
Наталья Ефимовна (1869 – после 1912), дети:
Алексей, Анфиса, Василий, Борис.

101–72. Сысоев Алексей Павлович (1897 – по-
сле 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

102–72. Сысоева Анфиса Павловна (1899 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

103–72. Сысоев Василий Павлович (1901 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

104–72. Сысоев Борис Павлович (1908 – после 1912), прож.: Корнево.

73–36(2). Сысоев Никифор Васильевич (1866 – после 1912), прож.: Корнево, жена: Сысоева (неизв.) Ирина Степановна (1870 – после 1912), дети: Константин, Георгий, Екатерина, Петр, Анна, Василий, Клавдия.

105–73. Сысоев Константин Никифорович (1890 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

106–73. Сысоев Георгий Никифорович (1894 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

107–73. Сысоева Екатерина Никифоровна (1895 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

108–73. Сысоев Петр Никифорович (1897 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

109–73. Сысоева Анна Никифоровна (1901 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

110-73. Сысоев Василий Никифорович (1902 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

111–73. Сысоева Клавдия Никифоровна (1908 – после 1912), прож.: Корнево.

37–18. Ксения Сысоевна (1824 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.

9–5. Потап Егорович (1761 – после 1811), прож.: Корнево, жена: Марина (1762 – после 1792), дети: Федот, Григорий.

19–9. Федот Потапович (1787 – после 1865), прож.: Корнево, жена: Прасковья Федоровна (1791 – после 1865), дети: Иван, Ефим, Андрей, Семен, Федосья, Константин.

38–19. Иван Федотович (1812 – после 1865), прож.: Корнево, жена: Лукерья Михайловна (1816 – после 1865), дети неизвестны.

39–19. Ефим Федотович (1816 – после 1830), прож.: Корнево, семья неизв.

40–19. Потапов Андрей Федотович (1817 – после 1865), прож.: Корнево, жена 1: Потапова (неизв.) Лукерья Козминична (1819 – между 1858 и 1865), жена 2: Потапова (неизв.) Фекла Лаврентьевна (1827 – после 1865), дети от первого брака: Авдотья, Тихон, Авдотья, Ирина, дети от второго брака неизвестны.

74–40(1). Потапова Авдотья Андреевна (1843 – после 1858), прож.: Корнево, семья неизв.

75–40(1). Потапов Тихон Андреевич (1848 – после 1900), прож.: Корнево, семья неизв.

76–40(1). Потапова Авдотья Андреевна (1850 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.

77–40(1). Потапова Ирина Андреевна (1856 – после 1858), прож.: Корнево.

41–19. Семен Федотович (1822 – после 1865), прож.: Корнево, жена: Ольга Дементьевна (1826 – после 1865), дети: Поликарп, Пелагея, Мария, Александра.

78–41. Поликарп Семенович (1850–1855), прож.: Корнево.

79–41. Пелагея Семеновна (1853 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.

80–41. Мария Семеновна (1859 – после 1865), прож.: Корнево.

81–41. Александра Семеновна (1861 – после 1865), прож.: Корнево.

42–19. Федосья Федотовна (1827 – после 1830), прож.: Корнево.

43–19. Константин Федотович (1829–1858), прож.: Корнево, жена: Марья Максимовна (1833 – после 1858), дети неизвестны.

20–9. Григорий Потапович (1789 – после 1865), прож.: Корнево, жена: Екатерина Ивановна (1795 – после 1830), дети: Федор, Ларион.

44–20. Федор Григорьевич (1825 – после 1865), прож.: Корнево, жена: Авдотья Сидоровна (1833 – после 1865), дети: Авдотья, Матрена, Василий, Федосья.

82–44. Авдотья Федоровна (1853 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.

83–44. Матрена Федоровна (1855 – после 1858), прож.: Корнево.

84–44. Василий Федорович (1858 – ?),
прож.: Корнево.

85–44. Федосья Федоровна (1860 – после 1865),
прож.: Корнево.

45–20. Ларион Григорьевич (1828 – после 1865),
прож.: Корнево, семья неизв.

6–2. Андрей Степанович (1730–1809), прож.: Корнево, жена:
Евдокия (1740 – после 1792), дети: Пелагея, Прасковья, Те-
рентий, Абрам.

10–6. Пелагея Андреевна (1772 – после 1792), прож.: Кор-
нево, семья неизв.

11–6. Прасковья Андреевна (1777 – после 1792), прож.:
Корнево, семья неизв.

12–6. Терентий Андреевич (1782–1852), прож.: Корнево,
жена: Лукерья Терентьевна (1787 – после 1865), дети:
Перфил, Емельян, Елена, Ефим, Матрона.

21–12. Башашин Перфил Терентьевич (1804 – после
1865), прож.: Корнево, жена: Башашина (неизв.) Евдокия
Никифоровна (1811 – после 1865), дети: Иван, Анна,
Иван, Василий, Евдокия, Федор, Осип, Илья, Пелагея,
Федор.

46–21. Башашин Иван Перфильевич (1839 – до 1912),
прож.: Корнево, жена: Башашина (неизв.) Ирина Мат-
веевна из деревни Улитино (1842 – между 1912 и
1917), дети: Андриан, Кирилл.

86–46. Башашин Андриан Иванович (1863 – после
1917), прож.: Корнево, жена: Башашина (неизв.)

Гликерия Гавриловна (1863 – после 1917), сын Петр.

112–86. Башашин Петр Андрианович (1886 – после 1912), прож.: Корнево, жена: Башашина (неизв.) Анна Антоновна (1887 – после 1912), дети: Клавдия, Александра.

145–112. Башашина Клавдия Петровна (1908 – после 1912), прож.: Корнево.

146–112. Башашина Александра Петровна (1909 – после 1912), прож.: Корнево.

87–46. Башашин Кирилл Иванович (1865–04.1915), прож.: Корнево, жена: Башашина (Ремезова) Татьяна Зиновьевна из деревни Филимоново (1872–10.03.1939), дети: Анна, Василий, Николай, Мария, Валентина, Любовь.

113–87. Артемова (Башашина) Анна Кирилловна (1892–1968), прож.: Корнево, Павловский Посад, Киев, муж: Артемов Михаил Петрович из г. Павловский Посад (1889–1947), дети: Владимир, Константин.

147–113. Артемов Владимир Михайлович (Около 1920 – ?), прож.: Павловский Посад.

148–113. Артемов Константин Михайлович (1921–1987), прож.: Киев, жена: Артемова (неизв.) Нина Андреевна (1922–06.02.2004), сын Борис.

154–148. Артемов Борис Константинович (1944), прож.: Киев, жена: Артемова (неизв.) Людмила (1944), сын Андрей.

114–87. Башашин Василий Кириллович (1898 – до 1990), прож.: Корнево, Павловский Посад, семья неизв.

115–87. Башашин Николай Кириллович (02.12.1902–15.11.1977), прож.: Корнево, Павловский Посад, жена: Башашина (Грабуздова) Александра Семеновна из г. Павловский Посад (06.05.1904–16.07.1978), дети: Юрий, Вячеслав

149–115. Башашин Юрий Николаевич (14.08.1928–02.03.2000), прож.: Павловский Посад, жена: Башашина (Евполова) Людмила Афанасьевна (28.06.1936–2009), дочь Лидия

155–149. Башашина Лидия Юрьевна (18.06.1966), прож.: Павловский Посад, сын Александр (19.01.1992)

150–115. Башашин Вячеслав Николаевич (1937–28.01.1958), прож.: Павловский Посад, семья неизв.

116–87. Дубинина (Башашина) Мария Кирилловна (05.06.1905-14.02.1986), прож.: Корнево, Павловский Посад, муж: Дубинин Николай Павлович (Около 1900 – после 1939), дети: Виталий, Евгений

151–116. Дубинин Виталий Николаевич (14.07.1935–03.03.2007), прож.: Павловский Посад, семья неизв.

152–116. Дубинин Евгений Николаевич (1939), прож.: Павловский Посад, семья неизв.

117–87. Мещанинова (Башашина) Валентина Кирилловна (10.02.1908–11.12.1983), прож.: Корнево, Павловский Посад, муж: Мещанинов Николай Семенович (1902–13.08.1962), дочь Фаина.

153–117. Мещанинова Фаина Николаевна (19.08.1930), прож.: Павловский Посад, семья неизв.

118–87. Соколова (Башашина) Любовь Кирилловна (14.09.1914–25.02.2007), прож.: Корнево, Павловский Посад, Казань, муж: Соколов Андрей Тимофеевич из деревни Смолево Карповской волости (08.08.1910–05.08.1996), дети: Людмила (13.11.1937–28.03.2008), Владимир (19.04.1948).

47–21. Башашина Анна Перфильевна (1839 – после 1858), прож.: Корнево, семья неизв.

48–21. Башашин Иван Перфильевич (1841 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.

49–21. Башашин Василий Перфильевич (1845 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.

50–21. Башашина Евдокия Перфильевна (1848 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.

51–21. Башашин Федор Перфильевич (1848 – после 1850), прож.: Корнево.

52–21. Башашин Осип Перфильевич (1850–1854), прож.: Корнево.

53–21. Башашин Илья Перфильевич (1854 – после 1912), прож.: Корнево, жена: Башашина (неизв.) Елена Васильевна (1854 – после 1917), дети неизвестны.

54–21. Башашина Пелагея Перфильевна (1857 – после 1858), прож.: Корнево.

55–21. Башашин Федор Перфильевич (1859 – между 1890 и 1900), прож.: Корнево, жена неизв., дети: Екатерина, Илья, Иван, Александра, Евдокия, Алексей.

88–55. Демина (Башашина) Екатерина Федоровна (1875 – после 1899), прож.: Корнево, Субботино, муж: Демин Иван Иванович из деревни Субботино (1868 – после 1889), дети: Петр, Анна.

119–88. Демин Петр Иванович (26.06.1897 – ?), прож.: Субботино.

120–88. Демина Анна Ивановна (30.08.1899 – ?), прож.: Субботино.

89–55. Башашин Илья Федорович (1876 – после 1900), прож.: Корнево, семья неизв.

90–55. Башашин Иван Федорович (около 1880 – после 1900), прож.: Корнево, семья неизв.

91–55. Козлова (Башашина) Александра Федоровна (около 1880 – после 1900), прож.: Корнево, Юдино, муж: Козлов Александр Иванович из деревни Юдино (около 1880 – после 1900), дочь Александра.

121–91. Козлова Александра Александровна (06.03.1900-?), прож.: Юдино.

92–55. Башашина Евдокия Федоровна (около 1880 – после 1897), прож.: Корнево, семья неизв.

93–55. Башашин Алексей Федорович (около 1890 – после 1912), прож.: Корнево, жена: Башашина (неизв.) Анастасия Алексеевна (1893 – после 1917), дочь Акилина.

122–93. Башашина Акилина Алексеевна (12.04.1912 – ?), прож.: Корнево.

22–12. Башашин Емельян Терентьевич (1810 – после 1865), прож.: Корнево, жена: Башашина (неизв.) Прасковья Петровна из деревни Гора Игнатьевской волости (1816 – после 1865), дети: Акулина, Дарья, Фекла, Сергей, Евдокия, Роман, Вера.

56–22. Башашина Акулина Емельяновна (1836 – после 1850), прож.: Корнево, семья неизв.

57–22. Башашина Дарья Емельяновна (1839 – после 1858), прож.: Корнево, семья неизв.

58–22. Башашина Фекла Емельяновна (1842 – после 1858), прож.: Корнево, семья неизв.

59–22. Башашин Сергей Емельянович (1845 – после 1905), прож.: Корнево, жена неизв., сын Тимофей.

94–59. Башашин Тимофей Сергеевич (около 1890 – после 1912), прож.: Корнево, жена: Башашина (неизв.) Прасковья Степановна (1893 – после 1917), дети: Клавдия, Николай.

123–94. Башашина Клавдия Тимофеевна
(11.1911–18.07.1912), прож.: Корнево.

124–94. Башашин Николай Тимофеевич
(20.12.1912 – ?), прож.: Корнево.

60–22. Башашина Евдокия Емельяновна (1848 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.

61–22. Башашин Роман Емельянович (1851 – после 1884), прож.: Корнево, жена: Башашина (неизв.) Мария Родионовна (1846 – после 1917), дети: Яков, Кирилл, Алексей.

95–61. Башашин Яков Романович (1878 – после 1917), прож.: Корнево, жена: Башашина (Кошелева) Екатерина Васильевна из деревни Минино Карповской волости (1880 – после 1912), дети: Анна, Пелагея, Иоанн, Николай.

125–95. Башашина Анна Яковлевна (15.11.1899 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

126–95. Башашина Пелагея Яковлевна
(26.04.1901 – ?), прож.: Корнево.

127–95. Башашин Иоанн Яковлевич (1903 – после 1912), прож.: Корнево, семья неизв.

128–95. Башашин Николай Яковлевич
(05.04.1912–22.07.1912), прож.: Корнево.

96–61. Башашин Кирилл Романович (1880 – после 1912), прож.: Корнево, жена: Башашина (Гуляева) Евдокия Ивановна из села Рахманово (1880 – после 1917), дети: Анна, Клавдия.

129–96. Башашина Анна Кирилловна (1905 – после 1912), прож.: Корнево.

130–96. Башашина Клавдия Кирилловна (1910 – после 1912), прож.: Корнево.

97–61. Башашин Алексей Романович (1884 – после 1912), прож.: Корнево, жена: Башашина (неизв.) Анна Ивановна (1890 – после 1912), сын Виктор.

131–97. Башашин Виктор Алексеевич (15.02.1912 – после 1912), прож.: Корнево.

62–22. Башашина Вера Емельяновна (1854 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.

23–12. Елена Терентьевна (1813 – после 1830), прож.: Корнево, семья неизв.

24–12. Ефим Терентьевич (1816 – после 1830), прож.: Корнево, семья неизв.

25–12. Матрона Терентьевна (1819 – после 1830), прож.: Корнево, семья неизв.

13–6. Абрам Андреевич (1785 – после 1830), прож.: Корнево, жена: Евдокия Елисеевна (1787 – после 1830), дети: Трофим, Савелий, Евдокия.

26–13. Трофим Абрамович (1816 – между 1858 и 1860), прож.: Корнево, жена: Авдотья Андреевна (1818 – после 1858), дочь Александра.

63–26. Александра Трофимовна (1843 – после 1858), прож.: Корнево, семья неизв.

27–13. Савелий Абрамович (1824 – после 1830), прож.: Корнево.

28–13. Евдокия Абрамовна (1827 – после 1830), прож.: Корнево.

3–1. Спиридон Кондратьевич (1709 – после 1736), прож.: Корнево, жена неизв., сын Иван.

7–3. Иван Спиридонович (1736–1800), прож.: Корнево, жера: Федора (1743–1792), сын Сидор.

14–7. Сидор Иванович (1775 – после 1792), прож.: Корнево, семья неизв.

4–1. Иван Кондратьевич (1720 – ?), прож.: Корнево.

**Поколенная роспись от Родиона
до 1640 года рождения из деревни Корнево.
Березины**

1. Родион (до 1640 – до 1678), прож.: Корнево, жена неизв., дети: Данила, Петр, Василий, Спиридон.

2–1. Данила Родионович (1657 – после 1722), прож.: Корнево, семья неизв.

3–1. Петр Родионович (до 1660 – между 1678 и 1804), прож.: Корнево, жена неизв., дети: Фрол, Иван, Гаврила.

6–3. Фрол Петрович (1675 – после 1722), прож.: Корнево, семья неизв.

7–3. Иван Петрович (1677 – после 1704), прож.: Корнево, семья неизв.

8–3. Гаврила Петрович (около 1680 – после 1722), прож.: Корнево, жена неизв., дети: Яков, Семен, Козма.

13–8. Яков Гаврилович (1702 – после 1722), прож.: Корнево, семья неизв.

14–8. Семен Гаврилович (около 1710 – после 1747), прож.: Корнево, жена неизв., дети: Никифор, Максим.

16–14. Никифор Семенович (1744 – после 1792), прож.: Корнево, жена: Вера Никитична (1747 – после 1792), дети: Федор, Акилина.

18–16. Березин Федор Никифорович (1768 – между 1811 и 1830), прож.: Корнево, жена: Березина (неизвестна) Татьяна Григорьевна (1767 – после 1830), дети: Козма, Федор, Иван, Анна.

22–18. Березин Козма Федорович (1790 – после 1811), прож.: Корнево, семья неизв.

23–18. Березин Федор Федорович (1796 – после 1865), прож.: Корнево, жена: Березина (неизвестна) Варвара Сысоевна (1799 – после 1860), дети: Василий, Яков, Матвей.

28–23. Березин Василий Федорович (1822 – после 1865), прож.: Корнево, жена: Березина (неизвестна) Матрена Евстратьевна (1826 – после 1865), дети: Никита, Марья, Ефрем, Екатерина, Акулина, Наталья, Прасковья.

38–28. Березин Никита Васильевич (1848 – после 1900), прож.: Корнево, жена неизв., дети: Петр, Яков.

- 53–38. Березин Петр Никитович (1866 – после 1900), прож.: Корнево, семья неизв.
- 54–38. Березин Яков Никитович (1873 – после 1912), прож.: Корнево, жена: Березина (неизвестна) Александра Петровна (1881 – после 1912), дети: Лидия, Сергей, Зинаида, Константин.
- 56–54. Березина Лидия Яковлевна (1903 – после 1912), прож.: Корнево.
- 57–54. Березин Сергей Яковлевич (1905 – после 1912), прож.: Корнево.
- 58–54. Березина Зинаида Яковлевна (1907 – после 1912), прож.: Корнево.
- 59–54. Березин Константин Яковлевич (1911 – ?), прож.: Корнево.
- 39–28. Березина Марья Васильевна (1849 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.
- 40–28. Березин Ефрем Васильевич (1851 – после 1900), прож.: Корнево, семья неизв.
- 41–28. Березина Екатерина Васильевна (1853 – после 1865), прож.: Корнево, семья неизв.
- 42–28. Березина Акулина Васильевна (1856 – после 1858), прож.: Корнево.
- 43–28. Березина Наталья Васильевна (1858 – после 1865), прож.: Корнево.

44–28. Березина Прасковья Васильевна (1861 – после 1865), прож.: Корнево.

29–23. Березин Яков Федорович (1825 – после 1865), прож.: Корнево, жена: Березина (неизвестна) Марья Петровна (1831 – после 1865), дети: Гликерия, Елена.

45–29. Березина Гликерия Яковлевна (1861 – ?), прож.: Корнево.

46–29. Березина Елена Яковлевна (1863 – после 1865), прож.: Корнево.

30–23. Матвей Федорович (1829 – после 1830), прож.: Корнево.

24–18. Березин Иван Федорович (1801 – между 1848 и 1850), прож.: Корнево, жена: Березина (неизвестна) Акилина Александровна (1803 – после 1858), дети: Игнат, Павел, Федор, Василиса, Михаил.

31–24. Березин Игнат Иванович (1828 – после 1830), прож.: Корнево.

32–24. Березин Павел Иванович (1835 – после 1865), прож.: Корнево, жена: Березина (неизвестна) Авдотья Прохоровна (1833 – после 1865), дети: Илья, Степанида, Афанасий, Федул.

47–32. Березин Илья Павлович (1855 – после 1880), прож.: Корнево, жена неизв., сын Даниил.

55–47. Березин Даниил Ильич (1880–1979), прож.: Корнево, бессменный

настоятель старообрядческого храма во имя Рождества Богородицы в Корнево (Павловском Посаде) с 1920 по 1979 год, семья неизв.

48–32. Березина Степанида Павловна (1856 – после 1858), прож.: Корнево.

49–32. Березин Афанасий Павлович (1857 – после 1858), прож.: Корнево.

50–32. Березин Федул Павлович (1866 – после 1900), прож.: Корнево, семья неизв.

33–24. Березин Федор Иванович (1839 – после 1865), прож.: Корнево, жена: Березина (неизв.) Прасковья Евдокимовна (1838 – после 1865), дети: Гликерия, Зот.

51–33. Березина Гликерия Федоровна (1859 – после 1865), прож.: Корнево.

52–33. Березин Зот Федорович (1862 – после 1900), прож.: Корнево, семья неизв.

34–24. Березина Василиса Ивановна (1843 – после 1858), прож.: Корнево, семья неизв.

35–24. Березин Михаил Иванович (1848 – после 1900), прож.: Корнево, семья неизв.

25–18. Березина Анна Федоровна (1808 – после 1830), прож.: Корнево, семья неизв.

19–16. Акилина Никифоровна (1773 – после 1792), прож.: Корнево, семья неизв.

17–14. Максим Семенович (1747 – после 1811), прож.: Корнево, жена: Марфа (1748 – после 1792), дети: Ксения, Ларион.

20–17. Ксения Максимовна (1778 – после 1792), прож.: Корнево, семья неизв.

21–17. Ларион Максимович (1788–1850), прож.: Корнево, жена: Марфа Ефремовна (1792 – после 1858), дети: Агафья, Михаил.

26–21. Агафья Ларионович (1824 – после 1830), прож.: Корнево.

27–21. Михаил Ларионович (1829 – после 1865), прож.: Корнево, жена: Александра Трофимовна (1830 – после 1865), дети: Домника, Ксения.

36–27. Домника Михайловна (1860 – после 1865), прож.: Корнево.

37–27. Ксения Михайловна (1863 – после 1865), прож.: Корнево.

15–8. Козма Гаврилович (1715 – после 1722), прож.: Корнево.

4–1. Василий Родионович (около 1660 – после 1704), прож.: Корнево, жена неизв., дочь.

9–4. ...Васильевна (около 1685 – после 1704), прож.: Корнево, муж: Илья Иванович (1682 – после 1704), дети неизв.

5–1. Спиридон Родионович (1663 – после 1704), прож.: Корнево, жена неизв., дети: Иван, Федор, Абрам.

10–5. Иван Спиридонович (1690 – после 1704), прож.: Корнево, семья неизв.

11–5. Федор Спиридонович (1696 – после 1704), прож.: Корнево, семья неизв.

12–5. Абрам Спиридонович (1702 – после 1722), прож.: Корнево, семья неизв.

Перечень использованных архивных источников

ЦИАМ. Ф. 2337. Оп. 1. Д. 15. Л. 83–91. Списки избирателей по выборам в Учредительное Собрание Игнатъевской волости избирательных участков с буквы А по букву К. 1917 год. Деревня Корнево.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 746. Д. 2450. Исповедные ведомости церковей Богородского уезда за 1912 год. Л. 199 об. – 203. Ведомость Богородицерождественской, на Уполозах, Московской епархии, Богородского уезда, церкви за 1912 год, Игнатъевской волости деревни Корнево.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 780. Д. 3551. Метрические книги церковей Богородского уезда за 1906 год. Метрическая книга данная из Московской Духовной Консистоии в Воскресенскую, Павловского Посада, церковь, Московской губернии, Богородского уезда для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1906 год. Часть 1. Л. 1–200 и 403–441; часть 2, л. 201–242, 443 об. – 449.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1909. Метрические книги церковей Богородского уезда за 1901 год. Ч. 1. Л. 1–162. Метрическая книга данная из Московской Духовной Консистоии в Воскресенскую, Павловского Посада, церковь Богородского уезда и Благодочиния для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1901 год.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1891. Метрические книги церковей Богородского уезда за 1900 год. Часть 1. Л. 65–221. Метрическая книга данная из Московской Духовной Консистоии в Воскресенскую, Павловского Посада, церковь Богородского Благодочиния и уезда для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1900 год.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1876. Метрические книги церковей Богородского уезда за 1899 год. Часть 1. Л. 143–303. Метрическая книга данная из Московской Духовной Консистоии в Воскресенскую,

Павловского Посада, церковь Богородского уезда для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1899 год.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1858. Метрические книги церковью Богородского уезда за 1897 год. Часть 1. Л. 98–239. Метрическая книга данная из Московской Духовной Консистории в Воскресенскую, Павловского Посада, церковь Богородского уезда для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1897 год.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1807. Метрические книги церковью Богородского уезда за 1894 год. Ч. 2. Л. 219–249. Метрическая книга данная из Московской Духовной Консистории в Воскресенскую, Павловского Посада, церковь Богородского уезда для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1894 год.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 780. Д. 121. Метрические книги Богородского уезда, 1883 г. Метрическая книга погоста Уполозы. Ч. 2. Л. 253 об. – 264.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1898. Исповедные ведомости церковью Богородского уезда за 1865 год. Л. 524–529 об. Ведомость Богородского уезда, Богородицерождественской, что в Уполозах, церкви. Ведомства Московской Палаты Государственных имуществ деревни Корневой.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1799. Исповедные ведомости церковью Богородского уезда. Ведомость Богородского уезда, Богородицерождественской, что в Уполозах, церкви, составленная Священником с причтом обретающимся при оной церкви в приходе нижеявленных чинов людям, со изъявлением против коегождо имени о бытии их в святую Четыредесятницу у исповеди и святых Таин причастии, и ктож исповедался токмо, а не причастился, и ктож не исповедался. За 1860 год. Раскольники и дети их. Л. 612 об. Деревни Улитиной. Л. 614 об. Деревни Корневой.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 644. Ревизские сказки государственных крестьян Дубровской, Амеровской, Игнатьевской волостей Богородского уезда Московской губернии по 10 ревизии 1858 года. Л. 215 об. – 223. Д. Корнева.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1159. Исповедные ведомости церковью Богородского уезда за 1830 год. Л. 53. Ведомость Богородской округи, Вохонской десятины, церкви Рождества пресвятыя Богородицы, что в Уполозах. Л. 77–82 об. Деревни Корнева.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 3. Ревизские сказки государственных крестьян Богородского уезда, 1811 г. Л. 276 об. – 277. В деревне Корневой.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 644. Исповедные ведомости церковей Богородского и Московского уездов за 1792 год. Роспись Богородской округи Вохонской десятины церкви Рождества Пресвятыя Богородицы что в Уполозах. Л. 159 об. – 161. Крестьяне деревни Корнева. В том же приходе записных раскольников и детей их.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1817. Ревизские сказки 1719–1721 годов. Л. 502 об. – 503. Деревня Корнево.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9817. Писцовая книга 1704 года. Л. 195–195 об. Деревня Коренево.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9812. Переписная книга 1678 года. Л. 525–525 об. Деревня Коренево.

В.А. Трусов

*член Общества уральских краеведов,
Уральского историко-родословного общества,
Уральского генеалогического общества,
Первоуральск*

ИКОНОПИСЦЫ КУРКОВЫ, ОНИ ЖЕ ПАНКОВЫ

Из книги-альбома «Уральская икона» имеем следующую информацию.

«КУРКОВЫ Петр Иванович, Федор Иванович, Артемий Иванович (братья). Удельные крестьяне д. Ляхово Карповского приказа Богородского у. Московской губ., иконописцы. С 1848 по увольнительным паспортам проживали в Екатеринбурге – писали иконы для местных раскольников и единоверцев, а Федор и Артемий Курковы также занимались торговлей и извозом. С 1851 по 1858 все трое братьев вместе с Ф. И. Романовым находились под следствием городской полиции и Секретно совещательного комитета по делам о раскольниках... 8 июля 1858 во время обыска у них были обнаружены иконы, иконные доски (липовые и кипарисовые – 15 шт.), образец-прорись, 37 кистей, ящик с красками, книжки листового золота, подушечки коленные и др. Комитет постановил: «... так как в отношении искусства по написанию сих икон безобразия и соблазнительного изображения не усматривается, то все отобранные у Курковых иконы им возвратить», а «праздношатающегося» Петра Куркова подвергнуть штрафу (Федор и Артемий прикрылись своим легальным занятием). Подписные прописи Курковых в нач. XX в. находились в семьях иконописцев Филатовых и Панковых, ныне – в частной коллекции в Екатеринбурге»¹.

«ПАНКОВ Петр Иванович. Удельный крестьянин д. Ляхово Карповского приказа Богородского у. Московской губ. Иконописец, из старообрядцев часовенного согласия. Известен по документам Секретного совещательного противораскольничьего комитета за 1853. Частный пристав 1-й части докладывал в городскую полицию: «10 апреля... В Екатеринбурге найден раскольник, крестьянин... Петр Иванов

¹ Уральская икона: Живописная, резная и литая икона XVIII – начала XX в. Екатеринбург, 1998. С. 295.

Панков, не имеющий при себе никакого вида. При нем жена его, Матрена Прокопьевна, с просроченным билетом, выданным Карповским приказом 8 октября 1852 года. При осмотре в квартире Панкова оказались приготовленные для икон 9 досок, из них 4 с позолотой, 3 кисточки и небольшая часть красок. Мастерством этим Панков занимался сам...» Рапорт полицмейстера с отобранными вещами был направлен горному начальнику Екатеринбургских заводов, а оттуда – в канцелярию главного начальника горных заводов Уральского хребта. 17 апр. дело было закрыто: Панковых препроводили в тюремный замок, а затем с первой партией арестантов выслали к месту их постоянного жительства»².

«**ПАНКОВ Федор Иванович.** Крестьянин д. Ляхово Карповского приказа Богородского у. Московской губ. Иконописец, в 1852–1853 проживал в Екатеринбурге со своим племянником Петром Ивановичем Панковым (Курковым). Писал иконы для местных старообрядцев-часовенников и для единоверцев. Городской пристав, учинивший обыск на квартире приезжих, рапортовал, что у раскольника Федора Панкова найдено «360 разных бумажных рисунков для писания икон». О племяннике в рапорте сказано, что он «занимается разною промышленностью... и к иконам дела не имеет»³.

Итак, по книге «Уральская икона» мы имеем пять человек, а на самом деле их всего трое: Петр Иванович Курков (он же Панков), Федор Иванович Курков (он же Панков) и Артемий Иванович Курков (Панков).

Сергей Анатольевич Белобородов обратил внимание на этот факт в альбоме-каталоге «Писан бысть сей святыи образ в Невьянском заводе»⁴.

Но здесь загадка иконописцев Курковых (они же Панковы) разгадана не полностью. Остается выяснить, в каком родстве находятся эти люди. Либо Федор Иванович и Артемий Иванович родные братья и у них племянник Петр Иванович. Либо Петр Иванович и Артемий Иванович родные братья и у них дядя Федор Иванович.

² Уральская икона... С. 314.

³ Там же.

⁴ Белобородов С.А. Писан бысть сей святыи образ в Невьянском заводе: Альбом-каталог частной коллекции В. В. Маслакова. Екатеринбург, 2011. Т. 1. С. 54, 56.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении публикуется материал из Государственного архива Свердловской области (ГАСО).

Источник приводится в соответствие с общепринятыми правилами архивных документов. Пропущенные слова и буквы восстановлены в квадратных скобках. Тексты воспроизводятся буквами современного алфавита, пунктуация и орфография в основном соответствует современным правилам.

Дело о иконописце Куркове, Щедрине и Козлове. С 26 июля 1855 г. (ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 593).

Л. 1.	<p style="text-align: center;">В Екатеринбургскую городскую полицию. Первой части полиции Рапорт</p> <p>В городе Екатеринбурге найден раскольник удельной крестьянин Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа деревни Ляховой Петр Иванов Панков*, не имеющий при себе письменного вида, при нем</p>
Л. 1 об.	<p>жена его, Матрена Прокопьева*, с просроченным билетом, выданным Карповским приказом 8-го октября 1852 года.</p> <p>При осмотре в квартире Панкова оказались, приготовленные для икон девять досок, из них четыре с позолотой, три кисточки и небольшая часть красок. Мастерством этим Панков занимался сам.</p>
Л. 2.	<p>Вследствие чего, означенных крестьянина Панкова и жену его, с отобранными от него девятью досками, приготовленными для икон, три кисти и краски. Также просроченный билет. Первая часть имеет представить на распоряжение городской полиции.</p> <p>Частный пристав. Подпись. 10 апреля 1853 года. № 20.</p>

Л. 3.	<p>Главная кантора Екатеринбургских заводов 13 апреля 1853 г. № 5358. С отношении чиновника Тупицына о крестьянине Панкове Г. Екатеринбургскому полицмейстеру</p> <p>Главная кантора, препровождая при сем к Вашему Высокоблагородию, отношение чиновника Пермской удельной канторы* Тупицына от 13 сего апреля за № 103 о крестьянине Петре Панкове и жене его предписывает, по содержанию этого отношения немедленно подать господину горному началь-</p>
Л. 3 об.	<p>нику к рассмотрению объяснение, с возвращением того отношения.</p> <p>Присутствующий Т. Коровин Помощ. секретарь Черноскутов Столоначальник. Подпись.</p>
Л. 4.	<p>Господину горному начальнику Екатеринбургских заводов Екатеринбургскаго полицмейстера</p> <p>Рапорт</p> <p>Вследствие предписания Главной канторы от 13 сего апреля за № 5838 и против присланнаго при том отношении чиновника Пермской удельной канторы Тупицына при сем возвращаемаго, имею честь донести. Что роскольник удельный крестьянин Московской губернии Богородскаго уезда Карповскаго приказа деревни Ляховой Петр Иванов Панков, как первая часть сдешней полиции донесла, найден здесь в городе на проживании без письменнаго вида. При нем жена его, Матрена Прокопьевна, с просроченным билетом, выданным из Карповскаго</p>

Л. 4 об.	<p>приказа 8 октября 1852 года на один месяц. Что при осмотре в квартире его оказались, приготовленные для написания икон 10 досок, три кисти, небольшая часть красок, и что мастерством этим занимается сам Панков.</p> <p>По доведении о сем мною, до сведения господина главного начальника Уральских заводов, Его Высокопревосходительству, угодно было, приказать. Найденные у Панкова доски, представить к нему, а самого Панкова с женою, как без паспортных, отправить в место жительства. О чем мною сделано уже распоряжение и Его Высоко-</p>
Л. 5.	<p>превосходительству донесено 12 сего апреля за № 56.</p> <p>О крестьянине Панкове, имени его, взятых на проживании без письменных видов.</p>
Л. 6.	<p>Его Высокопревосходительству господину главному начальнику горных заводов Уральского хребта и кавалеру Екатеринбургского полицмейстера</p> <p>Рапорт</p> <p>Представляя при сем на распоряжение Вашего Высокопревосходительства найденная первою частию здешней полицией удельного крестьянина Московской губернии Богородского уезда Карповкаго приказа Петра Иванова Панкова, приготовленным им для писания икон десять досок, три кисти и небольшую часть красок, которой как доносит первая часть полиции, проживает в городе Екатеринбурге без писменного вида с 15-го декабря 1852 года, а жена его с просроченным билетом, данным ей из Карповкаго приказа 8 октября 1852 года на один месяц. Имею честь донести, что в след-</p>
Л. 6 об.	<p>ствии личного приказанья Вашего Высокопревосходительства он, Панков, с женою имеют быть, высланы с первоотходящею партиєю 17-го сего апреля в место их жительства, и для сего ныне отосланы в тюремный замок.</p>

	<p>№ 56. 12 апреля 1853 года с представлением 10-ти досок, приготовленных раскольником Панковым, для писания икон, 3-мя кистями и частью красок.</p>																		
Л. 7.	<p style="text-align: center;">Билет</p> <table border="1" style="width: 100%;"> <tr> <td colspan="2" style="text-align: center;">приметы</td> <td rowspan="9" style="vertical-align: top;"> <p>Предъявитель сего Московской губернии Богородского уезда деревни Ляховой крестьянская женка Матрена Прокопьева отпущена от Карповкаго приказа для жительства в разных губерниях сроком от нижеписанного числа на один месяц. Если же в течении льготного месяца после сего срока не явится, то с нею поступлено будет, как с бродягою. Дан в селе Карпове сего октября восьмого дня тысяча восемьсот пятьдесят второго года.</p> <p style="text-align: right;">Голова Климов. В должности писаря. Подпись.</p> </td> </tr> <tr> <td>лета</td> <td style="text-align: center;">21</td> </tr> <tr> <td>рост</td> <td style="text-align: center;">2 арш*. 3¹/₂ вер*.</td> </tr> <tr> <td>волосы</td> <td rowspan="2" style="text-align: center;">темнорусыя</td> </tr> <tr> <td>брови</td> </tr> <tr> <td>глаза</td> <td style="text-align: center;">карея</td> </tr> <tr> <td>нос</td> <td rowspan="2" style="text-align: center;">обыкновен.</td> </tr> <tr> <td>рот</td> </tr> <tr> <td>лицо</td> <td style="text-align: center;">чистое</td> </tr> </table>		приметы		<p>Предъявитель сего Московской губернии Богородского уезда деревни Ляховой крестьянская женка Матрена Прокопьева отпущена от Карповкаго приказа для жительства в разных губерниях сроком от нижеписанного числа на один месяц. Если же в течении льготного месяца после сего срока не явится, то с нею поступлено будет, как с бродягою. Дан в селе Карпове сего октября восьмого дня тысяча восемьсот пятьдесят второго года.</p> <p style="text-align: right;">Голова Климов. В должности писаря. Подпись.</p>	лета	21	рост	2 арш*. 3 ¹ / ₂ вер*.	волосы	темнорусыя	брови	глаза	карея	нос	обыкновен.	рот	лицо	чистое
приметы		<p>Предъявитель сего Московской губернии Богородского уезда деревни Ляховой крестьянская женка Матрена Прокопьева отпущена от Карповкаго приказа для жительства в разных губерниях сроком от нижеписанного числа на один месяц. Если же в течении льготного месяца после сего срока не явится, то с нею поступлено будет, как с бродягою. Дан в селе Карпове сего октября восьмого дня тысяча восемьсот пятьдесят второго года.</p> <p style="text-align: right;">Голова Климов. В должности писаря. Подпись.</p>																	
лета	21																		
рост	2 арш*. 3 ¹ / ₂ вер*.																		
волосы	темнорусыя																		
брови																			
глаза	карея																		
нос	обыкновен.																		
рот																			
лицо	чистое																		
Л. 8.	<p>Чиновника Пермской удельной канторы Тупицына. 17 апреля 1853 г. № 108. г. Екатеринбург. В Екатеринбургскую градскую полицию</p> <p>Покорнейше прошу градскую полицию освободить из тюремного замка удельного крестьянина Панкова с женою, взятых с просроченным видом, на мое поручительства. По уважению тому, что я с первою почтою ожидаю из удельной канторы виды или мне представлена права выдать.</p>																		

	<p>Если же и сей уважительной причины нельзя полиции сделать, то по крайней мере, убедясь болезнен-</p>
Л. 8 об.	<p>ному состоянию жены Панкова, освободить ее. Панков и жена его не сделали никакого преступления, по которому подлежали бы к заключению в тюрьму. Кроме означенной причины, по невысылке его паспорта местным их начальством, а потому отправкою их приостановится. Удельный чиновник Тупицын.</p>
Л. 9.	<p>1853 апреля 17 дня градской полиции по слушании его сношения заключено. Уведомить г. Тупицына, что Панков с женою при следующей сего числа партии отправлен по принадлежности. За полписом и скрепою секретаря. Верно, секретарь. Подпись.</p>
Л. 10.	<p>Кунгурского городничего 29 июня 1853 г. № 2211. В Екатеринбургскую градскую полицию</p> <p>В следствие указа Пермского губернского правления от 22 июня за № 11390, покорнейше прошу, градскую полицию уведомить меня в самоскорейшем времени, за что имянно отослан посредством внутренней стражи при открытом листе оной полиции от 17-го апреля сего года крестьянин Петр Иванов Панков и жена его Матрена Прокопьева, следующие Богородского уезда</p>
Л. 10 об.	<p>Карповского приказа в деревню Ляхову За городничего Дмитриев Письмоводитель. Подпись.</p>
Л. 11.	<p>Кунгурского городничего 13 июля 1853 г. № 3351</p>

	<p>В Екатеринбургскую градскую полицию.</p> <p>Покорнейше прошу градскую полицию прежнее отношение мое от 29 июня за № 2211 по делу о крестьянине Панкове выполнить немедленно, ибо за сим остается не исполненным указ Пермского губернского правления.</p> <p>Городничий Дуров. Письмоводитель. Подпись.</p>
Л. 12.	<p style="text-align: right;">Секретно</p> <p style="text-align: center;">Господину Екатеринбургскому полицмейстеру частного пристава первой части полиции</p> <p style="text-align: center;">Рапорт</p> <p>В следствие личного приказаня Вашего Высокоблагородия об осмотре в квартире, у проживающего здесь в городе удельных крестьян Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа Петра Иванова Панкова, он же Курков, и Зотей Михайлова Щедрина*, занимающихся писанием раскольнических икон. Отправясь я с квартальными надзирателями Селяниным и Ремезовым, депутатом от граждан Пшеничниковым и понятыми людьми, сделав в квартире Куркова</p>
Л. 12 об.	<p>и Щедрина осмотр, по которому оказалось. У Куркова небольшие иконы: 1-я Знамение Божией Матери на новой доске, 2-я Святителя Николая на кипарисовой доске, у коей по бокам загрунтовано снова для наложения золота, и две старые бывшие иконы, загрунтованные снова белилами со сделанными на них рисунками, небольшая лопатка, две деревянные ложки с отломанными черпами, в двух полуштофах льнное масло и в одной бутылке и банке олифа. У Щедрина: две иконы, одна Святителя Николая в большообразном виде, другая избранная разных святых, писанные на доске, вызолоченных по старообрядчеству.</p>

	<p>На спрос мой Курков и Щедрин объяснили. Первой, что иконы приготовлены им для себя назад тому</p>
Л. 13.	<p>лет шесть, и по случаю запрещения ему писать икон, оставлены они без окончания. Икона Божией Матери, благословленная родителями его, деревянная небольшая лопатка, употреблялась им прежде для чистки икон. Из деревянных ложек одна употребляема была им при письме прежде икон под краску, а другая, недавно сломанная, была у детей в игрушках. Льнное масло и олифа употреблялись им для окраски столов и стульев. В писании икон в настоящее время не сознался. Щедрин, что из найденных у него в квартире, стоящими в переднем углу на столе двух икон. Одна Николая Чудотворца в большом виде, а другая избранная разных</p>
Л. 13 об.	<p>святителей. Из них икона Николая Чудотворца куплена им у Масковского неизвестного ему торговца назад тому два года, а другая икона писана самим им назад тому лет двенадцать. А в настоящее время он писанием икон не занимается.</p> <p>Отобрав от Куркова и Щедрина начатые в подготовке две доски, четыре иконы, два полуштофа с маслом, бутылку и банку с олифой, две деревянные лошки, две писанные книги и одну лопатку, я имею честь, представить их вместе с крестьянами Курковым и Щедриным на распоряжение Вашего Высокоблагородия.</p> <p>Частный пристав Албычев. 25 июля 1855 года.</p> <p>Иконы и прочие вещи представлены Главному начальнику 29 июля.</p>
Л. 14.	<p>1855 года июля 24 дня в первой части Екатеринбургской полиции, нижеписанные спрашиваны, показали.</p> <p>Петр Иванов сын Курков 23-х лет, грамотный, раскольник, судим не бывал, женат, имею малолетних детей, Московской губернии Богородского уезда Карповскаго приказа деревни Ляховой удельной крестьянин. Проживаю в городе Екатеринбурге по паспорту, временно нахожусь во услужении при</p>

	<p>питейной канторе. Найденные у меня в квартире небольшие иконы: 1-я Знамение Божией Матери на новой доске, благословленная родителями моими; 2-я Святителя Николая на кипарисовой доске, у которой по бокам загрунтована снова для наложения золота и две старые бывшие иконы, загрунтованные снова билилами</p>
Л. 14 об.	<p>со сделанными на них рисунками, собственные мои, кои приготовлены мною назад тому лет шесть. И по случаю запрещения нам писания икон, оставлены они без окончания. Деревянная небольшая лопатка, употребляемая мною прежде для чистки икон, две деревянные ложки с отломанными черпами, одна из них употребляема была мною при письме прежде икон под краску, а другая, недавно сломанная, была у детей в игрушках, в двух полуштофах ленное масло и в одной бутылке и банке олифа, употребляема мною для окраски столов и стульев. Писание икон я в настоящее время вовсе не занимаюсь. Показал сие посущей справедливости, в том и подписуюсь. Удельный крестьянин Петр Иванов Курков. Спрашивал частный пристав Албычев.</p>
Л. 15.	<p>Зотей Михайлов сын Щедрин, 27 лет, малограмотный, раскольник, под судом не бывал, женат, имеет детей, Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа деревни Ляховой удельной крестьянин. Проживаю в городе Екатеринбурге по паспорту в одном доме таковым же Петром Курковым и занимаюсь биржевым извозничеством. Найденные у меня в квартире, стоящие в переднем углу на столе две новые иконы: одна Николая Чудотворца в большом виде, а другая избранная разных святителей. Из них икона Николая Чудотворца куплена мною у московского неизвестного мне торговца назад тому года два, во время проезда его чрез здешний город, а другая икона писана самим</p>
Л. 15 об.	<p>мною назад тому лет двенадцать. В настоящее время я писанием икон, па случаю запрещения писать иконы, не занимался и не занимаюсь. Показал сие посущей справедливости, в</p>

	<p>том и подписуюсь. Удельный крестьянин Зот Михайлов Щедрин. Спрашивал частный пристав Албычев.</p> <p>Крестьянин Зотей Щедрин дополнил, что оказывается у меня две писанные под назначением. Одна из них часовник, а другая месеслов, собственные мои. Достались мне по наследству от родителей моих, в том и подписуюсь. Крестьянин Зотей Щедрин. Отбирал частный пристав Албычев.</p>
Л. 16.	<p style="text-align: right;">Секретно</p> <p style="text-align: center;">Его Высокопревосходительству господину главному начальнику горных заводов Уральского хребта Екатеринбургскаго полицмейстера</p> <p style="text-align: center;">Рапорт</p> <p>До сведения моего дошло, что проживающие в городе Екатеринбурге, удельные крестьяне Московской губернии Богородскаго приказа Петр Иванов Панков, он же Курков, и Зотей Михайлов Щедрин занимаются писанием раскольнических икон. Вследствие чего я поручил частному приставу первой части полиции, сделать в домах Куркова и Щедрина осмотр, по которому при квартальных надзирателях Селянине и Ремезове и депутате от граждан Пшеничникове и понятых людях найдено. У Куркова 2 небольшие иконы: 1-я Знамение Божией Матери на новой доске, 2-я Святителя Николая на кипарисовой доске, у коей по бокам загрунтовано снова для наложения золота, и две</p>
Л. 16 об.	<p>старые бывшие иконы, загрунтованные снова белилами, со сделанными на них рисунками, небольшая лопатка, две деревянные ложки, с отломанными черпами, в двух полуштофах ленное масло и в одной бутылке и в банке олифа.</p> <p>У Щедрина две иконы: одна Святителя Николая в большом образном виде, другая избранная разных святых, писанные на досках, хорошо вызолоченных по старообрядчеству, и</p>

	<p>две писанные книги под названием часовник, а другая ме- сяцослов.</p> <p>На спрос мой Курков и Щедрин объяснили. Первой, что иконы приготовлены им для себя назад тому лет шесть, и по случаю запрещения ему писания икон, остановлены они без окончания. Икона же Божией Матери, благословленная родителями его, деревянная небольшая лопадка употре- блялась им прежде для чистки икон, из деревянных ложек одна употребляема была им при письме прежде икон</p>
Л. 17.	<p>для краски, а другая, недавно сломанная, была у детей иг- рушкой. Ленное масло и олифа употреблялись им для окраски столов и стульев. В писании икон в настоящее время не зани- мался. Щедрин объяснил, что из найденных у него в квартире, стоящими в переднем углу на столе двух икон, одна Николая Чудотворца в большом виде, а другая избранная разных святителей, из коих икона Николая Чудотворца куплена им у московского неизвеснаго ему торговца назад тому года два, а другая икона писана самим им назад тому лет двенадцать, а что в настоящее время он писанием икон не занимается. Кни- ги же достались ему по наследству от родителей его.</p>
Л. 17 об.	<p>Отобрав от Куркова и Щедрина, начатые в приготовке две доски, четыре иконы, два полуштофа с маслом, бутылку и банку с олифой, две деревянные лошки, одну лопатку и две писанные книги, почтительнейше имею честь предста- вить на распоряжение Вашего Высокопревосходительства.</p> <p>№ 123. Июля 29 дня 1855 года.</p>
Л. 18.	<p style="text-align: right;">Секретно</p> <p>Главного начальника горных заводов Уральского хребта. Канцелярия. Августа 6 дня 1855 года.</p>

	<p>№ 255. Екатеринбург. Отв. На № 123.</p> <p style="text-align: right;">Г-ну Екатеринбургскому полицмейстеру</p> <p>Разсмотрев рапорт Ваш от 29 минувшаго июля, при котором представили Вы иконы, книги и другие вещи, отобранные у проживающих в здешнем городе раскольников удельных крестьян Московской губернии Богородскаго уезда Петра Панкова, иначе Куркова, и Зотей Щедрина, заподозренных в писании раскольнических икон. Предписываю Вашему Высокоблагородию произвести строгое дознание. По каким действительно надобностям живут в здешнем городе, сказанные крестьяне. Давно ли они сюда приехали, имеют ли в настоящее время законные увольнительные виды, не находятся ли в подозрительных</p>
Л. 18 об.	<p>сношениях с здешними раскольниками, не были ль наперед сего изболжены в самовольном писании икон и не представляет ли дальнейшее пребывание их в здешнем городе вреда и опасности, и в каком именно отношении. Об оказавшемся же доставить мне обстоятельное донесение.</p> <p style="text-align: right;">Генерал от артиллерии Глинка*</p>
Л. 19.	<p style="text-align: right;">Секретно</p> <p style="text-align: center;">Его Высокопревосходительству господину главному начальнику горных заводов Уральского хребта Екатеринбургскаго полицмейстера</p> <p style="text-align: center;">Рапорт</p> <p>В исполнении предписания Вашего Высокопревосходительства от сего августа за № 255 почтительнейше имею честь донести. 1. Удельный крестьянин Московской губернии Богородскаго уезда Петр Панков, иначе Курков, прожи-</p>

	<p>вает в городе Екатеринбурге лет около 10-ти по плакатным паспортам, каковой имеется у него и в настоящее время. И, кажется, преимущественно занимается иконописанием, чему он учился у родного его дяди Федора Иванова Панкова*. Занятие его иконописанием доказывается тем, что в 1853-м году он был в том изобличен.</p>
Л. 19 об.	<p>И по распоряжению начальства выслан в место его жительства, о чем и было мною донесено Вашему Высокопревосходительству 12 августа 1853 года № 56 с представлением, найденных у него, Панкова, приготовленных для написания икон десяти досок, кистей и красок. Между тем, крестьянин Панков, как из переписки с Кунгурским городничим видно, был остановлен на пути и возвратился в Екатеринбург. Судя по занятию Панкова иконописанием, достоверно можно сказать, что он находится в сношениях с проживающими здесь и в окрестностях раскольниками.2. Того же Богородского уезда крестьянин Зотей Щедрин проживает в Екатеринбурге</p>
Л. 20.	<p>Лист написан неразборчиво карандашом с большим количеством сокращенных слов. В связи с этим более 80 % текста не читается.</p>
Л. 21.	<p>Также около 10 лет по плакатным паспортам, каковой и в настоящее время имеет. Лет 12-ть тому назад обучался иконописанию в заводах Уткинском г. Демидова у крестьянина Московской губернии Федора Иванова Панкова, но сим уже давно не занимается, а промышляет городовым извозничеством, что известно и полиции. В особых связях с раскольниками, кроме отношений с родственниками и одноводчинниками, незамечен.</p>
Л. 22.	<p style="text-align: right;">Секретно</p> <p style="text-align: center;">Главному Екатеринбургскому полицмейстеру частного пристава первой части полиции.</p>

	<p style="text-align: center;">Рапорт</p> <p>В следствие личного приказаня Вашего Высокоблагородия об осмотре в квартире, проживающего здесь в городе Московской губернии Богородскаго купецкаго сына Артемья Кирилова Козлова*, занимающагося писанием раскольнических икон, отправясь я с квартальным надзирателем Ремезовым, депутатом Пшеничниковым и понятыми людьми,</p>
Л. 22 об.	<p>сделав в квартире Козлова осмотр, по коему оказалось. В ящике были сложены двадцать одна икона, три доски, вызолоченные с рисунками, и одна доска большая очищенная, как приметно из под бывшей иконы, кисти, краски и другие принадлежности к живописи. По осмотре икон, на них оказались на обороте надписи имен и фамилий тех лиц, как должно полагать, кому иконы написаны по заказу. На спрос мой Козлов объяснил, что найденные у него иконы, писаны самим им назад тому более пяти лет. А когда зделано запрещение писать иконы, он написанные иконы и приготовленные доски вместе с рисунками, красками и другими к живописи принадлежностями сложил в ящик, где они и хранятся.</p> <p>Отобрав от Козлова иконы, рисунки и другия принадлежности к живописи, я, сделав им подробную опись, и, сложив их обратно в ящик, имею честь представить их на распоряжение Вашего Высокоблагородия вместе с шкатулкой с красками.</p> <p>Частный пристав Албычев. 29 июля 1855 года. № 58. Иконы и пр. представ. к г. главному начальнику 3 августа № 125.</p>
Л. 24.	<p>Опись разным писмам и бумагам, найденным у Богородскаго купецкаго сына Артемья Козлова.</p>

№		число листов	
1	Письмо от Никиты Заволина Кирилу Поликарповичу 27 января 1849 года.	2	
2	Молитва Воздвижению Честнаго Креста.	на 1	
3	Выписка под названием Апостол к евреям зачали 335.	1	
4	Письмо Кирилу Поликарповичу от Марии Ефимовой Козловой 2-го июля 1850 года.	2	
5	Письмо Кирилу Поликарповичу от его супруги 21 числа 1846 года.	1	
Л. 24 об.	6 Письмо, писанное карандашем, от отца сыну Акиму Лазаричу.	1	
	<p>Частный пристав Албычев. Депутат Пшеничников. При описи был Богороцкой купецкой сын Артемий Кирилов Козлов.</p>		
Л. 25.	Описи, учиненная в первой части Екатеринбургской полиции, иконам и вещам, найденным в квартире Богородского купецкаго сына Артемья Кирилова Козлова.		
	№		число
	1	Один небольшой ящик, окрашенной голубой краской.	1
	2	Три иконы разных святых, покрытые золотом, мерою каждая 7 1/2 вершков. Из них у одной сверху до половины иконы поля снoва выбелены.	3
3	Знамение Божией Матери золоченая, мерою 7 вершков.	1	

	4	Два Спасителя золоченые, мерою каждая 5 вершков.	2
	5	Воскресение Христово недоконченная живопись, мерою 5 вершков.	1
	6	Рождество Богородицы золоченое, мерою 4 вершков.	1
	7	Покров Пресвятыя Богородицы золоченое, мерою 4 вершков.	1
	8	Спасителя золоченая, мерою 3 верш[ка].	1
	9	Божией Матери золоченая, мерою 3 вер[шка].	1
	10	Всем Скорбящим Радость золоченая, мерою 3 вершка.	1
	11	Две иконы Св. Георгия золоченая, мерою 3 вершка	2
Л. 25 об.	12	Всем Скорбящим Радость золоченая, мерою 2 $\frac{1}{2}$	1
	13	Рождества Пресвятыя Богородицы золоченая, мерою 2 $\frac{1}{2}$	1
	14	Божией Матери, мерою 2 вершка, золоче[ная].	1
	15	Всем Скорбящим Радость золоченая, мерою 2 вершка.	1
	16	София Премудрости Божии золоченая, мерою 2 вершка.	1
	17	Две разных святых золоченая, мерою 2 вершка.	2
	18	Три доски вызолочены с рисунками.	3
	19	Одна доска небольшая, очищенная от старой иконы.	1

	20	Разных писанных карандашом на бумаге рисунков.	80
	21	Старый лист под названием Целебный	1
	22	Картина разных святых.	1
	23	Две писанные записки. Одна из них Михаилу Архангелу, а другая отшельца в пустыню.	2
	24	Очерг разных частей.	1
	25	Часть нот.	1
	26	Деревянный циркуль.	1
	27	Кистей для живописи.	25
	28	Один карандаш довольно держанный.	1
	29	Два заостренные железка для чистики икон.	2
Л. 26	30	Чайное блюдечко с красками.	1
	31	Деревянных ложек без черпов, употребляемы под краски.	21
	32	Небольшой деревянный ящик с красками.	1
	33	Две деревянные банки с вохрой.	2
	34	Глиняная белая банка.	1
	35	Белячей хвост.	1
	36	Небольшая часть губки.	1
	37	Ящик из под канфет.	1
	38	Восемь кашенных зубков с деревянными черешками.	8
	39	Деревянная шкатулка окиженная березой с разными красками.	1
<p>Частный пристав Ев. Албычев. Депутат Пшеничников. При описи икон и других вещей был богороцкой купец-</p>			

	кой сын Артемий Кирилов Козлов.
Л. 27	<p>1855 года июля 28 дня в первой части Екатеринбургской полиции, нижеписанный спрашиван, показал. Артемий Кирилов Козлов, 19 лет, грамотный, раскольник, судим ни за что не бывал, холост, Московской губернии города Богородскаго, 3-й гильдии купецкой сын, проживал здесь в городе вместе с родителями своими и занимался торговлею. Найденные в квартире нашей двадцать четыре иконы и небольшая старая доска, кисти, краски и другие принадлежности к живописи, собственные мои. Писанием икон занимался я сам, но по случаю запрещения нам писания икон, некоторые</p>
Л. 27 об.	<p>из них остались неоконченными, каковые и лежали у меня сложенными в ящике. Родитель мой писанием икон никогда не занимался, которой назад тому с неделю времени уехал на ярмарку, но куда именно не знаю. Показал сие посущей справедливости, в том и подписует. Купецкой сын Артемий Кирилов Козлов.</p> <p>Спрашивал частный пристав Албычев. Депутат Пшеничников.</p>
Л. 28	<p style="text-align: right;">Секретно</p> <p style="text-align: center;">Его Высокопревосходительству господину главному начальнику горных заводов Уральскаго хребта Екатеринбургскаго полицмейстера</p> <p style="text-align: center;">Рапорт</p> <p>До сведения моего дошло, что проживающий в городе Екатеринбурге Московской губернии Богородской купецкий сын Артемий Кирилов Козлов занимается писанием раскольнических икон. Вследствие чего я поручил частному приставу 1-й части полиции сделать в квартире Козлова осмотр, по которому найдено. В ящике двадцать одна икона,</p>

	<p>три доски вызолоченные с рисунками и одна доска небольшая очищенная, кисти, краски и другие принадлежности к живописи. По осмотре икон, на них оказались надписи имен и фамилий тех лиц, как должно</p>
Л. 28 об.	<p>полагать, кому иконы писаны по заказу. Кроме того найдено несколько разных писем, относящихся ко раскольническим отношениям.</p> <p>На спрос мой Козлов объяснил, что найденные у него иконы, писаны самим им назад тому более пяти лет, а когда сделано запрещение писать иконы, то написанные и приготовленные иконы и доски вместе с рисунками, красками и другими к живописи принадлежностями, он сложил в ящик, где они и хранятся.</p> <p>Отбрав от Козлова иконы, рисунки и другая принадлежности к живописи относящиеся, и сделав им подробную опись, имею честь почтительнейше донести Вашему Высокопревосходительству на распоряжение с представлением икон и прочих, ровно и писем.</p> <p>Полицмейстер. Подпись.</p>
Л. 29	<p style="text-align: right;">Секретно</p> <p>Главного начальника горных заводов Уральского хребта. Канцелярия. Август 6 дня 1855 года. № 254. Екатеринбург. Отв. На № 125 Г. Екатеринбургскому полицмейстеру</p> <p>Получив рапорт Ваш от 3-го сего августа, о найденных у проживающего в здешнем городе купеческого сына Московской губернии Артемья Козлова разных иконах, рукописях и других вещах, предписываю Вашему Высокоблагородию донести мне. По какой существенной надобности находится</p>

	<p>в Екатеринбурге, упомянутый Козлов. С которого времени, есть ли у него паспорт, не занимается ли в противозаконных сношениях с раскольниками. И вообще, не представляет ли дальнейшее пребывание его здесь опасным и вредным, и нет ли в виду полиции каких либо на это доказательств.</p> <p>Генерал от артиллерии Глинка.</p>
Л. 30	<p>1855 года августа 13 дня в присутствии Екатеринбургской городской полиции Московской губернии богородский 3-й гильдии купецкий сын Артемей Кирилов Козлов показал. Что я с родителями своими богородским 3 гильдии купцом Кириллом Козловым проживаю здесь в городе с давняго времени. На все проживание отец мой получал от местнаго своего начальства паспорта, в которых значился и я. Последний годичный паспорт выдан из Богородской городской думы 16 февраля 1854 года за № 154-м. На ныне текущий год родитель мой в начале сего года получил из здешней городской полиции свидетельство. Старой свой паспорт и капитальную сумму в январе месяце отослал в Богородскую городскую думу, которую неизвестно мне по каким причинам, не было нам</p>
Л. 30 об.	<p>выслано паспорта. Почему отец мой о понуждении думу к скорейшей присылке нам паспорта, подал на имя г. богородскаго удельнаго стряпчаго прошение в июле месяце сего года. Г. стряпчий возвратил отцу моему чрез здешнюю городскую полицию прошение, со сделанного на оном в думе надписью, что отцом моим в число следующего на текущий год капитала и на высылку паспорта не дослано денег трех рублей серебром. По получении отцом моим из здешней полиции прошения в первых числах июля, он в тоже время послал в думу чрез Екатеринбургскую почтовую кантору следующий в капитал и паспорт деньги. С получением из почтовой канторы расписки, после отсылки в Богородскую думу денег, родитель</p>
Л. 31	<p>мой в небытность меня в квартире отбыл, как должно полагать в Нижегородскую ярмарку или в место жительство.</p>

	<p>Но положительно сказать не могу, потому что об отъезде отец мне ничего не сказывал. Возвращенное г. богородским уездным стряпчим прошение и, полученные им из здешней почтовой канторы, в отсылке в думу капитальной и паспорт сумм, росписки увезены отцом моим с собою, что их в квартире нашей нет. Во время моего малолетства отец мой находился у разных лиц во услужении. 1853-й и 1854 годы находился он в прикащиках у екатеринбургского купца Евстрата Козьмина Степанова</p>
Л. 31 об.	<p>в лавке при продаже разных съестных и фруктовых товаров, с коим занимался и я. Нынешний год купцом Степановым отцу моему прикащикьяго свидетельства и доверенности дано не было. Вероятно, потому что мы не получили паспорта. Показал сие пасущей справедливости, в том и подписуюсь. Богородцкой 3 гильдии купецкой сын Артемей Кирилов Козлов.</p>
Л. 32	<p style="text-align: right;">Секретно</p> <p style="text-align: center;">Его Высокопревосходительству господину главному начальнику горных заводов Уральского хребта Екатеринбургского полицмейстера</p> <p style="text-align: center;">Рапорт</p> <p>В исполнении предписания Вашего Высокопревосходительства от 6 августа за № 254 почтительнейше имею честь донести, что Московской губернии богородский купецкий сын Артемей Кирилов Козлов, имеющий от роду 19 лет, в городе Екатеринбурге проживает, как сам он показал, с давнего времени, не объясняя с какого именно, вместе с отцом своим богородским 3 гильдии купцом Кирилом Козловым по паспортам, выдаваемым отцу его, в которых показывался и он, Артемей. Последний паспорт выдан был из Богородской городской думы 16 февраля 1854 года, который пред истечени-</p>

	ем оному срока в январе месяце сего года, отцом его отослан
Л. 32 об.	<p>в Богородскую городскую думу. Но как вновь паспорт неизвестно почему не выслано, то о понуждении к тому думу отцом его подано было Богородскому удельному стряпчему прошение, которым таковое в июле месяце возвращено ему чрез здешнюю полицию, с сделанною в Богородской думе надписью, по случаю недовысылки отцом его в число следующих с капитала на текущий год и на паспорт денег 3 руб. серебром. По отсылке, требуемых с него денег, отец его, Козлова, отбыл и сам в место его жительства. В бытность Кирила Козлова в Екатеринбурге, он находился у разных лиц в услужении, а с 1853 года находится в прикащиках у старообрядческого купца Евстрата Степанова в лавке при продаже фруктовых товаров, с которым занимается торговлею и он, Артемей.</p>
Л. 33	<p style="text-align: right;">Секретно</p> <p style="text-align: center;">Господину Екатеринбургскому полицмейстеру частного пристава первой части полиции</p> <p style="text-align: center;">Рапорт</p> <p>В следствии личного приказания Вашего Высокоблагородия о зделании обыска в квартире и лавке, проживающего здесь в городе, удельного крестьянина Московской губернии Богородскаго уезда Карповскаго приказа деревни Ляховой Федора Иванова Панкова. Не занимается ли он писанием икон, отправясь я с квартальными надзирателями и понятыми людьми, сделан самый строгий осмотр, по которому икон, красок, кистей и ничего к тому подозрительного не найдено. А в чулане квартиры Панкова им занимаемым, найдено в деревянном ящике разных бумажных рисунков триста шестьдесят штук, для писания икон, которые при сем на распоряжение Вашего Высокоблагородия вместе с обыскным</p>

	<p>актом, паспортом и свидетельством, имею честь, представить. Частный пристав Албычев. 14 августа 1855 года. № 61.</p>
Л. 34	<p>Обыск. Учиненный частным приставом первой части Екатеринбургской полиции, старшими квартальными надзирателями Ремезовым и Селяниным 2-м при депутате от граждан и при нижеподписавшихся понятых. В квартире и лавке удельного крестьянина Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа деревни Ляховой Федора Иванова Панкова, при личности самого Панкова, был сделан самый строгий осмотр. Не занимается ли Панков писанием икон, по которому икон, красок, кистей и ничего к тому подозрительного не найдено. А в чулане квартиры Панкова найдено в</p>
Л. 34 об.	<p>деревянном ящике разных бумажных рисунков триста шестьдесят штук, для писания икон, что и удостоверяем. Августа 12 дня 1855 года. Частный пристав Албычев. Депутат Пшеничников. Старший квартальный надзиратель Ремезов. Старший квартальный надзиратель Селянин. Понятыми находились: Мещанин Николай Климов, Мещанин Федор Колотилов, Мещанин Павел Шуткин, Мещанин Козма Пастухов. Удельной крестьянин Федор Панков.</p>
Л. 35	<p>1855 года августа 13 дня в первой части Екатеринбургской градской полиции Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа деревни Ляховой удельный крестьянин Федор Иванов Панков показал, что по случаю малаго количества в месте своего жительства пахотной земли и сенных угодий, я в 1846 году приехал в город Ека-</p>

	<p>теринбург для работ. Сначала занимался здесь биржевым извозничеством, а в 1850 году поступил в прикащики к московскому купцу Клементию Ушкову* при распродаже крупчатой муки, у которого и находился постоянно</p>
Л. 35 об.	<p>два года. А с начала 1852 года стал заниматься торговлею сам в здешнем рынке разными съестными припасами и глиняной посудой. На право торговли получаю из Екатеринбургского уездного казначейства свидетельства 4-го рода и постоянно от местного своего начальства паспорта. На нынешний год свидетельство на право торговли и паспорт свой при сем представляю. Писанием икон я здесь не занимался и не занимаюсь. Прежде в месте своего жительства в молодых летах я занимался писанием икон, но когда</p>
Л. 36	<p>запретили писать иконы, поэтому я и отправился из места своего жительства сюда для сыскания работ. Найденные у меня в квартире разные рисунки, принадлежат мне, которые лежат уже более десяти лет без всякого употребления. Показал сие посущей справедливости и ничего не утаил, в том и подписуюсь. Удельной крестьянин Федор Иванов Курков. Спрашивал частный пристав Ев. Албычев.</p>
Л. 37	<p style="text-align: right;">Секретно</p> <p style="text-align: center;">21 августа 1855 г. № 145</p> <p style="text-align: center;">Его Высокопревосходительству господину главному начальнику горных заводов Уральского хребта Екатеринбургского полицмейстера</p> <p>По поводу показания удельного крестьянина Петра Панкова о том, что он иконописанию учился у дяди его, такового же крестьянина Федора Панкова, я счел нужным удостовериться, не занимается ли, сей последний в настоящее время иконописанием. Вследствие чего по сделанному в квартире его, Панкова, осмотру, найдено триста шестьдесят штук ри-</p>

	<p>сунков для иконописания, но других принадлежностей к сему предмету относящихся, не оказалось. Сам же Панков показал, что он проживает в городе Екатеринбурге с 1846 года, иконописанием не занимался и не занимается. А хотя занимался этим</p>
Л. 37 об.	<p>ремеслом в месте своего жительства Московской губернии в Богородском уезде, но когда последовало на это запрещение, то найденные у него рисунки около уже десяти лет хранились у него без всякого употребления. Со времени же прибытия в Екатеринбург, занимался сначала разными работами, потом биржевым городовым извозничеством. С 1850 года находился в прикащиках у московского купца Клементья Ушкова при продаже крупчатой муки, но с 1852 года занимается уже сам торговлею в здешнем рынке разными съестными припасами и глиняной посудой. На право каковой торговли получает из Екатеринбургского уездного казначейства</p>
Л. 38	<p>свидетельства 4-го рода и на свободное проживание от местного начальства плакатные паспорта, каковой ровно и торговое свидетельство имеет и в настоящее время.</p> <p>Донося о сем, почтительнейше Вашему Высокопревосходительству с представлением, найденных у удельного крестьянина Панкова рисунков, относящихся к иконописанию. Долгом считаю присовокупить, (что в пребывании Панкова в Екатеринбурге ничего вредного не замечается, текст в скобках зачеркнут) что я имею в виду о причине предполагать, что дальнейшее пребывание Панкова в г. Екатеринбурге, может быть, оказаться вредным.</p>
Л. 39	<p style="text-align: right;">Секретно</p> <p>Главного начальника горных заводов Уральскаго хребта. Канцелярия. Сентября 7 дня 1855 года. № 332. Екатеринбург</p>

	<p>Отв. На № 145 Г-ну Екатеринбургскому полицмейстеру</p> <p>Разсмотрев рапорт Вашего Высокоблагородия от 21-го минувшаго августа, об оказавшихся у проживающаго здесь в городе удельнаго крестьянина Московской губернии Богородскаго уезда Федора Панкова рисунках для иконописания (числом всего 360 штук) я нашел, что этот крестьянин, судя по его объяснению, имел без всякаго употребления сии рисунки, оставшиеся у него от того времени, когда он, еще до запрещенія, писал иконы, чем давно уже не занимается. И что пребываніе его, Панкова, в здешнем городе по удостоверенію Вашему нельзя считать вредным или опасным. Так как он в настоящее время</p>
Л. 39 об.	<p>занимается торговою промышленностію свойственнаго его званію.</p> <p>По сему, передав упомянутые, отобранные у крестьянина Панкова для разсмотренія Духовному начальству, предписываю Вам. Учредить за этим раскольникѣм полицейскій надзор, дабы он отнюдь не имел, заниматься иконописаніем.</p> <p>Генерал от артиллеріи Глинка.</p>
Л. 39 текст с боку	<p>1855 года сентября 8 дня.</p> <p>Докладном регистре Екатеринбургской городской полиции записано. По слушании сего предписания заключено. Предписать о сем к исполнению первой части полиции.</p> <p>Подпись.</p> <p>За надлеж. подписом и скрепою. Секретарь.</p> <p>Верно, секретарь Давыдов.</p>

Комментарии

Л. 1. Панков (он же Курков) Петр Иванович – староверка, иконописец, 1832 года рождения. См. статью в настоящем издании.

Л. 1 об. Панкова (она же Куркова) Матрена Прокопьевна – староверка, жена иконописца Петра Ивановича Панкова (он же Курков).

Л. 3. Пермская удельная контора – находилась в Екатеринбурге.

Л. 7. Аршин – старорусская единица измерения длины = 0,7 м.

Л. 7. Вершок – старорусская единица измерения = 4,4 см.

Л. 12. Щедрин Зотей Михайлович – старовер, иконописец, 1828 года рождения, из крестьян Московской губернии Богородского уезда Карповской волости деревни Ляхово. Обучался иконописи в Уткинском заводе Демидова у Федора Ивановича Куркова (он же Панков). В конце 1840 – середине 1850-х гг. проживал в Екатеринбурге.

Л. 18 об. Генерал-лейтенант Глинка. – Владимир Андреевич Глинка (1790–1862), генерал-лейтенант, главный начальник горных заводов хребта Уральского (1837–1856).

Л. 19. Панков (он же Курков) Федор Иванович – старовер, иконописец. См. статью в настоящем издании. Приходится дядей иконописцу Панкову (он же Курков) Петру Ивановичу.

Л. 22. Козлов Артемий Кириллович – старовер, иконописец, 1836 года рождения, сын купца 3-й гильдии Московской губернии Богородского города. В 1850-х годах жил в Екатеринбурге и занимался иконописанием.

Л. 35. Ушков Клементий – Ушков Клементий Константинович (1783–1859), выдающийся гидротехник, предприниматель. Из семьи крепостных крестьян, которые переселились из Подмосковья на Урал в 40-х гг. XVIII в. Принадлежал к цеху углеставщиков Нижне-Тагильского завода. С разрешения властей организовал обширную торговлю мукой, став владельцем водяной мельницы. В 1841 г. создал проект и в 1848 г. построил канал р. Черная – Черноисточинский пруд, который вошел в каскад прудов, обеспечивавших работу трех заводов. Серия созданных шлюзов позволяла также регулировать уровень воды в Нижне-Тагильском и Черноисточинском прудах. Это гидросооружение эффективно и по сей день. За создание канала Ушков с сыновьями в 1849 г. получил вольную, что позволило ему приписаться к московскому купечеству с местом проживания в Нижнем Тагиле. В последующие годы построил ряд водяных мельниц и разработал проекты каналов р. Сулем – р. Шайтанка в 1851 г., р. Тура – р. Кушва в 1856 г. // Смирнова Т. В. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 557.

МЕЩЁРА-КРАЙ

Альманах по истории и культуре
Мещёрского края
Вып. 3

Редактор-составитель С.С. Михайлов

«Русская деревня»
Редкая и малотиражная литература
Тел. (495) 650-60-31
www.hamlet.ru
info@hamlet.ru

Компьютерная вёрстка М.Л. Разумовой